

К Е Н

ФОЛЛЕТТ

СТОЛПЫ ЗЕМЛИ

Кингсбридж

Кен Фоллетт
Столпы земли

«АСТ»

1989

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Фоллетт К.

Столпы земли / К. Фоллетт — «АСТ», 1989 — (Кингсбридж)

ISBN 978-5-17-093063-0

Роман Кена Фоллетта – грандиозная панорама самых темных лет в истории Англии, когда борьба за престол и междоусобные войны были привычным фоном жизни. Автор разворачивает перед читателем сплетенные в единый клубок истории самых разных людей – от простых ремесленников до графов и членов королевских семей – и следит за своими героями на протяжении более чем полувека. Воссоздан целый мир страстей и преступлений, интриг, тайн, страхов, любви и верности, на фоне которого медленно и величественно разворачивается строительство самого высокого собора в Англии. Книга поражает воображение, держит в напряжении до самой развязки, этому эпическому полотну присущи магнетизм детектива и триллера.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-093063-0

© Фоллетт К., 1989

© АСТ, 1989

Содержание

Пролог	6
Часть I	10
Глава 1	10
I	10
II	15
III	23
IV	35
V	48
Глава 2	53
I	53
II	70
III	78
Глава 3	103
I	103
II	120
III	130
Глава 4	141
I	141
II	157
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Кен Фоллетт

Столпы земли

Посвящается моей ненаглядной Мари-Клер

В ночь на 25 ноября 1120 года «Белый корабль», шедший курсом на Англию, затонул неподалеку от Барфлёра; погибли все члены экипажа и пассажиры, кроме одного... Это было морское судно, оснащенное по последнему для того времени слову кораблестроения... Весть о катастрофе потрясла всю Европу: на борту находились несколько знатных особ – наследник английского престола, два внебрачных сына короля, несколько графов и баронов и множество приближенных к королевской фамилии лиц... Историческое значение этой трагедии состояло в том, что король Генрих потерял своего прямого наследника... В результате после смерти Генриха наступил период анархии и ожесточенной борьбы за власть.

А. Л. Пул. От Земельной описи Вильгельма Завоевателя к Великой хартии вольностей

Ken Follett

THE PILLARS OF THE EARTH

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House, LLC и Synopsis.

© Ken Follett., 1989

© Перевод. В.Б. Тетевин, С.А. Морозов, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Пролог 1123

Первыми к месту казни сбежались мальчишки. Было еще темно, когда трое или четверо выбрались из хибар, ступая бесшумно, как кошки, в своей войлочной обуви. Только что выпавший снег, словно свежий слой краски, лег на городишко, и их следы первыми нарушили девственный покров. Они пробирались мимо притулившихся друг к другу лачуг, по грязным замерзшим улицам, к базарной площади, где в молчаливом ожидании торчала виселица.

Все, что ценили взрослые, мальчишки презирали. Они пренебрегали красотой и глумились над добродетелью. При виде калеки поднимали его на смех, а раненое животное забрасывали камнями. Они хвастали царапинами и синяками, а шрамы были предметом гордости, но особенно почетным считалось увечье: окажись среди них беспалый, он стал бы их королем. Они обожали насилие, могли пробежать не одну милю, чтобы увидеть жестокую драку, и, уж конечно, никогда не пропустили казнь.

Один из них помочился на подножие виселицы. Другой взобрался по ступенькам, схватил себя за горло и, изображая удушье, стал падать, корча отвратительные гримасы. Остальные затеяли потасовку, и тут же на шум с лаем прибежали две собаки. Совсем маленький мальчонка беспечно грыз яблоко, а другой, постарше, схватил его за нос и отобрал огрызок. Малыш дал выход досаде, бросив в собаку острый камень, и та, визжа, убежала. Делать было нечего, и мальчишки уселись на паперти в ожидании происшествий.

За ставнями окружавших площадь добротных деревянных и каменных домов, принадлежавших преуспевающим ремесленникам и купцам, мерцали огоньки свечей. Это судомойки и подмастерья разводили огонь, грели воду и варили кашу. Небо посветлело. Вынырнув из низких дверных проемов, горожане кутались в плащи из грубой шерсти и, поеживаясь, спешили к реке за водой.

Чуть позже появилась группа развязных парней: конюхов, работников, подмастерьев. Пинками и подзатыльниками они согнали мальчиков с паперти, а сами, прислонясь к резному камню, почесываясь и поплеывая, с видом знатоков завели разговор о том, как умирают повешенные. Если казненному повезет, сказал один, шея переломится сразу, едва он повиснет, – быстрая смерть, безболезненная, а коли не повезет, будет болтаться, багровый, хватая ртом воздух, словно рыба без воды, пока не задохнется; а другой сказал, повешенный может мучиться довольно долго, милю за это время успеешь пройти; а третий добавил, бывает и хуже, сам видел: пока один умирал, шея у него вытянулась на целый фут.

Старухи сбились в кучку на противоположной стороне площади, подальше от молодых, которые, того и гляди, начнут выкрикивать всякие гадости в адрес своих бабок. А ведь они всегда встают спозаранку, старухи-то, хотя у них нет уже младенцев или детишек, за которыми нужен уход, и первыми чистят очаг и разводят огонь. Могучая вдова Брюстер, признанный вожак, присоединилась к кучке, толкая впереди бочонок с пивом так же легко, как ребенок катит обруч. И прежде чем вытащила затычку, с кувшинами и ведрами ее обступили страждущие.

Помощник шерифа открыл главные ворота, впуская крестьян, что жили в прилепившихся к городской стене домишках. Одни принесли на продажу яйца, молоко и свежую рыбу, другие пришли купить пива и хлеба, а третьи просто стояли и ждали, когда начнется казнь.

Время от времени люди вытягивали шеи, как нахохлившиеся воробы, глядя на замок на вершине высившегося над городом холма. Они видели дым, плавно курившийся над кухней, а в бойницах каменной крепости время от времени мелькал свет факела. Когда же из-за мохнатой серой тучи стало подниматься солнце, массивные ворота сторожевой башни отворились, и

оттуда показалась небольшая процессия. Первым ехал шериф, восседая на прекрасном черном жеребце, за ним вол тянул телегу, на которой лежал связанный узник. За телегой ехали трое верховых, и хотя на таком расстоянии лиц не разглядеть, судя по одеянию, это были рыцарь, священник и монах. Процессию замыкали два стражника.

Все они присутствовали на суде, который состоялся в церкви днем раньше. Священник сказал, что поймал вора с поличным, монах заявил, что серебряная чаша является собственностью монастыря, а рыцарь, хозяин вора, сообщил, что тот сбежал, и тогда шериф вынес смертный приговор.

Пока процессия медленно спускалась с холма, вокруг виселицы собрался весь город. В числе последних явились самые знатные: мясник, пекарь, два кожевника, два кузнеца, ножовщик и мастер по изготовлению луков и стрел, – все с женами.

Обычно люди одобряли казнь. Как правило, осужденным был вор, а люди, зарабатывавшие на жизнь тяжким трудом, ненавидели воров. Но теперь мнения толпы разделились. Этот вор был особенным. Никто не знал, кто он и откуда. Украл он не у них, а у монастыря, что в двадцати милях от города. И украл драгоценную чашу, цена которой была столь велика, что продать ее не представлялось возможным, а это совсем не то, что украсть молоток, или новый нож, или хороший пояс, утрата которых каждому тяжела. Они не могли ненавидеть человека, совершившего такое непонятное преступление. Поэтому, когда телега с осужденным въехала на базарную площадь, из толпы раздались лишь отдельные выкрики, да и те звучали неуверенно, и только мальчишки с энтузиазмом над ним потешались.

Большинство горожан не присутствовали на суде, ибо в дни, когда вершился суд, они работали, и увидели преступника лишь сегодня. Он был совсем молод, лет двадцати-тридцати, обычного роста и телосложения, но в то же время его внешность была неординарной: кожа белая, как лежащий на крышах снег, ярко-зеленые навывкате глаза и огненно-рыжие волосы. Девушкам он показался некрасивым, старухи его жалели, мальчишки же, глядя на него, хохотали до упаду.

Шерифа все знали, что же касается остальных, тех, кто определил судьбу преступника, – в этом городе они были чужаками. Ясно, что рыцарь, этот толстяк с соломенными волосами, – важная птица, ибо его огромный боевой конь стоил столько, сколько плотник за десять лет не заработает. Монах уже стар, лет пятидесяти, а то и более, высок и худ, в седле он сидел с таким видом, словно и жизнь казалась ему обузой. Но самым необычным был сидевший на гнедом жеребце священник – остроносый человек в черной рясе и с гладкими черными волосами. У него был пристальный, настороженный взгляд, как у кота, замершего перед мышиной норой.

Один из мальчишек, прицелившись, кинул в осужденного камень. Бросок получился удачным – камень попал между глаз. Тот прорычал проклятие и рванулся к обидчику, но веревки, которыми был привязан к телеге, его удержали. Никто не обратил бы на это внимания, если бы не слова проклятия, произнесенные по-норманнски, а на этом языке говорили только господа. Значит, он принадлежал к знати? Или то был чужестранец? Никто не знал ответа.

Телега остановилась под виселицей. На нее с веревкой в руке взобрался помощник шерифа и, грубо рванув осужденного, поставил на ноги. Тот стал вырываться, и мальчишки дружно заулюлюкали – они были бы разочарованы, если бы преступник сохранял спокойствие. Веревки, опутывавшие его по рукам и ногам, ограничивали движения, но он отчаянно мотал головой, пытаясь увернуться от петли. Тогда помощник шерифа, здоровенный верзила, отступил на шаг и ударил узника в живот. Тот сложился пополам, и помощник шерифа продел голову в петлю и затянул узел. Затем спрыгнул на землю, подтянул веревку и закинул конец на крюк.

Дело было сделано. Если бы теперь приговоренный попытался сопротивляться, он только ускорил бы свою смерть.

Стражники развязали ему ноги и оставили на телеге со связанными за спиной руками. Толпа замерла.

На этом этапе казни нередко что-то случается: либо заголосит мать осужденного, либо жена бросится к телеге с ножом, пытаясь в последнюю минуту перерезать веревку. Порой осужденный взывает к Богу, моля о пощаде, или бросает страшные проклятия в адрес своих палачей. Поэтому стражники встали по обе стороны виселицы, готовые пресечь любой беспорядок.

И вдруг заключенный запел.

Голос его был высоким и чистым. Он пел по-французски, но даже тот, кто не знал языка, услышав грустную мелодию, понял бы, что это песня печали и утрат.

Птичка, в сетях оказавшись,
Слаще поет, чем всегда,
Словно от звуков той песни
Сети порвутся, она упорхнет.

Он пел, не отрывая глаз от кого-то в толпе, которая, заслышав песню, стала расступаться. В образовавшемся пространстве стояла девушка, и все теперь смотрели на нее.

Ей было лет пятнадцать. Глядя на девушку, все удивлялись, как это сразу такую не заметили. У нее были длинные темные волосы, пышные и густые, собранные на ее высоком лбу в «чертов рог», правильные черты лица и чувственный рот. Старухи обратили внимание на ее широкую талию и тяжелые груди, из чего заключили, что она беременна, и сразу смекнули, кто отец будущего ребенка. Но остальные не заметили ничего, кроме глаз. Она была бы красавицей, если бы не глубоко посаженные золотистые глаза, лучистые и пронизывающие, так что когда смотрела на кого-то, казалось, могла заглянуть прямо в душу; и люди отводили взгляд, боясь, что она узнает их секреты. Она была в тряпье, и по ее щекам текли слезы.

Погонщик вола и помощник шерифа переглядывались в ожидании команды. Странный священник поторапливал шерифа, который медлил, давая вору допеть свою песню до конца. Казалось, сама смерть терпеливо ждала, когда умолкнет чудесный голос.

Бедную пташку охотник схватил,
Свободы уж ей не видать.
Все люди и птицы должны умереть,
Но песня жить будет всегда.

Наконец узник замолчал, шериф взглянул на помощника и кивнул. «А-а!» – щелкнул хлыстом погонщик. Телега со скрипом двинулась с места, стоявший на ней осужденный качнулся и, потеряв опору, повис. Веревка натянулась, и шея несчастного, хрустнув, переломилась.

Послышался пронзительный крик, и все посмотрели на девушку.

Правда, кричала не она, а жена ножовщика. Но вскрикнула она из-за девушки, увидев, как та опустилась на колени, вытянув вперед руки, готовая послать проклятия палачам. Стоявшие рядом в ужасе попятились: каждый знал, проклятия несправедливо осужденных непременно сбудутся, а всем мерещилось в этой казни что-то зловещее. Даже мальчишки испугались и притихли.

Девушка остановила взгляд своих гипнотических глаз на чужаках – рыцаре, монахе и священнике, – и ее звонкий голосок разнес над площадью слова проклятия: «Да не оставят вас болезни и горе, голод и страдание, да сожрет огонь ваши жилища и да будут повешены ваши дети; пусть процветают ваши враги, и пусть вы состаритесь в тоске и печали и умрете в нищете

и отчаянии...» Еще не рассеялся в воздухе отзвук последних слов, как девушка выхватила из мешка петуха, в ее руке блеснул нож, и одним движением она отсекла птице голову.

Фонтаном брызнула кровь, а обезглавленный петух был брошен к ногам чужаков, которые с отвращением отпрянули, но кровь окропила каждого, запятнав одежды и обагрив лица.

Девушка побежала прочь.

Толпа расступилась, давая ей дорогу, и снова сомкнулась. Какое-то время все были в смятении. Наконец шериф призвал стражников и сурово приказал нагнать беглянку. Они стали пробиваться сквозь толпу, грубо расталкивая мужчин, женщин и детей. Но девушки уже не было видно, и, хотя шериф тоже попытался ее разыскать, она словно сквозь землю провалилась. Раздраженный, он повернул назад.

Рыцарь, монах и священник ничего этого не видели, стоя в оцепенении у виселицы. Шериф проследил за их застывшими взглядами. Повешенный слегка покачивался, его бледное лицо посинело, а под ним в предсмертной агонии, описывая рваные круги на обгаженном кровью снегу, метался обезглавленный петух.

Часть I 1135–1136

Глава 1

I

На берегу ручья, что весело бежал по широкой долине, у подножия пологого холма Том строил дом. Работа спорилась, и стены уже поднялись на высоту трех футов. Двое нанятых Томом каменщиков скребли, шлепали и пристукивали мастерками, в то время как подручные обливались потом под тяжестью массивных каменных блоков. Сын Тома, Альфред замешивал раствор, вслух считая порции добавляемого песка. Рядом с Томом мастерил скамью плотник, тщательно обтесывая буковую доску. В свои четырнадцать Альфред был всего на пару дюймов ниже отца, на целую голову превосходившего большинство людей. Они были очень похожи, оба русоволосые, с зеленовато-карими глазами. А отличались лишь тем, что у Тома была курчавая темная борода, тогда как у Альфреда – нежный пушок. Том с умилением вспоминал, что у маленького сына на голове вились такие же тонкие волосики. Теперь, когда Альфред вырос, Том хотел, чтобы сын больше интересовался работой отца, ибо, коли хочешь стать настоящим каменщиком, многому следует научиться. Но до сего дня азы строительной науки вызывали у Альфреда лишь недоумение и скуку.

Когда они закончат работу, здание признают самым роскошным на многие мили вокруг. Внизу – просторный подвал со сводами, чтобы обезопаситься от пожара. В жилое помещение ведет высокая наружная лестница, что делает его менее уязвимым при нападении. Там же, в стене, будет дымоход. Это было радикальное новшество: всего в одном доме Том видел дымоход, и так был потрясен, что твердо решил воспользоваться этой идеей. В дальней части дома будет маленькая спальня: в наше время дворянские дочери стали требовать для себя отдельные покои – они, видите ли, слишком нежные, чтобы спать вместе с мужичьем, прислугой и охотничьими собаками. Кухня разместится в отдельном доме, так как рано или поздно там непременно случится пожар, и единственное, что можно сделать, – строить кухни подальше от всего остального, смирившись с тем, что еда будет подаваться полуостывшей.

Сейчас Том трудился над входом в здание, придавая дверным косякам форму колонн, налет изысканности для новобранцев из аристократических семей, что будут здесь жить. Сверяясь с деревянным шаблоном, он приставлял к косяку железное зубило и постукивал по нему большим деревянным молотком. Осколки кирпича дождем сыпались на землю. Колонна получалась гладкая, не хуже, чем в соборе.

Однажды Том уже работал на строительстве собора. Дело было в Эксетере. Поначалу он отнесся этому, как к самой обычной работе. И даже разозлился на мастера, когда тот отметил, что качество его работы не особенно хорошо: уж Том-то знал, что он более прилежен, чем другие каменщики. Но вскоре понял, что стены собора должны быть не просто хороши, но совершенны, потому что собор строился для Бога и еще потому, что здание было столь велико, что малейшая неровность стен, ничтожное отклонение от уровня могли губительно ослабить конструкцию. Он стал испытывать воодушевление. Сочетание громадности проекта и необходимости жестко контролировать малейшие детали открыло ему глаза: Том осознал волшебную силу своего ремесла. Из опыта строительства собора он узнал о пропорциях, символическом значении чисел и почти магических формулах, применяемых для определения толщины стен

и угла ступеней винтовой лестницы. Его захватила эта магия. И еще он был удивлен, когда узнал, что другие каменщики и не пытаются ее постичь.

Очень скоро Том стал правой рукой мастера, и тогда-то ему открылось, что и у его учителя есть недостатки. Мастер в совершенстве знал ремесло, но организатором был никудышным. Он совершенно терялся, когда нужно было обеспечить каменщиков блоками подходящего качества, проверить, изготовили ли кузнецы какой следует инструмент, выяснить, есть ли гашеная известь и песок для раствора, проследить, чтобы плотникам подвезли бревна, а еще вовремя получить из казны деньги и за все заплатить.

Если бы Том остался в Эксетере, после смерти мастера он занял бы его место, но соборная казна истощилась – отчасти из-за просчетов мастера, – и каменщикам пришлось покинуть Эксетер в поисках другой работы. Смотритель замка предложил Тому заняться ремонтом и совершенствованием городских укреплений. Этому он мог бы посвятить всю оставшуюся жизнь. Но Том ему отказал, потому что теперь мечтал построить еще один собор.

Агнес так и не смогла его понять. Ведь они могли бы жить в добротном каменном доме, иметь слуг, собственную конюшню и каждый день есть мясо. Она не могла простить Тому, что он упустил такую возможность. Ей не дано было постичь, сколь неодолимо притягательным стало для Тома строительство собора: решение сложнейших организационных задач, напряженная работа ума, правильные линии стен, красота, от которой захватывает дух, и великолепие законченного здания. Однажды вкусив этого, Том никогда уже не удовлетворится меньшим.

Но то было десять лет назад. С тех пор они никогда подолгу не задерживались на одном месте. Том брался за новый зал для общих собраний в монастыре, год или два строил замок или городской дом для богатого торговца; но едва у него появлялись деньги, он снимался с места, с женой и детьми, и отправлялся в путь в поисках своего нового собора.

Оторвавшись от работы, Том увидел Агнес. Она стояла на краю строительной площадки, держа в одной руке корзинку с едой, а в другой – кувшин с пивом. Был полдень. Том приветливо посмотрел на жену. Она – далеко не красавица, но ее лицо исполнено силы: широкий лоб, большие карие глаза, прямой нос и волевой подбородок. Темные выющиеся волосы расчесаны на пробор и собраны сзади в пучок. Она была ему душевным другом.

Агнес налила пива Тому и Альфреду. Так они и стояли, двое крупных мужчин и крепкая женщина, стояли и пили из деревянных чашек пиво, когда из пшеничного поля вынырнула Марта, четвертый член семьи, семилетняя девочка, милая, как цветочек, правда, без одного лепестка: во рту у нее была щербина – два молочных зуба выпали, а новые еще не выросли. Она подбежала к Тому, поцеловала его в пыльную бороду и стала просить глоточек пива. Он обнял худенькое тельце и улыбнулся:

– Не пей слишком много, в канаву свалишься.

А Марта начала шататься, притворяясь пьяной.

Они уселись все на бревне, Агнес протянула Тому ломоть пшеничного хлеба, большой кусок вареной свинины и маленькую луковицу. Откусив мяса, он принялся не спеша ее чистить. Дети тоже сосредоточились на еде. «Возможно, я поступил безответственно, отказавшись от работы в Эксетере и пустившись на поиски места на строительстве собора, – думал Том. – Но мне ведь обычно удавалось их прокормить».

Он достал из кармана кожаного фартука нож, отрезал от луковицы и положил в рот сладкий и едкий кусок.

– Я снова беременна, – сказала Агнес.

Том перестал жевать и уставился на жену. Чувствуя, как его захлестывает радость и не зная, что сказать, он глупо улыбался.

– Чему тут удивляться, – покраснев от смущения, промолвила Агнес.

Том обнял ее.

– Да-да, – блаженно ухмыльнулся он. – Малыш еще потреплет меня за бороду. А я-то думал, следующий будет уже Альфреда.

– Не радуйся раньше времени, – предупредила Агнес. – И не стоит называть ребенка, пока он не родился.

Том кивнул. У Агнес случались выкидыши, один ребенок родился мертвым, а дочка, Матильда, прожила всего два года.

– Все-таки хотелось бы мальчика. Теперь, когда Альфред так вымахал... Когда ждешь?

– После Рождества.

Том начал подсчитывать. До первых холодов каркас дома будет закончен, затем, чтобы защитить от мороза, кладку нужно будет накрыть сеном. Зимние месяцы каменщики проведут за обработкой блоков для окон, потолков, дверных проемов и очагов; плотники подготовят доски для полов, двери и ставни, а Том займется строительными лесами. С приходом весны они закончат своды первого этажа, настелят полы наверху и покроют крышу. Эта работа прокормит семью до Троицы, и малышу уже будет полгода. И они двинутся дальше.

– Хорошо, – сказал он твердо. – Это хорошо. – И отрезал еще луку.

– Я уже слишком стара, чтобы вынашивать детей, – сказала Агнес. – Должно быть, это последний.

Том задумался. Он не знал точно, сколько ей лет, но очень многие женщины в ее возрасте еще рожали. Хотя, по правде говоря, они сильно мучились, быстрее старели, да и дети рождались слабыми. Без сомнения, она была права. «Но как она может быть уверена, что вновь не забеременеет?» – размышлял Том. И тут он догадался, и на его лицо легла тень.

– Я могу получить хорошую работу где-нибудь в городе, – стараясь ее успокоить, сказал Том. – Собор или дворец. У нас будет большой дом и служанка, которая поможет управляться с малышом.

Ее лицо стало твердым, и она не смогла скрыть сомнения, когда сказала:

– Может быть.

Она терпеть не могла его разговоры о соборе. Если бы не эти его мечты, она бы сейчас жила в городском доме, и денег бы скопила на черный день, и ни о чем бы не заботилась.

Том жевал свинину и глядел в сторону. Сегодня был хороший повод для праздничного настроения, но в семье чувствовался разлад. И это действовало на него удручающе. Внезапно послышался топот копыт. Том поднял голову и прислушался. Со стороны дороги кратчайшим путем, через лес, минуя деревню, к ним приближался всадник.

Через минуту верхом на небольшой лошадке подъехал молодой человек, по виду похожий на сквайра-оруженосца.

– Ваш господин едет, – сказал он, спрыгнув с лошади.

– Ты имеешь в виду лорда Перси?

Том встал. Перси Хамлей был одним из самых влиятельных людей в стране. Он владел этой долиной, как и многими другими, и он же оплачивал строительство дома.

– Его сын.

– А-а, молодой Уильям.

Именно сын Перси, Уильям, должен был поселиться в этом доме после свадьбы. Он был обручен с леди Алиной, дочерью графа Ширинга.

– Он самый, – кивнул сквайр. – И к тому же в ярости.

У Тома екнуло сердце. И в лучшие времена не так-то просто иметь дело с хозяином строящегося дома, а уж когда он не в духе, и говорить не о чем.

– Но отчего?

– Невеста дала от ворот поворот.

– Дочь графа?! – воскликнул Том. Его охватил страх: минуту назад он думал о том, что его будущее вполне благополучно. – Мне казалось, у них все улажено.

– Всем так казалось, кроме леди Алины, – сказал сквайр. – Но когда они встретились, она заявила, что не выйдет за него замуж ни за что на свете.

– Но, мне помнится, малый недурен собой, – нахмурился Том. Ему очень не хотелось, чтобы услышанное было правдой.

– Будто это имеет для нее значение! Если бы графским дочкам позволяли выходить замуж за кого заблагорассудится, нами правили бы бродячие менестрели и черноглазые разбойники, – возмутилась Агнес.

– Может, еще передумает, – с надеждой произнес Том.

– Передумает, если ее мать возьмет в руки березовые розги, – не унималась Агнес.

– Ее мать умерла, – сказал сквайр.

– Потому она и не знает порядка, – покачала головой Агнес. – Но я не понимаю, почему отец-то не может ее заставить.

– Кажется, он дал слово, что никогда не выдаст ее за нелюбимого, – сказал сквайр.

– Дурацкое обещание! – вспыхнул Том.

Как может могущественный человек потакать капризам девчонки? Этот брак позволит создать военный союз, повлияет на доходы графа и даже... на успешное завершение строительства дома.

Словно угадав его мысли, сквайр добавил:

– У нее есть брат, а потому не так уж важно, кто будет ее мужем.

– Но если и так...

– Граф – человек непреклонный, – продолжил сквайр. – Он никогда не нарушит слова, даже данного ребенку.

Том взглянул на недостроенные стены будущего дома. Он с горечью понял, что денег, которые удалось скопить, не хватит, чтобы протянуть зиму. «Может, этот парень найдет себе другую невесту. У него вон целое графство – только выбирай».

– О Господи! По-моему, это он, – ломким юношеским баском сказал Альфред.

Все повернулись в направлении его взгляда. Через поле от деревни бешеным галопом мчался конь, из-под его копыт летели пыль и комья земли. Альфреда поразили размеры коня и скорость, с которой тот несся. Тому уже случалось видеть таких животных, а вот Альфреду, пожалуй, никогда. Это был боевой конь в холке ростом с человека и с могучей грудью. В Англии таких не разводили, их привозили из-за моря, и стоили они огромных денег.

Том положил в карман фартука остатки хлеба и, прищулив глаза, стал смотреть вдаль. Конь летел, прижав уши, раздувая ноздри и слегка приподняв голову, послушный желаниям своего седока. Приближаясь к ним, всадник откинулся назад, натянул вожжи, и громадное животное постепенно замедлило бег. Том чувствовал, как дрожит земля под копытами коня. Он оглянулся, чтобы взять Марту на руки, от греха подальше. Агнес сделала то же самое. Но дочка исчезла.

– В пшенице! – крикнула Агнес.

Том и сам уже понял и бежал к полю. Сердце его похолодело. Он искал девочку в пшенице, раздвигая руками высокие колосья. Но ее нигде не было видно.

Единственное, что оставалось, это попытаться остановить коня. Том шагнул на тропинку и, широко раскинув руки, пошел навстречу несущемуся животному. Увидев его, конь задрал кверху голову и хотел остановиться. Но, к ужасу Тома, всадник прищипорил коня.

– Будь ты проклят! – взревел Том, хотя расстояние было еще слишком велико, чтобы его услышали.

И тут, в нескольких ярдах впереди, на тропинку выскочила Марта.

На мгновение Том остолбенел от охватившего его страха. А придя в себя, бросился вперед, крича и размахивая руками. Но это был боевой конь, специально обученный бросаться в ревушую толпу. Марта неподвижно стояла на узкой тропинке и, словно завороченная, гля-

дела на летевшее на нее огромное животное. Том в отчаянии понял, что добежать до нее уже не успеет. Он отскочил в сторону и, потеряв надежду, сжал в руках колоски. Но в последнее мгновение конь слегка отклонился с пути. Он лишь чиркнул стремями по волосам Марты и, оставив рядом с ее босой ножкой глубокий след копыта, пронесся мимо. Том подхватил дочку и крепко прижал к груди.

С минуту он стоял неподвижно, его ноги дрожали, живот свело холодом. Он чувствовал, как в нем закипает гнев, наблюдая, как лорд Уильям, упершись ногами в стремяна, откинувшись в седле и натянув поводья, останавливал коня. Чтобы не налететь на забор, умное животное отклонилось в сторону, потом тряхнуло головой и взбрыкнуло, пытаясь сбросить седока, но Уильям усидел. Он перевел коня в кентер, а затем в рысь, описав широкий круг.

Марта заплакала. Том передал ее Агнес и стал ждать, когда подъедет Уильям. Молодой лорд был высоким, хорошо сложенным парнем лет двадцати, с желтыми волосами и узкими глазами, словно прищуренными на солнце. Его одежду составляла черная туника, а на ногах – кожаные сапоги, до самых колен перетянутые ремнями. Он уверенно держался в седле, и казалось, случившееся его ничуть не взволновало. «Глупый мальчишка даже не понимает, что произошло, – с горечью подумал Том. – Шею бы ему свернуть».

Уильям остановил коня у сложенных штабелем бревен и сверху посмотрел на работников.

– Кто здесь за главного?

Тому хотелось крикнуть: «Если бы ты обидел мою девочку, я бы тебя прикончил», – но он сдержался, подошел к коню и, взяв его под уздцы, сказал:

– Я старший строитель. Меня зовут Том.

– Дом больше не нужен. Скажи своим людям, чтобы убирались на все четыре стороны.

Именно этого Том и боялся. У него теплилась надежда, что Уильям сказал так в порыве злости и еще может изменить свое решение. Усилиями воли Том заставил себя говорить дружелюбно и рассудительно:

– Так много сделано... Сколько денег зря потрачено... Этот дом ведь когда-нибудь понадобится.

– Не тебе меня учить, Том Строитель. Вы все свободны. – Он дернул поводья, но Том крепко держал узду. – Отпусти коня! – прикрикнул Уильям.

Том сглотнул. Еще через мгновение Уильям дернет поводья и будет таков. Том нащупал в кармане недоеденный хлеб, достал его и протянул коню. Тот опустил голову и принялся жевать.

– Милорд, прежде чем уехать, изволь выслушать меня.

Том старался говорить как можно мягче.

– Отпусти коня, не то лишишься головы! – пригрозил Уильям.

Том посмотрел ему прямо в глаза, стараясь не выказать страха. Он был крупнее Уильяма, но разве это поможет, если тот вытащит меч!

– Слушай нашего господина, супруг, – испуганно прошептала Агнес.

Наступила мертвая тишина. Остальные работники стояли неподвижно, словно статуи. Том понимал, что разумнее всего уступить. Но Уильям чуть не затоптал конем его маленькую дочку, и это приводило Тома в бешенство.

– Ты должен нам заплатить. – Сердце Тома рвалось из груди.

Уильям потянул поводья, но Том еще крепче сжал узду. Конь тыкался мордой в карман фартука Тома в надежде найти еще корочку.

– Обращайся к отцу за своими деньгами! – сказал Уильям зло.

Том услышал дрожащий голос плотника:

– Мы так и сделаем, милорд. Премного благодарны.

«Трус несчастный», – подумал Том, но и его самого трясло. И все же он заставил себя сказать:

– Если решил нас уволить, ты должен рассчитаться – таково правило. До твоего отца два дня идти, а когда придем, мы можем его и не застать.

– Некоторые расставались с жизнью и не за такую наглость! – стиснув зубы, проговорил Уильям. Его щеки пылали.

Краем глаза Том увидел, как сквайр положил руку на эфес. Он понимал, что лучше отступить и смириться, но как бы ни был он напуган, его распирало от негодования. Том не смог заставить себя отпустить коня.

– Сначала заплати, тогда можешь убивать, – сказал он дерзко. – Тебя за это повесят, а может и нет; но рано или поздно ты умрешь, и я буду на небесах, а ты – в аду.

Уильям изменился в лице и побледнел. Том недоумевал: что перепугало мальчишку? Уж конечно не упоминание о виселице: вряд ли лорда повесят за убийство ремесленника. Неужели он так боится ада?

С минуту они смотрели друг другу в глаза, и Том с облегчением заметил, что выражение злобы и презрения на лице Уильяма уступило место паническому страху. Наконец Уильям сорвал с пояса кожаный кошелек и швырнул сквайру:

– Заплати им.

В этот момент Том поймал свою удачу. Когда Уильям снова натянул поводья и конь, подняв могучую голову, сделал шаг в сторону, Том двинулся вместе с ним, продолжая удерживать узду.

– Полное жалованье за неделю при увольнении. Таково правило. – Он слышал, как за его спиной ахнула Агнес, которая, кажется, считала его поведение безрассудным. – Шесть пенсов работнику, двенадцать плотнику и каждому каменщику и двадцать четыре мне. Всего шестьдесят шесть пенсов. – Среди знакомых Тома никто не умел считать так быстро.

Сквайр вопросительно посмотрел на своего господина.

– Заплати, – процедил Уильям.

Том отпустил узду и отступил на шаг.

Уильям с силой хлестнул коня, и тот рванул, унося всадника через пшеничное поле.

Том опустился на бревно. И что на него нашло? Только сумасшедший мог говорить с лордом Уильямом в таком тоне. Повезло еще, что жив остался.

Дробь копыт боевого коня, отдаваясь, сливалась в низкий монотонный гул. Сквайр отсчитал деньги. С чувством триумфатора Том смотрел, как поблескивают на солнце серебряные монетки. Да, безрассудно, но ведь не зря: он отстоял свой заработок и заработок тех, кто с ним работал.

– Даже знатым господам приходится соблюдать правила, – сказал он ни к кому не обращаясь.

– Моли Бога, чтобы тебе никогда больше не пришлось работать у лорда Уильяма, – раздраженно бросила Агнес.

Том улыбнулся. Он понимал, что жена так говорит, потому что до смерти перепугалась.

– Да не хмурься ты так – молоко в грудях прокиснет. Ребенок родится, а ты кормить не сможешь.

– Я никого из нас не смогу кормить, если ты не найдешь на зиму работу.

– До зимы еще далеко.

II

Все лето они прожили в деревне. Позже они поймут, что, оставшись там до осени, совершили страшную ошибку, но тогда это казалось вполне разумным, ибо, работая в поле на уборке урожая, и Том, и Агнес, и Альфред имели возможность зарабатывать по пенсу в день. Когда

наступила осень и пришла пора отправляться в путь, у них были увесистый мешочек серебряных монет и откормленная свинья.

Первую ночь они провели на паперти деревенской церкви, а вторую – в небольшом монастыре, воспользовавшись гостеприимством монахов. На третий день они очутились в дебрях Шютского леса, среди кустарника и вековых деревьев, на узкой, не шире телеги, дороге, петляющей среди дубов и утопающей в буйстве красок умирающего лета.

Свои молотки Том подвесил к поясу, а инструменты поменьше нес в мешке за плечами. Через левую руку он перекинул плащ, в правой держал железный лом, который одновременно служил ему посохом. Он рад был снова пуститься в путь. Может, ему удастся получить работу на строительстве собора, он станет главным каменщиком, проведет там оставшиеся дни и построит такое прекрасное здание, что попадет за это после смерти в рай.

Агнес тащила за спиной подвязанный на веревке котелок с нехитрой домашней утварью. Альфред нес инструменты, которые понадобятся, когда они будут строить новый дом: топор, тесло, пилу, небольшой молоток, шило – проделывать отверстия в коже и дереве – и лопату. Маленькая Марта бежала налегке, если не считать чашки и ножика, висевшего на поясе, да зимней одежки за спиной. Но и у нее было серьезное дело: погонять свинью, пока они не продали ее на рынке.

Лесу, казалось, не было конца. Том шел, поглядывая на Агнес. Она была уже почти на сносях, и ей приходилось нести ношу не только за плечами, но и во чреве. Казалось, она неутомима. Альфред тоже держался молодцом, он был в том возрасте, когда у мальчишек столько энергии, что они не знают, куда ее девать. Только Марта быстро уставала. Ее тоненькие ножки не привыкли к дальним переходам, она постоянно отставала, и остальным приходилось останавливаться и поджидать ее.

Всю дорогу мысли Тома были заняты мечтами о соборе, который он когда-нибудь построит. Прежде всего он представлял себе арку: две колонны и арочный свод. Он представил еще одну, точно такую же, и соединил их вместе. Получился сводчатый проход. Потом еще арку, и еще, и еще, целый ряд арок, образовавших туннель. Вот тебе и здание: и крыша есть от дождя, и стены. По сути, церковь – это туннель, только с усовершенствованиями.

В туннеле темно, так что первое усовершенствование – окна. Если стена достаточно прочная, в ней можно сделать оконные проемы. Они будут закругленными сверху, с прямыми сторонами и основанием – такой же формы, что и арки. Одинаковые очертания арок, окон и дверей – это первое, что придаст зданию красоту. Второе – симметричность, и Том представил двенадцать одинаковых окон, равномерно расположенных по обеим сторонам туннеля.

Том попытался вообразить лепные украшения над окнами, но тут почувствовал, что не может сосредоточиться: его не оставляло ощущение, что за ним наблюдают. «Дурацкая мысль, – подумал он. – Разве что это птицы да звери. Их здесь видимо-невидимо».

В полдень они остановились передохнуть на берегу ручья. Попили кристально чистой воды и позавтракали свининой и дикими яблоками, что набрали в лесу.

К вечеру Марта устала и шла уже ярдах в ста позади. Том приостановился, вспоминая, каким был Альфред в ее возрасте: чудесный золотоволосый мальчуган, крепкий и храбрый. К гордости примешалось раздражение при виде Марты, которая, ворча, поторапливала свинью. И вдруг прямо перед девочкой из зарослей выскочил человек. Дальше все происходило с такой скоростью, что Том не успел опомниться. Незнакомый, так внезапно появившийся на дороге, поднял дубину. Прежде чем Том успел завопить от ужаса, тот обрушил дубину на Марту. Удар пришелся по голове, – Том услышал страшный звук, – и девочка рухнула на землю, словно сломанная кукла.

Не помня себя, Том рванул туда. Ноги сами несли его, отбивая гулкую дробь о твердую землю, как копыта боевого коня лорда Уильяма. На бегу, он смотрел не отрываясь, и это было похоже на то, как обычно смотрят фреску под куполом церкви, – он ничего не мог изменить в

том, что видел. Нападавший был, конечно, разбойником. Босой, одетый в коричневое тряпье коротышка. На мгновение он обернулся, и Том увидел, что его лицо изуродовано: губы отрезаны, должно быть, в наказание за лжесвидетельство, и на нем застыла омерзительная усмешка. Ужасающий вид негодяя мог остановить Тома, если бы не распростертое на земле тело Марты.

Внимание разбойника было приковано к свинье. Он нагнулся, подхватил извивавшееся животное и стрелой метнулся в заросли, унося с собой их единственное семейное достояние.

А Том уже стоял подле Марты на коленях. Он приложил к ее груди свою широкую ладонь и, убедившись, что сердце бьется ровно и спокойно, с облегчением вздохнул: худшее опасение не оправдалось. Но глаза девочки оставались закрытыми, а на светлых волосах алела кровь.

Рядом с ним упала на колени подбежавшая Агнес. Она пощупала грудь, руки и лоб девочки и, сурово посмотрев на Тома, сказала:

– Жить будет. Верни нашу свинью.

Том проворно развязал мешок с инструментом. Левой рукой он схватил большой железный молоток, а правой – лом. По примятым кустам можно было проследить путь вора, к тому же было слышно, как визжит за деревьями свинья. Том нырнул в заросли.

Преследовать разбойника было легко. Грузный, с дергающейся под мышкой свиньей, он продирался сквозь чащу, ломая кусты и ветки деревьев. Том мчался за ним, горя желанием схватить вора и избить до полусмерти. Он миновал березовую рощицу, помчался вниз по склону холма и, наткнувшись на узенькую тропинку, в раздумье остановился: вор мог побежать и налево, и направо. Но тут Том услышал, как где-то слева от него заверещала свинья, а сзади кто-то продирается сквозь кустарник – должно быть, Альфред. И вновь пустился в погоню.

Тропинка завела его в овраг, а затем резко повернула и стала подниматься вверх. Теперь он отчетливо слышал, как визжит свинья. Годами он дышал каменной пылью, и его легкие ослабли, поэтому, взбираясь на холм, Том тяжело дышал. Внезапно подъем закончился, и в двадцати-тридцати ярдах от себя он увидел грабителя, который бежал, словно за ним гнался сам дьявол. Том сделал рывок, и расстояние между ними стало резко сокращаться. Он просто обязан поймать этого наглеца, только бы хватило дыхания, ведь со свиньей далеко не убежишь. В груди закололо. Вот уже осталось пятнадцать ярдов... двенадцать. Том поднял над головой лом, держа его словно копье. Еще поближе – и можно бросить. Одиннадцать ярдов, десять...

И вдруг краем глаза он заметил, как из кустов появилась тощая физиономия в зеленом колпаке. Было уже слишком поздно, не увернешься. Прямо перед ним опустилась здоровенная дубина, и, споткнувшись о нее, Том кубарем полетел на землю.

Падая, он выронил лом, и теперь у него остался только молоток. Он перевернулся через голову и успел подняться на одно колено. Том увидел, как к нему бегут двое: тот, в зеленом колпаке, и другой – лысый, со спутавшейся бородой.

Том сделал шаг в сторону и замахнулся молотком. Разбойник увернулся, но массивное железное орудие обрушилось на его плечо; он завыл от боли и свалился на землю, схватившись за руку, словно она была сломана. Времени, чтобы размахнуться для второго удара, у Тома не было, ибо лысый летел на него сломя голову, поэтому он резко выставил молоток вперед, направив его прямо в лицо разбойника, и раздробил ему челюсть.

Нападавшие катались по траве, потеряв всякое желание продолжать драку. Том бросился в погоню за бежавшим по тропинке вором, не обращая внимания на боль в груди. Но едва пробежал несколько ярдов, как услышал знакомый голос.

Альфред.

Том остановился и оглянулся.

Сын, отчаянно работая руками и ногами, отбивался от обоих негодяев. Он нанес три или четыре удара в челюсть человеку в колпаке и больно пнул лысого. Но разбойники повисли на нем с двух сторон, и орудовать кулаками стало невозможно. Том медлил, не зная, что делать – продолжить погоню или броситься на выручку сыну. В этот момент лысый подставил Альфреду

ножку, и тот со всего маху хлопнулся на землю. Разбойники навалились на него и стали осыпать градом ударов.

Том побежал назад и с такой силой врезал лысому, что тот кубарем полетел в кусты. Держа наготове молоток, он повернулся ко второму мерзавцу, который уже испробовал силу его удара. Тот не стал еще раз испытывать судьбу и, придерживая сломанную руку, нырнул в чашу.

Том посмотрел по сторонам: вниз по тропинке удирал лысый. Зато вора уже не было видно. Том проклинал все на свете. Эта свинья стоила половину их состояния. Тяжело дыша, он опустился на землю.

– Здорово мы им врезали! – возбужденно сказал Альфред.

Том поднял глаза.

– Свинью-то уже не вернешь. – В нем кипела обида. Они купили поросенка весной, едва заработали достаточно денег, и все лето откармливали. Сейчас свинья стоила пенсов шестьдесят – вполне достаточная сумма, чтобы прожить зиму да еще прикупить кожаной обуви. Без свиньи им долго не протянуть.

Том с завистью посмотрел на Альфреда, который уже вполне оправился от погони и потасовки и снова был полон сил. «Давно ли и я мог бегать быстрее ветра, не чувствуя, как колотится сердце? – думал Том. – Тогда мне было... двадцать лет. Двадцать лет. Будто вчера...»

Он поднялся на ноги, положил руку на широкое плечо сына, и они пошли обратно. Юноша был ниже отца на ширину ладони, и чувствовалось, что очень скоро он его догонит, а возможно, и перегонит. «Хорошо, если и мозги так же быстро растут», – подумал Том и сказал назидательно:

– Ввязаться в драку может каждый дурак, умный же знает, как ее избежать.

Они свернули с тропы, пересекли болотце и стали карабкаться вверх. Вот уже и березовая роща. Том вспомнил про Марту. У него засосало под ложечкой. Разбойник набросился на нее так неожиданно, что она даже не успела испугаться.

Том ускорил шаг, и через минуту они с Альфредом вышли на дорогу. Марта неподвижно лежала на том же месте. Глаза закрыты, на волосах подсыхала кровь. Рядом на коленях стояла Агнес, а подле нее, к удивлению Тома, – какая-то женщина с мальчиком. Теперь ясно, почему он не мог отделаться от чувства, что за ним наблюдают, – в лесу было полно людей. Он нагнулся и приложил руку к груди девочки. Дыхание было нормальным.

– Она скоро проснется, – уверенным голосом сказала незнакомка. – Ее стошнит, а потом она поправится.

Том с любопытством посмотрел на женщину, склонившуюся над Мартой. Она была совсем еще молода, лет на двенадцать моложе его. Короткая кожаная туника едва прикрывала гибкие загорелые руки и ноги. Темные волосы, клином заходившие на лоб, обрамляли прекрасное лицо. Том ощутил прилив желания. Она подняла взор и посмотрела на него. Том вздрогнул – у нее были глубоко посаженные глаза необычного золотисто-медового цвета, что придавало ее лицу какое-то волшебное очарование. Он понял, что она читает его мысли.

Том в смущении отвернулся, поймав на себе обиженный взгляд Агнес.

– Где свинья?

– Там были еще двое разбойников, – ответил Том.

– Мы им врезали как следует, но тот, что со свиньей, смылся, – сказал Альфред.

Агнес скривила губы, но промолчала.

– Девочку можно перенести в тень, – сказала незнакомка, вставая. Она была небольшого роста, как минимум на фут ниже Тома.

Он наклонился и осторожно поднял Марту. Ее тельце показалось ему невесомым. Он перенес девочку на несколько ярдов и опустил на травку в тени старого дуба.

Альфред собирал разбросанные инструменты. Мальчик незнакомки, широко раскрыв глаза и разинув рот, молча за ним наблюдал. Он был года на три моложе Альфреда и, как показалось Тому, выглядел странно – не имел ничего общего с чувственной красотой матери. Белокожий, с огненно-рыжими волосами и зелеными глазами навывкате, смотревшими тупо и настороженно. Взгляд у него был напряженно-глупый, такие дети обычно либо умирают в младенчестве, подумал Том, либо, вырастая, становятся деревенскими дурачками. Было заметно, что Альфред чувствовал себя неловко под этим взглядом.

Пока Том смотрел на него, мальчик выхватил из рук Альфреда пилу и стал ее рассматривать, словно диковинку. Оскорбленный такой наглостью, Альфред потянул пилу к себе, и мальчишка тут же отпустил ее с безучастным видом. Мать прикрикнула на него:

– Джек! Веди себя прилично. – Казалось, она смутилась.

Том посмотрел на незнакомку. Мальчишка был совершенно не похож на нее.

– Ты его мать?

– Да. Меня зовут Эллен.

– А где твой муж?

– Умер.

Том был удивлен.

– И ты путешествуешь одна? – спросил он недоверчиво.

Даже такому мужчине, как он, в этом лесу находиться небезопасно, а уж одинокая женщина едва ли могла бы здесь выжить.

– Мы не путешествуем, – сказала Эллен. – Мы живем в этом лесу.

Том был потрясен.

– Ты хочешь сказать, что вы... – Он запнулся, не желая ее обидеть.

– Разбойники, – договорила за него Эллен. – Да. Ты думал, все разбойники такие, как Фарамонд Открытый Рот, что стащил вашу свинью?

– Да, – признался Том, хотя ему хотелось сказать: «Я никогда не думал, что среди разбойников встречаются такие красивые женщины».

Не в силах сдержать любопытство, он спросил:

– Но в чем же твое преступление?

– Я прокляла священника, – ответила она и отвернулась.

Тому не показалось это таким уж преступлением, правда, не исключено, что священник был очень могущественным... или очень обидчивым, или, может быть, она просто не хочет говорить правду.

Он взглянул на Марту. Она открыла глаза и теперь выглядела озадаченной и слегка испуганной. Агнес встала возле нее на колени.

– Не бойся. Все в порядке.

Марта приподнялась, и ее вырвало. Агнес поддерживала девочку, пока не закончились спазмы. Том был поражен: предсказание Эллен сбылось. Она еще сказала, что Марта поправится. Похоже, этому можно верить. Он с облегчением вздохнул, сам удивляясь, как сильно это его взволновало. «Если бы я потерял свою малышку, я бы этого не пережил», – подумал Том, едва сдерживая слезы. Он заметил, что Эллен смотрит на него с симпатией, и снова ощутил, что ее золотые глаза способны заглянуть прямо в душу.

Он отломил ветку дуба, оборвал с нее листья и вытер ими лицо Марты. Она все еще была бледна.

– Ей нужно отдохнуть, – сказала Эллен. – Пусть она пролежит столько, сколько требуется, чтобы пройти три мили.

Том посмотрел на солнце. До темноты у них еще оставалось много времени. Он сел и стал ждать. Агнес, обняв дочку, нежно ее укачивала. Джек переключил свое внимание на Марту и

теперь разглядывал ее все с тем же идиотским вниманием. Тому хотелось побольше узнать об Эллен. Неужели ему не удастся уговорить ее поведать свою историю?

– Так как же это все случилось? – нерешительно спросил он.

Она снова заглянула в его глаза и заговорила.

Ее отец был рыцарем – большим, сильным и грубым. Он мечтал иметь сыновей, с которыми мог бы скакать на лошадях, охотиться и сражаться, – компаньонов в попойках и ночных оргиях. Но в этом деле ему здорово не повезло, так как родилась Эллен, а жена вскоре умерла. Он женился снова, но вторая жена оказалась бесплодной. Он стал презирать ее и в конце концов выгнал. Возможно, он был жесток, но Эллен, которая его обожала, так не думала, и она разделяла его презрение. Когда мачеха ушла, Эллен оказалась в окружении мужчин. Она коротко остригла волосы и носила при себе кинжал. Она не знала, что такое играть с котятками или выхаживать слепых щенят. Когда ей было столько же, сколько сейчас Марте, Эллен умела плевать, есть яблоки прямо с сердцевиной и так двинуть лошадь в живот, что у той перехватывало дыхание, и можно было подтянуть подпругу еще на одну дырку. Она знала, что всех мужчин, которые не входили в шайку ее отца, звали хуесосами, а женщин, не желавших иметь с ними дела, свинячьими подстилками, хотя и не понимала – но это ее и не особенно заботило, – что означают эти ругательства.

Слушая ее голос, мягко звучащий в прозрачном осеннем воздухе, Том прикрыл глаза и представил себе плоскогрудую девчушку с перепачканным лицом, сидящую за длинным столом в компании головорезов – дружков отца, пьющих крепкое пиво, рыгающих и орущих песни о битвах, грабежах, насилиях, лошадях, рыцарских замках и девицах, пока не наваливался сон и ее маленькая золотистая головка падала на шершавый стол.

Если бы ее грудка могла остаться плоской навсегда, она прожила бы счастливую жизнь. Но пришло время, когда мужчины стали смотреть на нее совсем иначе. Они больше не смеялись во всю глотку, услышав: «Прочь с дороги, а то я отрежу тебе яйца и скормлю их свиньям!» Некоторые глазели, когда она снимала шерстяную тунику и в полотняной рубашке укладывалась спать. И теперь, если хотели помочиться, они поворачивались к ней спиной, чего прежде никогда не делали.

Однажды Эллен увидела, что отец беседует с приходским священником – это случилось крайне редко – и оба время от времени поглядывают в ее сторону, из чего можно было заключить, что речь идет именно о ней. На следующее утро отец сказал:

– Ступай с Генри и Иверардом и делай то, что они тебе скажут. – И поцеловал ее в лоб.

Эллен мучилась вопросом: что, черт побери, на него нашло, может, добреет с годами? Она оседлала своего серого жеребца, отказавшись ехать на дамской лошади или пони, и тронулась в путь в сопровождении двух стражников. Они привезли ее в монастырь и оставили. Едва стражники уехали, стены монастыря содрогнулись от страшных проклятий. Пырнув ножом аббатису, Эллен пешком ушла домой. Но отец посадил ее на осла и, связав по рукам и ногам, отправил назад. В наказание ее заперли в келье до тех пор, пока не заживет рана аббатисы. Там было холодно, сыро и темно, как ночью, и ничего, кроме воды, ей не давали. Но когда ее выпустили, она снова ушла домой. И вновь отец отправил ее в монастырь. На этот раз, прежде чем бросить в темницу, ее высекли.

Конечно, в конце концов она сдалась и, облачившись в подрясник, послушно следовала монастырским правилам и зубрила молитвы, хотя в душе ненавидела сестер, презирала праведников и не верила ни единому слову из того, что ей говорили о Боге. И все же она научилась читать и писать, освоила музыку, рисование и счет, а к французскому и английскому языкам, на которых говорили в доме отца, добавила латынь.

Надо признать, что жизнь в монастыре оказалась не такой уж плохой. Это была община, в которой жили только сестры-монахини со своими строгими правилами и ритуалами, а именно

к такой жизни она привыкла с детских лет. Все сестры должны были выполнять какую-нибудь физическую работу, и скоро Эллен приставили ухаживать за лошадьми, а потом и вообще поручили управлять конюшнями.

Бедность ее не страшила. Правда, послушание далось нелегко, но в конечном итоге и это пришло. Третья добродетель – целомудрие – никогда не доставляла ей особых неприятностей, хотя время от времени – исключительно назло аббатисе – она знакомила ту или иную послушницу с запретными удовольствиями...

На этом месте Агнес прервала рассказ Эллен и, взяв Марту, отправилась поискать ручей, где можно было бы умыть девочке лицо и почистить одежду. Она и Альфреда взяла с собой на всякий случай, хотя и сказала, что они будут в пределах слышимости. Джек тоже было собрался с ними, но Агнес твердо велела ему остаться, и он, похоже, понял, так как снова сел. Том догадался: Агнес увела детей, чтобы они больше не слушали эту нечестивую и крайне непристойную историю, предоставив Эллен беседовать с Томом.

Однажды, продолжала Эллен, когда они были в нескольких днях пути от монастыря, лошадь аббатисы захромала. Случилось так, что неподалеку находился монастырь Кингсбридж, и аббатиса попросила тамошнего приора одолжить ей лошадь. Добравшись до своего монастыря, она приказала Эллен вернуть лошадку в Кингсбридж, а хромую привести назад.

Вот там-то, в монастырской конюшне, неподалеку от разваливавшегося Кингсбриджского собора, она встретила парня, похожего на побитого щенка. У него была расхлябанная щенячья походка, он постоянно с опаской озирался и имел такой неуклюжий и испуганный вид, что, казалось, всякое веселье выбито из него навсегда. Когда она с ним заговорила, он ничего не понял. Она попробовала латынь, но он явно не был монахом и ничего не понял. Когда же она сказала несколько слов по-французски, его лицо озарила радость.

В монастырь Эллен уже не вернулась.

С того дня она стала жить в лесу, сначала в шалаше, сложенном из веток и листьев, а затем в пещере. Она не забыла навыков, приобретенных в доме отца: охотилась на оленей и лебедей, ставила капканы на зайцев, ловко потрошила дичь, готовила мясо и даже умела обрабатывать шкурки и шить из них одежду. И конечно, ее пищей стали лесные фрукты и ягоды, орехи и корни. Лишь то небольшое, что нельзя было добыть в лесу – соль, шерстяную одежду, топор или новый нож, – приходилось красть.

Худшее время наступило, когда родился Джек...

«Ну а что же француз?» – недоумевал Том. Действительно он был отцом Джека? Если да, то когда он умер? И как? Но по лицу Эллен было видно, что она не расположена говорить на эту тему. И заставить переменить решение ее не удастся. Так что свои вопросы Том оставил при себе.

К тому времени отец умер, шайка его разбрелась, и на всем белом свете у нее не осталось ни родственников, ни друзей. Когда подошло время рожать, Эллен развела у входа в пещеру большой, на всю ночь, костер; под рукой были вода и кое-что из еды, а чтобы защититься от волков и диких собак, она приготовила лук, стрелы и ножи и даже разложила украденную у епископа плотную красную мантию, в которую собиралась завернуть младенца. Единственное, что ее страшило, это родовые муки; и довольно долго ей казалось, что она умрет. Но как бы там ни было, она выжила, а малыш родился здоровым и крепким.

С тех пор прошло одиннадцать лет. Эллен и Джек жили просто и скромно. Лес давал им все необходимое. На зиму они припасали дикие яблоки, орехи, солили и коптили дичь. Эллен часто думала, что если бы на земле не было ни королей, ни лордов, ни епископов, ни шерифов, все могли бы жить такой жизнью и быть совершенно счастливы.

Том спросил, как ей удавалось обезопасить себя от других разбойников, таких, например, как Фарамонд Открытый Рот. «Что было бы, если бы однажды ночью они набросились на нее и

попытались изнасиловать?» – подумал Том, и дрожь возбуждения пробежала по его чреслам, хотя сам он никогда не овладевал женщиной против ее воли, будь то даже собственная жена.

Но Эллен ответила, что разбойники ее боятся, и, глядя в ее странные глаза, Том понял, почему: они считали ее ведьмой. Что же касается других людей, проезжавших через лес, людей, которые знали, что могут безнаказанно ограбить, избить и даже убить разбойника, то от них Эллен просто пряталась. Почему тогда она не испугалась Тома? Да потому что увидела, какая беда приключилась с Мартой, и захотела помочь. Ведь у нее у самой есть ребенок.

Она научила Джека всему, что знала с детства: как следует обращаться с оружием и охотиться. А еще она научила его тому, что узнала в монастыре: читать и писать, петь и складывать цифры, говорить по-французски и по-латыни и даже пересказала ему Библию. А долгими зимними вечерами она развлекала сына услышанными от француза историями, и балладами, и песнями, которых тот знал бесчисленное множество.

Тому казалось невероятным, что Джек умел читать и писать. Сам-то он мог написать лишь свое имя и несколько слов, таких, как «пенс», «ярд» или «бушель». Агнес, будучи дочерью священника, знала больше слов, хоть и писала медленно и с трудом, высунув от усердия язык. Альфред же не мог написать ни слова и с трудом узнавал собственное имя, а Марта и этого не умела. Возможно ли, чтобы этот полоумный ребенок был более грамотным, чем все семейство Тома?

Эллен попросила Джека написать что-нибудь, и тот, разровняв землю, нацарапал на ней несколько букв. Том узнал первое слово: «Альфред», но, будучи не в силах прочитать остальные, почувствовал себя круглым дураком. Спасая его от позора, Эллен прочла: «Альфред больше Джека». Мальчик быстрыми движениями нарисовал двух человечков – одного побольше, другого поменьше. И хотя изображение выглядело довольно примитивно: один был широкоплеч, с глуповатым выражением лица, а другой – маленький, ухмыляющийся, – Том, который знал толк в рисовании, был поражен простотой и точностью нацарапанной на земле картинки.

Тем не менее ребенок казался ненормальным. Угадав мысли Тома, Эллен призналась, что тоже стала это понимать. Джек никогда не общался с другими детьми, он и людей-то других не видел, а потому рос как звереныш. И хотя был обучен грамоте, он не знал, как себя вести, молча пялился и цеплялся как репей.

Говоря это, она выглядела уязвленной. Ее неприступная самонадеянность улетучилась, уступив место озабоченности и отчаянию. Ради Джека ей нужно вернуться к людям, но как? Будь она мужчиной, то, возможно, выпросила бы у какого-нибудь лорда клочок земли, особенно если бы удалось правдиво соврать, сказав, что возвращается из паломничества в Иерусалим или Сантьяго-де-Компостела. Конечно, и женщины ведут хозяйство, но все они вдовы, у которых есть взрослые сыновья. Ни один лорд не даст хозяйство женщине с маленьким ребенком. Ни в городе, ни в деревне ей не предложат работу, и потом, жить-то ей негде, а работницам редко предоставляют угол для жилья. Деваться некуда.

Том ей сочувствовал. Она дала своему ребенку все, что могла, но этого оказалось недостаточно. Но он тоже не видел выхода. Эта красивая, предприимчивая, бесстрашная женщина была обречена провести остаток дней, скрываясь в лесу со своим странным сыном.

Вернулась Агнес с детьми. Том с тревогой посмотрел на Марту. Она выглядела так, словно ничего страшного и не произошло – вот только лицо поцарапано. На какое-то время история Эллен отвлекла его, теперь же он вспомнил о положении, в котором оказался сам: работы нет, свинью украли. Солнце уже клонилось к закату. Том начал собирать пожитки.

– Куда путь держите? – спросила Эллен.

– В Винчестер, – ответил он.

В Винчестере были замок, дворец, несколько монастырей и, что самое главное, собор.

– Солсбери ближе, – сказала Эллен. – Когда я была там в последний раз, там как раз перестраивали собор.

У Тома ухнуло сердце. Это как раз то, что он искал. Он верил, что если бы ему удалось получить работу на строительстве собора, он вполне мог стать старшим строителем.

– В каком направлении Солсбери? – поспешно спросил он.

– Надо вернуться на три-четыре мили назад. Помнишь развилку, где вы повернули налево?

– Да. Там еще заросший пруд.

– Точно. Если повернешь направо, попадешь напрямиком в Солсбери.

Они двинулись в путь. Агнес не питала симпатии к Эллен, но все же нашла в себе силы поблагодарить ее:

– Спасибо, что помогла мне с Мартой.

Эллен улыбнулась и задумчиво посмотрела ей вслед.

Они уже шли какое-то время по дороге, когда Том оглянулся.

Эллен стояла на том же месте, слегка расставив ноги, и, приложив к глазам ладонь, чтобы не слепило солнце, смотрела им вслед. Ее странный мальчик был рядом. Том помахал ей, и она ответила.

– Интересная женщина.

Агнес промолчала.

– Странный мальчишка, – сказал Альфред.

Они шли навстречу низкому осеннему солнцу. Тому было любопытно, что за город этот Солсбери. Прежде он никогда там не бывал. Он почувствовал, что волнуется. Его заветной мечтой было построить собор от первого камня до последнего, но такое случается крайне редко. Гораздо чаще старое здание улучшают, расширяют или частично перестраивают. Ему и это подошло бы, а там, глядишь, и доведется построить собор по собственному проекту.

– Почему он меня ударил? – спросила Марта.

– Потому что хотел украсть нашу свинью, – ответила Агнес.

– Свою надо иметь! – возмутилась Марта, словно до нее только теперь дошло, что разбойник сделал что-то нехорошее.

«Эллен устроила бы свою жизнь, если бы владела каким-нибудь ремеслом», – размышлял Том. Каменщик, плотник, ткач или кожевник не могли оказаться в бедственном положении. Любой из них всегда мог пойти в город и поискать работу. Были среди них и женщины, правда, как правило, вдовы или жены ремесленников.

– Чего ей не хватает, – сказал Том, – так это мужа.

– Ну моего-то она не получит! – твердо заявила Агнес.

III

День, когда украли свинью, выдался теплым. Ночь они провели в амбаре, а когда на следующее утро вышли из него, небо оказалось затянуто свинцовыми облаками, а на них обрушились порывы холодного ветра и косые струи дождя. Они надели плащи из толстой валяной ткани, наглухо их застегнули и, чтобы вода не попадала на лица, подняли капюшоны. В подавленном настроении они двинулись в путь под проливным дождем, четыре мрачных привидения, шлепающих деревянными подошвами по лужам и раскисшей грязи.

Тому не терпелось поскорее увидеть Солсберийский собор. В принципе собор – та же церковь, но только с епископским тронem. Но на самом деле кафедральные соборы были самыми грандиозными, самыми богатыми и наиболее сложными в архитектурном отношении зданиями. Собор в виде туннеля с окнами можно было встретить крайне редко. Большинство состояло из трех туннелей – самого высокого в середине и двух пониже по бокам, словно голова

и плечи, – образующих неф с боковыми проходами. Стены центрального туннеля заменяли двумя рядами опор, соединенных арками; получалась сводчатая галерея. Боковые проходы использовали для пышных религиозных шествий; в них также располагались небольшие часовенки во славу наиболее почитаемых святых, что привлекало больше прихожан и позволяло собирать дополнительные пожертвования. Это было особенно важно, ибо содержание соборов обходилось очень дорого, гораздо дороже, чем замков и дворцов, а средства каждый собор вынужден был добывать сам.

Солсбери оказался ближе, чем предполагал Том. Было еще утро, когда, поднявшись на вершину холма, они очутились на дороге, которая, слегка изгибаясь, плавно спускалась на равнину, бежала через прибитое дождем поле, а затем снова забирала вверх, к стенам стоящего на возвышенности города Солсбери. Несмотря на завесу дождя, Том различил несколько башен, четыре или пять, высоко парящих над городскими стенами. При виде этих каменных сооружений он воспрянул духом.

Дорога, по которой они шли, вела к восточным воротам. Ледяной ветер продувал насквозь. У самого подножия холма, где среди беспорядочно разбросанных домишек сходились четыре дороги, к ним присоединились другие путники, ссутулясь и низко опустив головы, продиравшихся сквозь непогоду к городским стенам.

Поднимаясь по склону холма к воротам, они нагнали груженную камнями телегу – обнадеживающий знак для Тома. Позади в эту грубо сколоченную повозку упирался плечом погонщик, помогая выбившимся из сил быкам. Том решил с ним познакомиться. Он кивнул Альфреду, и, навалившись, они тоже стали толкать телегу.

Огромные деревянные колеса загрохотали по бревенчатому мосту, перекинутому через глубокий высохший ров. Том отметил про себя объем земляных работ: чтобы выкопать такой ров, должно быть, понадобились сотни людей, здесь гораздо больше, чем на рытье котлована под фундамент собора. Мост трещал и скрипел под тяжестью телеги и двух могучих животных, которые ее тянули.

Подъем закончился, и к городским воротам телега покатила уже легче. Погонщик, выпрямившись, сказал:

– Премного благодарю.

– А на что камень? – спросил Том.

– Новый собор строим.

– Новый? А мне говорили, старый расширяют.

– Десять лет назад так говорили, – кивнул погонщик. – Теперь от старого-то уж ничего не осталось.

Доброе известие.

– А кто там старшим строителем?

– Джон из Шефтсбери, хотя епископ Роджер и сам следит за работами.

Это вполне естественно. Епископы редко доверяли строителям самостоятельно вести работы. Одной из главных задач старшего строителя частенько было охладить пыл церковников и загнать полет их безудержной фантазии в рамки практических возможностей. А вот нанимает на работу, должно быть, сам Джон из Шефтсбери.

– Каменщик? – Погонщик кивнул на инструменты Тома.

– Да. Ищу работу.

– Может, и найдешь, – неопределенно сказал погонщик. – Если не на соборе, так на строительстве замка.

– А замком кто управляет?

– Да тот же Роджер. Он и епископ, и смотритель замка.

Понятное дело. Том уже слышал о могущественном Роджере из Солсбери, который с давних пор был весьма близок к королю.

Они вошли через ворота в город. Дома, люди и животные были здесь так скучены, что казалось, все это месиво вот-вот разорвет городские стены и хлынет в ров. Деревянные домишки жались друг к другу, словно зеваки, собравшиеся поглазеть на казнь. Каждый клочок земли подо что-то использовался. Если и были дома, построенные так, что между ними оставался проход, то в этом проходе обязательно кто-то уже поставил хижину-маломерку без окон, ибо дверь занимала практически весь фасад. А где места было еще меньше, стоял ларек, в котором продавали пиво, хлеб или яблоки; и уж там, где земли с пяточок, втискивали либо стойло, либо хлев, либо навозную кучу, либо бочку с водой.

Дождь несколько не смягчал уличного шума: стук и скрежет раздавались из мастерских, уличные торговцы зазывали покупателей, всюду слышались громкие голоса людей, которые здоровались, заключали сделки, на чем свет стоит ругались, а к ним примешивались ржание лошадей и лай дерущихся собак.

– Чем это воняет? – перекрикивая толпу, спросила Марта.

Том улыбнулся. Последний раз она была в городе года два назад.

– Это человеческий дух, – ответил он.

Улица была чуть шире воловьей повозки, но погонщик не давал животным останавливаться, боясь, что потом они уже не сдвинутся с места, поэтому, не обращая внимания на преграды, он хлестал быков что было сил, и могучие животные тупо шли вперед, заставляя посторониться и рыцаря на боевом коне, и лесника, держащего лук, и толстого монаха, сидящего верхом на пони, и стражников, и нищих, и домашних хозяек, и уличных девок.

Старик пастух гнал небольшое стадо овец, следя за тем, чтобы они не разбежались. «Должно быть, сегодня базарный день», – подумал Том. Когда повозка поравнялась со стадом, одна из овец шмыгнула в открытую дверь, а за ней устремились и остальные овцы, блея и с перепугу опрокидывая столы, скамейки и кувшины с пивом.

Земля под ногами представляла собой сплошное месиво грязи и нечистот. Том глянул на стекавшие с крыш струи воды и прикинул на глаз ширину сточной канавы – было ясно, что на эту улицу попадает вода с крыш почти всех домов доброй половины города. В сильный ливень здесь понадобится лодка, чтобы переправиться на другую сторону.

По мере приближения к замку улицы становились шире. Дома уже были каменные, и некоторые требовали небольшого ремонта. Они принадлежали ремесленникам и купцам, и на первом этаже располагались мастерские и склады, а наверху – жилые помещения. Разглядывая товары, выставленные на продажу, Том прикинул, что дела в городе идут хорошо. Ножи или кувшины нужны каждому, но только зажиточные люди станут покупать шали с вышивкой, разукрашенные пояса и серебряные пряжки.

Перед самым замком погонщик повернул быков направо. Том и его семья шли следом. Дорога описала четверть круга вдоль крепостного вала. Они вошли в ворота, оставив позади суматоху города, и окунулись в водоворот лихорадочной, но строго упорядоченной суеты большой строительной площадки.

Огороженная стеной площадка занимала почти четвертую часть городской территории, на северо-западе. Том постоял с минуту, созерцая. Вид стройки, ее звуки и запахи будоражили его, словно солнечный день. Навстречу им попались две пустые телеги. В сарайчиках, прилепившихся к церковной стене, можно было видеть каменотесов, которые железными резцами и деревянными молотками обрабатывали каменные блоки, превращавшиеся в плинтуса, колонны, капители, столбы, контрфорсы, арки, подоконники, бельведеры, перила. Посередине двора, довольно далеко от других построек, стояла кузница, сквозь открытую дверь полыхало раздуваемое пламя, слышался лязг молота, ударяющего о наковальню, – это кузнец мастерил для каменотесов инструменты взамен пришедших в негодность старых. Обычному взгляду происходящее представлялось хаосом, Тому же виделся большой и сложный механизм, кото-

рым ему так хотелось управлять. Он знал, чем занят здесь каждый, и мог точно сказать, на какой стадии находится работа. Они возводили восточный фасад.

Шла работа по возведению строительных лесов на высоту двадцати пяти – тридцати футов. Укрывшись на паперти, каменщики ждали, когда утихнет дождь, а их работники сновали туда-сюда по лестницам с камнями на плечах. Еще выше, на деревянном каркасе крыши, словно пауки, ползающие по гигантской деревянной паутине, копошились мастера-кровельщики. Они приколачивали свинцовые листы, устанавливали водосточные трубы и желоба.

Том с сожалением отметил, что строительство собора подходит к концу. Если ему и дадут здесь работу, едва ли она продлится больше двух лет – слишком короткий срок, чтобы подняться до положения мастера, а уж тем более старшего строителя. Тем не менее он согласится на любую работу, если предложат, – зима на носу. Они смогли бы протянуть до весны, если бы свинью не украли, а теперь без работы никак.

Вслед за телегой они пересекли двор и остановились возле сваленных в кучу камней. Быки с облегчением опустили головы в корыто с водой. Погонщик окликнул проходившего мимо каменщика:

– Где старший строитель?

– В замке, – ответил каменщик.

Погонщик кивнул и повернулся к Тому.

– Думаю, ты найдешь его в епископском дворце.

– Спасибо.

– Тебе спасибо.

Том, а с ним и Агнес с детьми, побрел прочь. Узенькими улочками, пробиваясь сквозь толку, они снова дошли до замка. Его окружал еще один ров и гигантский земляной вал. К воротам вел подъемный мост. В караулке, уставившись на дождь, сидел на лавке толстый стражник – в кожаной тунике, с мечом у пояса. К нему Том и обратился:

– День добрый. Я Том Строитель. Хотел бы повидать Джона из Шефтсбери.

– У епископа, – равнодушно ответил стражник.

Они вошли. Как большинство других замков, этот представлял собой смешение разных построек за земляным валом. Внутренний двор был шириной ярдов сто. Напротив ворот, в дальнем конце двора, громоздилась башня – последний оплот в случае нападения, – поднимавшаяся столь высоко, что с нее можно было вести наблюдение. Слева они увидели скопище невысоких строений, в основном деревянных: конюшню, кухню, пекарню, склады. Посредине был колодец. Справа, в северной части замка, высилось большое двухэтажное каменное здание, скорее всего, дворец. Оно было выдержано в том же стиле, что и новый собор: с закругленными сверху окнами и дверьми. В самом деле, дворец явно было новым – с одной стороны, на углу, еще возились каменщики, достраивая башню. Несмотря на дождь, во дворе было полно людей, входивших и выходивших, торопившихся из одной постройки в другую: стражники, священники, купцы, строительные рабочие, дворцовые слуги.

Все двери дворца были распахнуты настежь. Том не знал, как поступить. Если старший строитель сейчас у епископа, очевидно, не следует им мешать. С другой стороны, епископ – не король, а Том – свободный человек, каменщик, занимающийся нужным делом, а не раболепствующий смерд со своей жалобой. Решив быть понастойчивей, он оставил Агнес с Мартой и, прихватив с собой Альфреда, меша грязь, направился к ближайшей двери дворца.

Они очутились в небольшой часовне со сводчатым потолком и окошком над алтарем в дальнем конце. Возле входа на высокой скамье сидел священник и что-то быстро писал на пергаменте. Он поднял глаза.

– Где я могу найти Мастера Джона? – быстро спросил Том.

– В ризнице, – ответил священник, кивнув на дверь в боковой стене.

Том не стал спрашивать, можно ли видеть мастера. Он знал: если сделать вид, будто тебя давно ждут, то не придется напрасно терять время. Он широким шагом пересек часовенку и вошел в ризницу.

Это был небольшой квадратный зал, освещавшийся множеством свечей. На полу – тонкий слой мелкого песка, идеально выровненного дощечкой. Двое находившихся в зале мельком глянули на Тома и вновь сосредоточили свое внимание на песке. Епископ, морщинистый старик с блестящими черными глазами, что-то чертил заточенной на конце палочкой.

Старший строитель в кожаном фартуке терпеливо за ним наблюдал со скептическим выражением лица.

Том взволнованно ждал. Он должен произвести хорошее впечатление: быть учтивым, но не лебезить, чтобы они видели: он не выскочка и действительно знает свое дело. Из собственного опыта Том усвоил, что любой мастер хочет, чтобы у него в подчинении находились послушные и в то же время опытные работники.

Епископ Роджер делал набросок двухэтажного дома с большими окнами, выходящими на три стороны. Он чертил уверенно: линии получались ровными, а прямые углы правильными. Он нарисовал общий план и вид сбоку. Тому стало ясно, что построить такое здание не удастся никогда.

– Вот, – сказал епископ, закончив.

– Ну так что? – Джон обернулся к Тому.

Том, сделав вид, будто решил, что Джон спрашивает его мнение, ответил:

– Окна крипты не должны быть такими большими.

Епископ с раздражением посмотрел на него.

– Это писарская, а не крипта.

– Все равно не выдержит.

– А он прав, – сказал Джон.

– Но потребуется много света, чтобы писать.

Джон пожал плечами и посмотрел на Тома.

– Ты кто?

– Меня зовут Том. Я каменщик.

– Об этом я догадался. Что тебя сюда привело?

– Ищу работу. – Том затаил дыхание.

Не раздумывая, Джон покачал головой:

– У меня нет для тебя работы.

Сердце Тома оборвалось. Он уже было развернулся, слегка задержавшись, чтобы услышать причину отказа.

– Мы строим уже десять лет, – продолжал Джон. – Большинство строителей обзавелись домами в этом городе. Работа подходит к концу, и здесь у меня больше каменщиков, чем это необходимо.

Том знал, что надежды нет, но все же спросил:

– А дворец?

– Та же история, – сказал Джон. – Здесь я как раз использую тех, кто не задействован на строительстве собора. Если бы не дворец и другие замки епископа Роджера, я бы давно уже всех распустил.

Том кивнул. Спокойным голосом, стараясь не выдать отчаяния, он спросил:

– А не знаешь, есть ли еще где-нибудь работа?

– Год назад была стройка в монастыре Шефтсбери. Может, еще не закончили. Это день пути отсюда.

– Спасибо. – Том повернулся к выходу.

– Сожалею, – проговорил Джон. – Человек ты, кажется, хороший.

Том вышел, ничего не ответив. Он был подавлен. Слишком быстро он поверил в удачу: в том, что ему отказали, не было ничего необычного. Но его так взволновала возможность снова работать на строительстве собора! Теперь, должно быть, ему придется строить унылые крепостные стены или уродливый дом какому-нибудь ремесленнику.

Идя обратно через двор к поджидавшим его Агнес и Марте, Том распрямил плечи. Он никогда не показывал ей, что огорчен. Том всегда делал вид, будто все в порядке, он все предусмотрел, и нет ничего страшного в том, что не оказалось работы здесь, потому что в другом городе она обязательно найдется. Он знал: если Агнес заметит, как он огорчен, то непременно заставит его найти здесь заработок, чтобы наконец обжиться на одном месте, а этого он не хотел, пока не сыщется город, где собираются строить собор.

– Для меня здесь нет работы, – сказал он. – Пойдем дальше.

Вид у нее был унылый.

– Сам подумай, на строительстве собора и дворца можно найти место еще для одного каменщика.

– Оба здания почти закончены, – объяснил Том. – Людей у них больше, чем требуется.

Семейство Тома прошло по подъемному мосту и вновь оказалось на запруженных народом улицах. Они вошли в Солсбери через восточные ворота, а покинуть его намеревались через западные, ибо именно в этом направлении находился Шефтсбери. Том повернул направо, на улицы, где они еще не бывали.

И вдруг остановился перед каменным домом, нуждавшимся в основательном ремонте. Когда его строили, должно быть, использовали слишком слабый раствор, и теперь он крошился и осыпался. Мороз, проникая через дыры, разрушал каменную кладку. Если в таком состоянии оставить дом еще на одну зиму, к весне разрушения могут быть очень серьезными. Том решил сказать об этом хозяину.

Вход в дом располагался в широкой арке. Деревянная дверь была распахнута, а прямо у входа сидел ремесленник, с молотком в правой и резцом в левой руке. Он вырезал замысловатый орнамент на деревянном седле, надетом на стоящую перед ним скамейку. В глубине Том разглядел деревянные и кожаные заготовки и мальчика с метлой.

– Добрый день, мастер, – заговорил Том.

Седельщик оценивающе посмотрел на него и, очевидно, решив, что Том относится к той категории людей, которые, если понадобится, сами сделают седло, сухо кивнул.

– Я строитель, – продолжал Том. – Вижу, тебе нужна моя помощь.

– Это почему?

– Раствор крошится, камни потрескались, твой дом может не простоять следующую зиму. Седельщик покачал головой.

– В этом городе полно каменщиков. С какой стати я стану нанимать незнакомца?

– Ну что ж. – Том повернул прочь. – Бог с тобой.

– Со мной, ну конечно, – пробурчал седельщик.

– Чурбан неотесанный, – ворчала Агнес, шагая рядом с Томом.

Улица привела их к рынку. Здесь, на небольшой грязной площади, крестьяне из окрестных сел выменивали скромные излишки продуктов – мясо или муку, молоко или яйца – на товары ремесленников и купцов: кувшины, лемеха, веревки, соль. Обычно рынок представлял собой довольно шумное и пестрое зрелище: добропорядочные торговцы, крикливые лавочники, дешевые лакомства для ребятишек, песни менестрелей или выступления акробатов, потаскухи, калека-солдат с рассказами о пустынях Востока и неистовых ордах сарацинов. Те, кто сделал выгодные покупки, редко могли устоять перед искушением спустить последние деньги на стаканчик крепкого пива, так что к полудню шум заметно усиливался. Некоторые проигрывались в кости и затевали потасовки. Но сегодня, в холодный дождливый день, когда излишки урожая уже были распроданы, рынок не был таким шумным. Промокшие крестьяне

без лишних слов покупали у озябших лавочников необходимые товары, и каждый желал поскорее вернуться домой, к жаркому очагу.

Том и его семья пробирались сквозь угрюмую толпу, не обращая внимания на монотонные призывы колбасников и точильщиков. Они прошли уже через весь рынок, когда Том увидел свою свинью.

Он так удивился, что поначалу не поверил своим глазам.

– Том, смотри! – зашипела Агнес, и он понял, что она тоже узнала свинью.

Сомнений быть не могло: он знал свинью не хуже собственных детей. И теперь ее тащил красномордый пузатый детина, который явно мог есть столько мяса, сколько хотел, и даже больше. Должно быть, мясник. Том и Агнес так и застыли на месте, уставившись на него, и, поскольку они стояли прямо на дороге, он просто не мог их не заметить.

– Ну, чего вам? – нетерпеливо сказал толстяк, несколько обескураженный их удивленными взглядами.

– Это наша свинья, – первой опомнилась Агнес.

– Да-да. Именно так, – спокойно подтвердил Том.

На мгновение глаза мясника воровато забегали, и Тому стало ясно, что он знал, что свинья краденая.

– Я только что заплатил за нее пятьдесят пенсов, и теперь она моя!

– Ты заплатил так дешево потому, что свинья ворованная. У кого ты ее купил?

– У крестьянина.

– Ты его знаешь?

– Н-нет. Слушайте, я городской мясник и не могу заставлять каждого, кто продает мне корову или свинью, приводить с собой двенадцать свидетелей, чтобы те подтвердили, что скотина принадлежит ему.

Мясник попытался было обойти их, но Том схватил его за руку. Тот начал было злиться, но затем прикинул, что, если ввяжется в драку, свинью придется выпустить, а кто-нибудь из членов семьи Тома ее подхватит, и тогда уже ему придется доказывать свое право собственности. Поэтому, подавив в себе гнев, он сказал:

– Вы меня обвиняете? Что ж, пойдем к шерифу.

Том быстро смекнул, что доказательств у него нет, и отпустил мясника.

– Как он выглядит, тот человек, что продал тебе мою свинью?

– Как все, – уклончиво ответил толстяк.

– Он чем-нибудь прикрывал рот?

– Теперь припоминаю. Кажется, да.

– Это разбойник, скрывающий свои отрезанные губы, – с горечью проговорил Том. – Об этом, как видно, ты не подумал.

– Вон дождь-то как хлещет! – возразил мясник. – Все кутаются, как могут.

– Ты мне скажи, ты давно его видел?

– Да вот только что.

– И куда он направился?

– Наверное, выпить.

– Спустить мои денежки, – мрачно сказал Том. – Давай, ступай себе. Когда-нибудь и тебя ограбят, вот тогда ты пожалеешь, что находятся люди, которые покупают ворованное.

Мясник, зло глядя на Тома, колебался, словно хотел возразить, но, передумав, пошел своей дорогой.

– Ты почему его отпустил?! – заговорила Агнес.

– Потому что его знают все, а меня никто. Начни я драться, меня бы еще и осудили. Что, на заднице у свиньи написано мое имя? Кто скажет, чья это свинья?

– Но все наши сбережения...

– Мы еще можем вернуть наши деньги. Заткнись и дай мне подумать, – потерял терпение Том. Ссора с мясником разозлила его, и теперь он выплеснул свое раздражение на Агнес. – Где-то в этом городе сидит человек с отрезанными губами и пятьюдесятью серебряными монетами в кармане. Единственное, что нам осталось, – найти его и отобрать деньги.

– Правильно, – решительно согласилась Агнес.

– Возвращайся той же дорогой к собору, а я подойду с другой стороны. Затем мы вернемся по соседней улице и так далее. Возможно, он где-то выпивает. Увидишь – пошли за мной Марту, а сама не упускай его из виду. Альфред будет со мной. Постарайся, чтобы разбойник тебя не заметил.

– Не волнуйся, – мрачно сказала Агнес. – Мне нужны эти деньги, чтобы кормить детей.

Том взял ее за руку и улыбнулся:

– Ты просто львица, Агнес.

Она посмотрела ему в глаза, неожиданно поднялась на цыпочки и поцеловала в губы, быстро, но крепко. Потом повернулась и, держа за руку Марту, пошла через базарную площадь. Том озабоченным взглядом проводил свою бесстрашную жену и вместе с Альфредом двинулся в противоположном направлении.

Похоже, вор чувствовал себя в полной безопасности. Потому что, когда украл свинью, Том направлялся в Винчестер, а разбойник отправился в другую сторону, в Солсбери. Но Том изменил свои планы после того, как Эллен рассказала ему, что в Солсбери перестраивают собор, и неожиданно их дорожки пересеклись. Однако вор продолжал думать, что больше никогда не увидит Тома, и это давало последнему возможность захватить его врасплох.

Том медленно брел по грязной улице, словно ненароком заглядывая в открытые двери. Он старался не обращать на себя внимание окружающих, так как вся эта затея могла кончиться жестокой потасовкой, и ему не хотелось, чтобы люди запомнили высокого каменщика, высматривавшего что-то в их городе. Большинство домов представляли собой лачуги из дерева, глины и соломы, с очагом посередине и убогой обстановкой. В пивной это были бочка и несколько скамеек, у публичной девки – кровать за занавеской, а там, где шла игра в кости, – большой стол со скамьями.

Какая-то девица с красными намалеванными губами продемонстрировала ему свои голые груди. Том покачал головой и поспешил прочь. По правде сказать, втайне ему хотелось сделать это с незнакомой женщиной, среди бела дня, за деньги, но ни разу в жизни он этого не испытал.

Он снова подумал об Эллен. В ней тоже чувствовалось что-то влекущее. Она была очень привлекательна, но эти глубоко посаженные, взыскующие глаза пугали. Приглашение уличной девки немного смутило Тома, но чары Эллен еще не стерлись в его памяти, и внезапно он испытал дурацкое желание умчаться в лес, найти ее и подмять.

До собора он добрался, так и не встретив вора. Мастера стучали молотками, прибывая свинцовые листы к деревянному каркасу крыши над центральной частью здания. Крыть крыши боковых нефов еще не начали, и можно было разглядеть опорные полуарки, которые соединяли наружную стену со стеной главного нефа. Он указал на них Альфреду.

– Без этих подпорок стены нефа разойдутся под тяжестью каменных сводов, – объяснил Том. – Видишь, как полуарки установлены на контрфорсы бокового нефа? Они еще соединены с внутренней сводчатой галереей. А окна боковых нефов составляют одну линию с арками галереи. Несущие линии соединяются с несущими, а второстепенные – с второстепенными.

Альфред выглядел хмурым и равнодушным. Том вздохнул.

Он увидел подходящую с противоположной стороны Агнес, и его мысли вернулись на землю. Капюшон скрывал лицо, но Том сразу узнал ее волевой подбородок и уверенную походку. Плечистые работники расступались, давая ей пройти. Том подумал, что, если бы Агнес столкнулась с разбойником и завязалась драка, она бы ему не уступила.

– Видел его?

– Нет. Похоже, ты тоже не видела. – Тома не оставляла надежда, что вор все еще в городе. Едва ли он уйдет, не потратив хотя бы часть денег. В лесу они не нужны.

Об этом же думала и Агнес.

– Он где-то здесь. Надо продолжать искать.

– Пойдем назад по разным улицам и встретимся на площади.

Том и Альфред снова месили грязь, пройдя через ворота. Одежда промокла, и у Тома мелькнула мысль пропустить стаканчик пива и похлебать мясного бульона где-нибудь у очага. Но он тут же вспомнил, сколько пришлось работать, чтобы купить свинью, и вновь перед глазами встал человек с отрезанными губами, заносащий дубину над невинной головкой Марты, и гнев придал ему сил.

Тщательно вести поиски было трудно из-за беспорядочного расположения улиц. Они петляли, словно пытаясь догнать убежавшие от них домишки. Единственной прямой дорогой была та, что вела от восточных ворот к подъемному мосту замка. Первым делом Том прошелся вдоль крепостной стены, потом переместился на окраину, где стояли самые жалкие лачуги и располагались самые шумные пивные, в которых промышляли самые старые потаскухи. Выше, на холме, стояли дома богатых, и сюда, к городским стенам, дождем смывало от них все нечистоты. Нечто подобное происходило и с людьми, ведь именно здесь было особенно много калек и нищих, голодных детей, избитых женщин и беспробудных пьяниц.

Но человека без губ нигде не было видно.

Дважды Тому показалось, что он его видит, но, присмотревшись получше, он убеждался, что лица этих людей не имели изъянов.

Том прекратил поиски и вернулся к рынку, где его нетерпеливо ждала Агнес – на взводе, с горящими глазами.

– Я нашла его!

Томом овладело смешанное чувство волнения и страха.

– Где?

– Он пошел в харчевню у восточных ворот.

– Веди меня туда.

Они обогнули замок, добрались до подъемного моста, спустились вниз по прямой дороге к восточным воротам и свернули в лабиринт узеньких улочек, петлявших вдоль городских стен. Почти тут же Том увидел харчевню. Это был даже не дом, а покатая крыша на четырех столбах, прилепившаяся к городской стене. В глубине полыхал огонь, а над ним, медленно поворачиваясь на вертеле, жарился баран и булькала в котле вода. Был полдень, и в маленькую харчевню набилось полно народу, в основном мужчин. От запаха мяса у Тома заурчало в животе. Он окинул взглядом толпу, опасаясь, что, пока они сюда добирались, разбойник мог уйти. Но тут же его увидел. Безгубый сидел на скамье немного в стороне, с ложкой в руке, и хлебал жаркое, прикрывая шарфом рот.

Том быстро отвернулся, чтобы разбойник его не увидел. Теперь нужно было решить, что делать. В Томе накопилось достаточно злости, чтобы свалить его и забрать кошелек. Но уйти ему не дадут, и тогда придется держать ответ, причем не перед толпой, а перед шерифом. Правда была на стороне Тома, а тот факт, что вор – вне закона, означал, что никто не поручится за его честность. Том же был каменщик, уважаемый человек. Но для того чтобы все это доказать, потребуется время, возможно даже несколько недель, если вдруг окажется, что шериф находится в другом конце графства; а кроме того, если поднимется шум, Тома могут обвинить в нарушении порядка.

Нет. Разумнее будет разделаться с вором без свидетелей.

Остаться в городе на ночь тот не сможет, ибо дома у него нет, а чтобы снять угол, нужно представить доказательства того, что ты человек достойный. А потому ему придется убраться восвояси, прежде чем городские ворота на ночь закроют.

В Солсбери было двое ворот.

– Скорее всего, он пойдет обратно той же дорогой, что и пришел, – сказал Том жене. – Я буду его поджидать за восточными воротами, а Альфред пусть наблюдает за западными. Ты оставайся в городе и следи за вором. Марту держи при себе, но смотри, чтобы он вас не заметил. Если понадобится что передать, пошлешь ее.

– Хорошо, – без лишних слов согласилась Агнес.

– А что делать, если он выйдет с моей стороны? – взволнованно спросил Альфред.

– Ничего, – твердо сказал Том. – Проследи, по какой дороге пойдет, и жди. Марта позовет меня, и мы его догоним. – Поскольку Альфред, кажется, был разочарован, Том добавил: – Делай, что говорю. Я не хочу потерять сына, как потерял свинью.

Альфред неохотно кивнул.

– Давайте расходиться, пока он не заметил, как мы тут сговариваемся, – сказал Том и, не оглядываясь, поспешил прочь.

На Агнес можно было положиться, она все сделает как надо. Он дошел до восточных ворот и вышел из города, миновав хлипкий деревянный мост, на котором утром толкал повозку. Прямо перед ним, устремляясь к востоку, лежала дорога на Винчестер, такая ровная, что казалась длинной скатертью, постеленной через холмы и долины. Влево, изгибаясь дугой, поднималась в гору дорога на Портуэй, по которой Том – да, видно, и вор – пришел в Солсбери. Наверняка и обратно по ней отправится.

Том спустился с холма и, дойдя до перекрестка, повернул на Портуэй, подыскивая место, где можно укрыться. Пройдя ярдов двести, так ничего и не нашел. Оглянувшись, он понял, что отсюда слишком далеко и он не может различить лиц тех, кто оказывался на перекрестке, а значит, есть вероятность упустить вора, если тот вздумает пойти на Винчестер. Он еще раз огляделся. По обеим сторонам дороги были вырыты канавы, которые в сухую погоду могли послужить хорошим укрытием, но нынче в них бурлили потоки воды. Вдоль каждой канавы тянулся невысокий бугорок. На юге паслись на стерне коровы. Том заметил, когда одна из них прилегла на краю поля, что она почти скрылась за бугорком. Тяжело вздохнув, он вернулся немного назад, перепрыгнул через канаву, и, пнув корову, отогнал ее прочь. Устроившись поудобнее, Том натянул капюшон и приготовился ждать, жалея, что, уходя из города, не догадался прихватить с собой немного хлеба.

Ему было тревожно и немного боязно. Разбойник меньше его ростом, но проворен и жесток, судя по тому, как он напал на Марту и утащил свинью. Том боялся, что тот его покалечит, но еще больше боялся, что не сможет вернуть свои деньги.

Он надеялся, что с Агнес и Мартой все в порядке. Агнес в состоянии постоять за себя. Но даже если разбойник ее заметит, что он сможет сделать? Только станет более осторожным, вот и все.

Из своего укрытия Том видел башенки собора. Может, когда-нибудь доведется в него заглянуть. Интересно, какие опоры они применили в сводчатой галерее. Обычно сооружают широкие колонны, и каждая служит основанием для расходящихся в разные стороны арок: две – на юг и север, соединяющие соседние колонны галереи, и одна – на восток или запад, через боковой неф. Получалось некрасиво, ведь арка, опора у которой – круглая колонна, выглядит несуразно. Вот когда Том станет строить свой храм, у него каждая опора будет представлять собой связку из нескольких колонн, заканчивающихся аркой, – логичное и элегантное решение.

Он стал представлять себе, как украсить арки. Чаще всего для этого используют геометрические фигуры – не требуется большого мастерства, чтобы вырезать зигзаги и ромбы, – но

Тому нравился орнамент из листьев, который смягчал и придавал жизни строгой размеренности каменных пропорций.

Его мысли были заняты воображаемым собором, когда он заметил тоненькую фигурку и светлую головку Марты, которая пересекла мост и помчалась вприпрыжку вниз. Она добежала до перекрестка и, подумав, свернула в правильном направлении. Наблюдая за дочкой, Том увидел, как она нахмурила бровки: куда это он запропастился? А когда она поравнялась с укрытием, тихонько позвал: «Марта!»

Она взвизгнула, но, увидев его, перепрыгнула через канаву и подбежала.

– Мама прислала тебе вот это, – сказала она, вытаскивая из-за пазухи еще теплый пирог с мясом.

– Клянусь Богом, твоя мать – достойная женщина! – воскликнул Том, откусывая гигантский кусок. Пирог с начинкой из говядины и лука имел божественный вкус.

Марта села на травку рядом с отцом и потерла нос, стараясь вспомнить, что ей было введено передать. Том не мог не умиляться, глядя на свою малышку.

– Тот дядька, что украл нашу свинью, вышел из харчевни и встретил женщину с размазанным лицом, и они пошли к ней домой. А мы ждали на улице.

«Этот негодяй спускает наши деньги на потаскух», – раздраженно подумал Том.

– А потом?

– Он недолго пробыл в том доме, а когда вышел, завернул в пивную. Там и сидит. Пьет немного, зато играет в кости.

– Надеюсь, выигрывает, – сказал Том мрачно. – Что еще?

– Все.

– Кушать хочешь?

– Я съела булочку.

– Ты уже рассказала все это Альфреду?

– Нет еще. Я пойду к нему после тебя.

– Скажи ему, чтобы постарался не промокнуть.

– Постарался не промокнуть, – повторила она. – Мне это нужно сказать до или после того, как я расскажу о дядьке, укравшем свинью?

– После, – сказал Том и улыбнулся. – Ты умная девочка. Ну, беги!

– Мне нравится эта игра, – засмеялась Марта.

Она ему помахала, изящно перепрыгнула через канаву, сверкнув маленькими ножками, и побежала в город. Том смотрел ей вслед с любовью и гневом в сердце. Им с Агнес пришлось так много трудиться, чтобы заработать деньги детям на пропитание, и теперь он готов был пойти даже на убийство, лишь бы вернуть то, что у них украли.

Конечно, разбойник тоже способен на убийство. Ведь разбойники вне закона, и к жестокости им не привыкать. Возможно, это будет уже не первый раз, когда Фарамонд Открытый Рот встретится лицом к лицу со своей жертвой. Так что он, безусловно, опасен.

Сумерки опустились удивительно рано, как это порой случается в пасмурные осенние дни. Том забеспокоился, что не узнает вора. С наступлением вечера движение к городу и из него почти сошло на нет; большинство деревенских жителей отправились в обратный путь, чтобы к ночи вернуться домой. В городе появились первые огоньки свечей и факелов. «А что, если он остался там на всю ночь? – размышлял Том. – Может, в городе у него есть друзья, которые дадут ему приют, даже зная, что он разбойник...»

И тут Том увидел человека, нижняя часть лица которого была замотана шарфом.

Он шел по деревянному мосту, а с ним были еще двое. Тут Тома осенило, что вор мог явиться в Солсбери с сообщниками: лысым и тем, в зеленом колпаке. Правда, в городе ни того ни другого Том не видел, но вполне возможно, что, войдя в город, они разошлись, а возвращаясь обратно, снова встретились. Проклятье! Едва ли он справится сразу с тремя. Однако,

когда они подошли ближе, группа разделилась, и Том с облегчением понял, что те двое вовсе не спутники вора.

Это были крестьяне, отец и сын, с темными, близко посаженными глазами и крючкова-
тыми носами. Они направлялись в Портуэй, а тот, что обмотался шарфом, следовал за ними.

Когда разбойник приблизился, Том с сожалением отметил, что тот был абсолютно трезв.

В этот же момент на мосту появились женщина и девочка, Агнес и Марта. Это встрево-
жило Тома. Он не предполагал, что, когда встретит вора, они окажутся рядом. Однако иначе
и быть не могло, ибо Том сам приказал Агнес следить за грабителем.

По мере того как они приближались напряжение Тома росло. Он был таким большим и
сильным, что при столкновении ему обычно все уступали, но разбойники – народ отчаянный,
и трудно сказать, как все повернется, когда начнется драка.

Двое крестьян прошли мимо, они были в легком подпитии и беседовали о лошадях. В
правой руке Том сжимал свой железный молоток. Он ненавидел воров, которые только на то
и способны, что отнимать хлеб у порядочных людей. И он не станет испытывать угрызений
совести, если двинет этого своим молотком.

Приблизившись, разбойник, словно почуяв опасность, замедлил шаг. Том выждал, когда
тот подойдет на расстояние четырех-пяти ярдов – слишком близко, чтобы убежать, и доста-
точно далеко, чтобы не было возможности проскочить вперед, перекатился через бугор и, пере-
махнувшись через канаву, загородил ему дорогу.

Вор остановился как вкопанный и вытаращил на Тома глаза.

– Ты чего? – с дрожью в голосе спросил он.

«Не узнал меня», – подумал Том.

– Вчера ты украл мою свинью, а сегодня продал ее мяснику.

– Да я ни...

– Не отпирайся, – сказал Том. – Отдай мне деньги, которые получил за нее, и я тебя не
трону.

На мгновение ему показалось, что вор именно это и собирался сделать, и, глядя, как тот
колеблется, он почувствовал, что напряжение спадает. Но разбойник вдруг резко повернулся
и бросился прочь – прямо на Агнес.

Он не успел разогнаться для того, чтобы сбить ее с ног – а она была не из тех женщин,
кого легко повалить, – так что некоторое время они стояли друг против друга, переступая то
вправо, то влево, словно в неуклюжем танце. Наконец, поняв, что она нарочно преграждает
ему путь, вор оттолкнул ее и попытался прошмыгнуть мимо. Но Агнес выставила вперед ногу,
он споткнулся, и оба свалились на землю.

С бешено колотящимся сердцем Том метнулся на помощь. Грабитель, упираясь коленом
в спину Агнес, уже вставал. Том, схватил его за шиворот, грубо потрянул и, прежде чем тот
сумел обрести равновесие, швырнул в канаву.

Агнес поднялась на ноги. К ней подбежала Марта.

– Все в порядке? – быстро спросил Том.

– Ага, – кивнула жена.

Двое крестьян остановившись, наблюдали за сценой, не понимая, что происходит. Вор
стал выбираться из канавы.

– Он разбойник! – крикнула Агнес крестьянам, чтобы убедить их не вмешиваться. – Он
украл нашу свинью!

Те ничего не ответили, но продолжали стоять и смотреть, что же будет дальше.

– Верни мои деньги и можешь проваливать на все четыре стороны, – снова сказал Том.

Вор выбрался из канавы и быстро, словно крыса, рванулся к Тому с ножом в руке. Агнес
завизжала. Том уклонился. Нож блеснул прямо перед его глазами, и он почувствовал, как скулу
пронзила боль.

Том отступил на шаг и, когда снова сверкнуло лезвие, взмахнул молотком. Разбойник отскочил. И нож, и молоток, не встретив преграды, со свистом рассекли сырой вечерний воздух.

Несколько мгновений они неподвижно стояли, глядя друг другу в глаза и тяжело дыша. Том чувствовал острую боль в щеке. Теперь он осознал, что они равные противники, ибо хотя Том и крупнее, но у вора нож, оружие более грозное, чем молоток каменщика. Холодок пробежал по спине, когда он понял, что может сейчас умереть. Внезапно он почувствовал, что не может вдохнуть.

Краем глаза он заметил какое-то внезапное движение. Вор тоже его заметил и, метнув взгляд на Агнес, быстро пригнулся, уворачиваясь от брошенного ею камня.

Действуя с быстротой человека, охваченного страхом за собственную жизнь, Том замахнулся, намереваясь обрушить молоток на опущенную голову разбойника.

Но вор снова распрямился, и удар пришелся по лбу, в том месте, где проходит линия волос. Разбойник зашатался, но не упал.

Том ударил еще.

На этот раз у него было достаточно времени, чтобы как следует приладиться, пока оглушенный вор приходил в себя. Опуская со всего маха молоток, Том подумал о Марте, вложив в удар всю свою силу, и вор упал на землю, как сломанная кукла.

Том и сам был серьезно ранен, так что облегчения он не почувствовал. Опустившись на колени рядом с вором, он стал обшаривать его одежду.

– Где кошелек? Где кошелек, черт побери!

Переворачивать обмякшее тело было трудно. Наконец Том уложил его на спину и распахнул плащ. К поясу был подвешен большой кожаный кошелек. Том его расстегнул. Внутри находился мягкий шерстяной мешочек на веревке. Том его вытащил. Он был пуст.

– Ничего нет! – воскликнул Том. – Значит, есть еще кошелек.

Он вытянул из-под бесчувственного тела плащ и тщательно его обыскал. Но потайных карманов не обнаружил. Тогда он стянул ботинки. И в них ничего не оказалось. Снял с пояса нож, отрезал подметки. Ничего.

Теряя терпение, он просунул нож за ворот шерстяной туники разбойника и одним движением распорол ее до талии в надежде найти спрятанный пояс с деньгами. Увы.

Тело вора лежало в грязи посреди дороги, раздетое, если не считать чулок. Двое крестьян таращились на Тома, словно он сошел с ума.

– У него нет денег! – сказал Том вне себя от бешенства.

– Должно быть, все спустил в кости, – с горечью произнесла Агнес.

– Надеюсь, он уже горит в аду.

Агнес опустила на колени и приложила руку к груди разбойника.

– Ну да, он именно там. Ты его убил.

IV

К Рождеству им нечего стало есть.

Зима пришла рано и упорно добивала их неотвратимым холодом, как стесывает долото неподатливый камень. На деревьях еще висели яблоки, когда первый снег припорошил поля. Вначале люди говорили, что это похолодание ненадолго, но они ошиблись. Крестьяне, припозднившиеся с осенней пахотой, ломали плуги в окаменевшей земле. В деревнях спешили резать свиней и солить на зиму мясо, а богатые помещики забивали скотину, потому что зимние пастбища не могли прокормить такое поголовье. Но бесконечные морозы побили траву, и среди оставшихся животных начался падеж. Когда опускались сумерки, в деревни стали навеваться волки, которые хватили тощих кур и ослабевших от голода детей.

С наступлением холодов строительные работы повсеместно прекратили до весны, а только что возведенные стены спешно укрыли от морозов соломой и навозом, ибо раствор в них еще не успел просохнуть и, замерзши он, могли пойти трещины. Никаких работ с раствором больше не проводилось. Некоторых каменщиков нанимали на одно лето, и теперь они возвращались в родные деревни, где их знали не как каменщиков, а как мастеров на все руки, и где всю зиму они занимались изготовлением плугов, седел, сбруй, лопат, дверей и многого другого, что требовало умения держать в руках молоток, пилу или долото. Другие перебрались в окружающие строительные площадки мастерские и все светлое время дня проводили, вырезая каменные блоки замысловатой формы. Но так как зима выдалась ранняя, работа продвигалась слишком быстро, а оттого, что крестьяне голодали, у епископов и лордов денег было меньше, нежели они рассчитывали, так что к исходу зимы некоторых каменщиков пришлось уволить.

Из Солсбери Том со своей семьей отправился в Шефтсбери, а оттуда в Шерборн, Уэльс, Бат, Бристоль, Клуcesтер, Оксфорд, Уоллингфорд и Виндзор. Везде в мастерских горел огонь, церковные дворы и стены замков были наполнены звоном железа, ударяющегося о камень, а мастера, надев на свои умелые руки митенки, изготавливали маленькие точные модели будущих арок и сводов. Некоторые были нетерпеливы, грубы и невоспитанны, другие печально смотрели на исхудавших детей Тома и его беременную жену, разговаривали ласково и сочувственно, но все говорили одно и то же: «Здесь для тебя работы нет».

Когда могли, они пользовались гостеприимством монастырей, в которых путники всегда получали еду и место для ночлега – но лишь на одну ночь. Порой в зарослях ежевики им удавалось отыскать спелые ягоды, и они, словно птицы, не отходили от них, пока все не подьедали. В лесу Агнес разводила костер и варила в котелке кашу. Но чаще всего им приходилось покупать у булочника хлеб, а у торговца рыбой – селедку или есть в трактирах и харчевнях, а это было гораздо дороже, чем самим готовить пищу; и их деньги неумолимо таяли.

Марта от природы была худышкой, теперь же от нее остались кожа да кости. Альфред все продолжал расти, словно сорняк на скудной почве, и сделался худ и долговяз. Агнес ела очень немного, но младенец, росший в ее чреве, был настоящим обжорой, и Том видел, что она постоянно страдала от голода. Время от времени Том заставлял ее съесть побольше, и ее железная воля подчинялась общей воле мужа и нерожденного малыша. Но она не пополнела и не порозовела, как это случалось в предыдущие беременности. А напротив, несмотря на раздувшийся живот, выглядела изможденной, будто опухший с голоду ребенок.

Выйдя из Солсбери, они отправились кружным путем и, пройдя три четверти огромного круга, к концу года снова очутились в бескрайнем лесу, что раскинулся от Виндзора до Саутгемптона. Теперь они брели в Винчестер. Том продал инструменты, все, за исключением нескольких пенни, было потрачено, и теперь, если бы нашлась работа, ему пришлось бы занимать у кого-нибудь орудия труда или деньги на их приобретение. Он не знал, что станет делать, если и в Винчестере работы не найдет. В родном городе Тома жили его братья, но это далеко на севере, дорога займет несколько недель, и все они перемрут с голоду, прежде чем туда доберутся. Агнес была единственным ребенком в семье, но ее родители уже умерли. В деревне зимой никакой работы быть не могло. Возможно, ей удастся заработать несколько пенни, нанявшись судомойкой в богатый дом. Но дальше Винчестера она идти не сможет – приближалось время родин.

До Винчестера оставалось еще три дня пути, а они были ужасно голодны. Ежевика закончилась, монастыря поблизости не было, а в котелке, который несла за спиной Агнес, не осталось и горсточки овса. В предыдущую ночь они отдали нож за ломоть ржаного хлеба, четыре миски жидкого бульона, в котором не было ни кусочка мяса, и местечко у огня в крестьянской лачуге. С тех пор они не встретили ни одной деревни. Но к вечеру Том увидел дымок, поднимающийся над деревьями, и они обнаружили сторожку, в которой отшельником жил лесник из королевской лесной охраны. В обмен на топорик Тома он дал им мешок репы.

Они прошли всего три мили, когда Агнес сказала, что слишком устала и дальше идти не может. Для Тома это было неожиданностью: за все годы их совместной жизни он ни разу не слышал, чтобы жена жаловалась на усталость.

Она присела под старым каштаном, росшим у дороги. Давно отслужившей свой срок деревянной лопатой, которая только потому у них и осталась, что никто не захотел ее купить, Том выкопал для костра небольшую ямку. Дети принесли хворост, он разжег огонь и отправился на поиски ручья. Вернувшись с котелком, полным ледяной воды, Том установил его над костром. Агнес порезала несколько репок. Марта собрала упавшие с дерева каштаны, и мать показала ей, как следует их чистить и толочь в муку, которую можно добавить в похлебку. Том послал Альфреда за дровами, а сам, вооружившись палкой, принялся ворошить опавшую листву в надежде наткнуться на ежа, пребывающего в зимней спячке, или подбить белку, чтобы сварить из них бульон. Но поиски успехом не увенчались.

Он сел рядом с Агнес. Темнело. В котелке булькала похлебка.

– А соли у нас не осталось? – спросил Том.

Жена покачала головой.

– Уже несколько недель ты ешь кашу без соли, – ответила она. – Не заметил?

– Нет.

– Да-а, голод – лучшая приправа.

– Ну, этого у нас хоть отбавляй. – Внезапно Том почувствовал, что ужасно устал. Неудачи и разочарования последних четырех месяцев придавили его, словно непосильная ноша, и не было сил сохранять далее присутствие духа.

– В чем же причина наших несчастий, Агнес? – сказал он голосом, полным отчаяния.

– Во всем, – отозвалась она. – Прошлой зимой у тебя не было работы. Весной ты ее получил, но дочка графа отказала своему жениху, и лорд Уильям прекратил строительство дома. Мы решили остаться в деревне и поработать на уборке урожая. Это была наша ошибка.

– Наверняка летом было бы проще найти работу на стройке, – согласился Том.

– Да еще зима наступила слишком рано. Но все это мы бы как-нибудь пережили, если бы у нас не украли свинью.

Том утомленно кивнул:

– Единственное утешение – это знать, что проклятому вору придется теперь испытать все муки ада.

– Надеюсь.

– Ты не уверена?

– Даже священникам известно не так много, как им бы хотелось. Вспомни моего отца.

Том отлично помнил. Одна стена приходской церкви отца Агнес разрушилась, и его наняли, чтобы ее перестроить. Священникам не разрешалось жениться, а у этого была экономка, а у экономки – дочка, и ни для кого в деревне не было тайной, что священник – отец девочки. Красавицей Агнес не назовешь; зато на щеках пылал румянец, а энергии в ней было через край. Порой она разговаривала с Томом, пока тот работал, и, случалось, налетевший ветер прижимал к ней ткань легкого платья, и Том мог рассмотреть все изгибы ее тела, даже пупок, почти так же ясно, как если бы она была раздетой. Однажды ночью она вошла в крохотную хижину, где он спал, прижала к его губам руку, призывая хранить молчание, и стянула с себя платье, чтобы он мог полюбоваться ее наготой в лунном свете; тогда он обнял ее крепкое юное тело, и они предалися любви.

– Мы оба были невинны, – произнес он вслух.

Агнес знала, о чем он думает. Она улыбнулась, а потом лицо ее вновь сделалось печальным, и она сказала:

– Кажется, это было так давно.

– Мы уже можем есть? – подала голос Марта.

От запаха похлебки у Тома заурчало в животе. Он окунул свою миску в котелок и зачерпнул несколько кусочков репы, плававших в жиденькой каше. Обратной стороной лезвия надавил на один. Репа была еще сырая, но Том решил больше не ждать. Он протянул по полной миске детям и жене.

Агнес выглядела задумчивой и опустошенной. Она подула на похлебку и поднесла миску к губам.

Дети мгновенно расправились со своими порциями и попросили добавки. Том снял с огня котелок, прихватив его, чтобы не обжечь руку, полой плаща, и вылил остатки в миски Альфреда и Марты.

Когда он снова сел рядом с Агнес, она спросила:

– А как же ты?

– Я поем завтра.

Она была слишком утомлена, чтобы возразить.

Том и Альфред подбросили поленьев в костер и принесли еще дров, чтобы хватило на ночь. Закутавшись в плащи, они улеглись на опавшую листву.

Том спал чутко, и когда Агнес застонала, моментально проснулся.

– Ты чего? – прошептал Том.

Она снова застонала. Минуту спустя, продолжая лежать с закрытыми глазами, сильно побледнев, она сказала:

– Дите подходит.

Сердце Тома остановилось. «Нет! Только не здесь, – заклинал он. – Только не на замерзшей земле, только не в лесу».

– Но ведь еще не пора.

– Да, прежде времени.

Том старался говорить спокойно:

– Воды уже отошли?

– Вскоре после того, как мы вышли от лесника, – тяжело дыша, произнесла Агнес, открывая глаза.

Том вспомнил, как она вдруг скрылась в кустах, будто по нужде.

– А схватки?

– Тогда и начались.

Даже виду не подавала! Это так на нее похоже.

Проснулись Альфред и Марта.

– Что случилось? – спросил Альфред.

– Ребенок рождается, – отозвался Том.

Марта расплакалась. Том нахмурился.

– Сможешь дойти обратно до сторожки? – спросил он, обращаясь к Агнес.

Там, по крайней мере, у них будет крыша над головой и солома, чтобы лечь, и хоть какая-то помощь.

Агнес покачала головой:

– Дите уже опустилось.

– Тогда потерпи, скоро все закончится.

Они были в самой глухой части леса. С утра им не встретилось ни одной деревни, и, если верить леснику, до ближайшего жилья они смогут добраться лишь к завтрашнему вечеру. Это означало, что найти повивальную бабку им не удастся, и принимать ребенка Тому придется самому, на морозе, а дети будут ему помогать, и если что-то пойдет не так, у него нет ни знаний, ни лекарств...

«Это я во всем виноват, – проклинал себя Том. – Я сделал ей ребенка. Я довел ее до нищеты. Она доверилась мне и вот теперь рождает зимой под открытым небом». Он всегда

презирал мужчин, которые делали детей, а потом обрекали их на голод, и сейчас он был ничем не лучше их. Его обжигал стыд.

– Я так устала, – сказала Агнес. – Боюсь, я не смогу родить этого малыша на свет Божий. Мне бы отдохнуть. – Ее лицо, покрытое испариной, блестело в неверном свете костра.

Том понял, что должен взять себя в руки. Он обязан поддержать Агнес, придать ей сил.

– Я помогу тебе, – сказал он.

В том, что должно было произойти, не было ничего загадочного или сложного. Ему уже доводилось видеть, как рождаются дети. Обычно роженице помогали женщины, и это естественно, ведь они знают, как чувствует себя мать, но если надо, эту работу может проделать и мужчина. Прежде всего нужно устроить ее поудобнее, затем выяснить, близко ли дитя, затем приготовить все необходимое и, наконец, успокоить и подбодрить жену.

– Ну как ты? – спросил он Агнес.

– Холодно.

– Придвинься поближе к огню, – сказал Том.

Он снял плащ и расстелил его в яре от костра. Агнес попыталась встать. Том легко подхватил ее и бережно опустил на приготовленное место.

Он встал возле нее на колени. Шерстяная туника, поверх которой она носила плащ, застегивалась спереди на пуговицы по всей длине. Он расстегнул две и просунул руку. Агнес судорожно вздохнула.

– Больно? – обеспокоенно спросил Том.

– Нет. – Слабая улыбка тронула губы Агнес. – У тебя руки холодные.

Он ощутил округлость ее живота, который как будто стал выше и более заостренным по сравнению с прошлой ночью, когда они вместе спали на полу крестьянской лачуги. Он слегка надавил на живот и почувствовал контуры еще не рожденного ребенка. Том нащупал начало плода, прямо под пупком Агнес, но никак не мог найти окончание.

– Попка есть, а головы нет.

– Это потому, что он уже выходит, – сказала жена.

Он укрыл Агнес плащом, подоткнув его со всех сторон. Теперь нужно было быстро все приготовить. Он глянул на детей. Марта хлюпала носом. Альфред испуганно наблюдал за происходящим. Хорошо бы поручить им что-нибудь.

– Альфред, возьми котелок и сходи к ручью. Помой его как следует и принеси свежей воды. Марта, нарви тростника и сплети мне пару веревок такой длины, чтобы можно было сделать петли. Быстро! К утру у вас будет братик или сестренка.

Они убежали. Том вытащил нож и кусочек точильного камня и принялся точить лезвие. Агнес снова застонала. Том положил нож и взял ее за руку.

Он так же сидел с ней, когда рождались другие дети: Альфред, затем Матильда, прожившая только два года, потом Марта и наконец ребенок, родившийся мертвым, мальчик, которого Том собирался назвать Гарольдом. Но всегда с ними был еще кто-то, кто помогал и подбадривал: ее мать – с Альфредом, деревенская повитуха – с Матильдой и Гарольдом, а Марту вообще принимала хозяйка поместья. На этот раз ему придется все делать самому. Но он не выкажет волнения: Агнес должна чувствовать себя уверенной и счастливой.

Схватки прошли, и она немного расслабилась. Том сказал:

– Помнишь, когда ты рожала Марту, леди Изабелла была у нас повивальной бабкой.

Агнес улыбнулась:

– Ты строил лорду часовню и попросил ее послать служанку в деревню за повитухой...

– А она как закричит: «Эту старую ведьму? Да я бы не доверила ей принимать даже щенков моей собаки!» И пустила нас в свою спальню, и пока Марта не родилась, лорд Роберт не мог лечь спать.

– Она была доброй женщиной.

– Да, немного таких среди знатных дам.

Вернулся Альфред, неся котелок, полный ледяной воды. Том поставил его возле огня так, чтобы вода была теплой, но не кипела. Агнес вытащила из-под плаща полотняный мешочек, в котором были чистые тряпки, приготовленные ею заранее.

Пришла Марта с пучком тростника.

– Зачем тебе веревка? – спросила она.

– Для одного очень важного дела. Ты все увидишь, – сказал Том. – Плети как следует.

Альфред выглядел встревоженным и смущенным.

– Пойди принеси еще дров, – приказал Том. – Надо сделать большой костер.

Радуюсь, что ему нашлось дело, Альфред ушел.

Лицо Агнес напряглось, когда она снова начала тужиться, выталкивая из утробы младенца; она исторгла низкий звук, похожий на скрип качающегося на ветру дерева. Том видел, что эти потуги дались ей нелегко, забирая последние силы. Всем сердцем он желал оказаться на ее месте и самому выстрадать эти муки, лишь бы принести ей хоть какое-то облегчение. Боль вроде отпустила, и Том мог перевести дух. Казалось, Агнес задремала.

К костру подошел Альфред с целой охапкой дров.

– Мне так холодно, – едва шевеля губами, проговорила очнувшаяся Агнес.

– Альфред, подбрось дров в огонь. Марта, ложись рядом с мамой и постарайся ее согреть, – распорядился Том.

Дети с тревогой переглянулись и послушно исполнили приказание отца. Агнес обняла Марту и, дрожа всем телом, прижалась к ней.

От волнения Тома мутило. Пламя разгоревшегося костра гудело, но воздух становился все холоднее. В такой мороз ребенок мог погибнуть при первом же вдохе. Под открытым небом детей рожали не так уж редко, но обычно это происходило во время сбора урожая, когда женщинам приходилось работать до последней минуты, и земля была сухая, трава мягкая, а погода теплая. Но чтобы кто-то рожал зимой, на морозе – такого Тому слышать не приходилось.

Агнес приподнялась на локтях и раздвинула ноги.

– Что?! – испугался Том.

Ничего не отвечая, она тужилась из последних сил.

– Альфред, встань на колени за спиной мамы, чтобы она могла на тебя облокотиться.

Когда Альфред сделал, как он велел, Том расстегнул пуговицы платья Агнес до конца. Встав на колени меж ее раздвинутых ног, он увидел, что влагалице уже начало раскрываться.

– Недолго осталось, дорогая, – бормотал он, стараясь сдержать дрожь в голосе.

Она снова расслабилась, закрыв глаза и откинувшись на Альфреда. Влагалице, похоже, опять сомкнулось. Вокруг стоял безмолвный лес, и только в костре потрескивали дрова. Том вспомнил разбойницу Эллен, которая рожала в лесу в полном одиночестве. Должно быть, это было ужасно. Она рассказывала ему, как боялась, что нагрянут волки и утащат новорожденного, пока она будет лежать, приходя в себя. Говорят, в этом году волки как никогда дерзкие, хотя напасть на группу людей они едва ли решатся.

Агнес вновь напряглась, и на ее искаженном страданием лице выступили бисеринки пота. Вот оно. Ему было страшно. Он наблюдал, как снова раздвинулась детородная щель, и в свете костра показалась детская головка с прилипшими к ней темными волосиками. Надо бы помолиться, да времени не оставалось. Дыхание Агнес участилось и стало прерывистым. Влагалице раскрылось еще шире – невероятно широко – и лицом вниз вышла головка. Том увидел сморщенные, прижатые к голове ушки, складочки кожи на шее.

– Голова вышла, – сказал Том, но Агнес сама это почувствовала и расслабилась. Младенец медленно развернулся, и Том смог разглядеть его закрытые глаза и ротик, мокрые от крови и околоплодной слизи.

– Ой! – пискнула Марта. – Посмотри на это маленькое личико!

Услышав ее, Агнес слабо улыбнулась и снова начала тужиться. Том подался вперед, склонившись над ней, поддерживая левой рукой головку ребенка пока выходили плечи – сначала одно, потом другое. Когда же рывком появилось тельце, Том подложил правую руку под попку и придерживал его, пока крошечные ножки не выскользнули в неприветливый мир.

Родовые пути Агнес тут же начали сокращаться вокруг пульсирующей синей пуповины, протянувшейся к животику малютки.

Том приподнял малыша и с волнением обследовал его. Было много крови, и сначала он испугался, что произошло что-то страшное, но при ближайшем рассмотрении никаких повреждений не обнаружил. Он заглянул между ножек. Это был мальчик.

– Какой страшненький! – воскликнула Марта.

– Отличный, – отозвался Том. Напряжение спало, и он почувствовал, что слабеет. – Отличный парень.

Ребенок открыл ротик и закричал.

Том посмотрел на Агнес. Их глаза встретились, и они улыбнулись друг другу.

– Марта, зачерпни из котелка миску воды, – прижимая к груди младенца, сказал Том. Дочка бросилась исполнять приказание. – Где тряпки, Агнес?

Она указала на полотняный мешочек, лежавший неподалеку. Альфред передал его Тому. По лицу сына текли слезы – впервые в жизни он увидел, как появляется на свет ребенок.

Том обмакнул тряпку в теплую воду и осторожно обтер малютку. Агнес расстегнула тунику, и Том передал ей кричащего ребенка. Соединявшая младенца с матерью пуповина перестала пульсировать, съежилась и побелела.

Том повернулся к Марте:

– Дай-ка мне веревки, что ты сплела. Сейчас увидишь, зачем они.

Она протянула ему веревочки. В двух местах он обвязал ими пуповину и туго затянул узлы. Затем ножом перерезал.

Том снова сел на корточки. Справились. Самое худшее позади. С малышом все в порядке. Он был горд собой.

Агнес придвинула ребенка к груди. Крохотный ротик отыскал ее набухший сосок и, перестав кричать, принялся сосать.

– И как он узнал, что нужно делать? – изумилась Марта.

– Это, – сказал Том. Он протянул ей миску. – Налей чистой воды и дай маме попить.

– Да-да, – с готовностью подхватила Агнес, словно только сейчас поняла, как ее мучает жажда. Марта принесла воды, и Агнес выпила целую миску, до последней капли. – Вот теперь хорошо. Спасибо.

Она посмотрела на маленького сынишку, сосавшего грудь, затем на Тома.

– Хороший ты человек, – тихо сказала она. – Люблю тебя.

Том почувствовал, как к глазам подступают слезы, он улыбнулся и отвел взгляд. Кровотечение у нее еще не остановилось. Сморщенная пуповина постепенно выходила и кольцами сворачивалась в луже крови на плаще между ног Агнес.

Ребенок перестал сосать и заснул. Агнес укутала его своим плащом и тоже прикрыла глаза.

– Ты чего-то ждешь? – через минуту раздался голос Марты.

– Детское место, – ответил Том.

– А что это?

– Увидишь.

Мать и новорожденный немного подремали, затем Агнес снова открыла глаза. Она напряглась, ее влагалище слегка раздвинулось, и показалась плацента. Том взял ее в руки. Она выглядела как бесформенный кусок мяса. Приглядевшись, он обнаружил, что плацента как будто от чего-то отодрана, не хватало еще куска. Но раньше ему не приходилось рассматривать

детское место столь подробно, и он предположил, что так и должно быть, ведь оно оторвалось от утробы. Он положил плаценту в костер. Сгорая, она ужасно воняла, но просто выбросить было нельзя, это могло привлечь лисиц и даже волков.

Кровотечение все не прекращалось. Том помнил, что отторжение детского места всегда сопровождалось потерей крови, однако на этот раз ее было слишком много. Стало ясно, что кризис еще не прошел. От напряжения и голода он чувствовал слабость, но вскоре приступ миновал, и он заставил себя собраться.

– Все еще идет кровь... немного, – сказал он Агнес, стараясь не выдать беспокойства.

– Скоро перестанет, – отозвалась она. – Накрой меня.

Том застегнул юбку и обернул ноги плащом.

– Можно мне передохнуть? – подал голос Альфред.

Он все еще стоял на коленях, поддерживая мать. Должно быть, оттого, что он так долго находился в одной позе, у него онемели руки и ноги.

– Я подменю тебя, – сказал Том, подумав, что Агнес удобнее держать ребенка, если она останется в полусидячем положении, и, кроме того, находящийся сзади сможет согреть ее и защитить от ветра. Он поменялся местами с Альфредом. Тот закричал от боли, разгибая затекшие ноги. Том обхватил руками Агнес и малыша.

– Как себя чувствуешь? – спросил он.

– Устала.

Ребенок заплакал, и Агнес подвинула его так, чтобы он мог найти сосок. Она, казалось, спала, пока малыш сосал.

Чувство тревоги не оставляло Тома. То, что Агнес устала, было естественно, но ее сонливость беспокоила его. Она слишком ослабла.

Малыш спал, и вскоре двое других детей тоже заснули. Марта свернулась калачиком рядом с Агнес, а Альфред растянулся по другую сторону костра. Обняв жену, Том нежно ее поглаживал и время от времени целовал в голову. Тело Агнес расслабилось, и она стала погружаться во все более глубокий сон. Возможно, решил Том, сейчас это для нее лучше всего. Он коснулся ее щеки. Кожа была холодной и влажной, несмотря на все усилия ее согреть. Он просунул руку под плащ и потрогал младенца. Ребенок был теплым, сердечко стучало уверенно. Том улыбнулся. «Крепкий малыш, – подумал он. – Молодец!»

– Том! – встrepенулась Агнес.

– Да.

– Помнишь ту ночь, когда я пришла в твою хижину? Ты тогда строил церковь моему отцу.

– Конечно, – отозвался Том, лаская ее, – как я могу забыть?

– Я никогда не жалела, что отдалась тебе. Никогда, ни минуты. И каждый раз, когда вспоминаю ту ночь, мне становится радостно.

Он улыбнулся. Ему было приятно это слышать.

– Я тоже, – сказал он. – Хорошо, что ты тогда пришла.

Она подремала немного, затем снова заговорила:

– Надеюсь, ты еще построишь свой храм.

Том удивился:

– А я думал, ты против.

– Я была против, но я ошибалась. Ты действительно заслуживаешь чего-то прекрасного.

Он не мог понять, что она имеет в виду.

– Построй прекрасный собор для меня, – прошептала Агнес.

Ее сознание помутилось, и Том был рад, что она снова заснула. Ее тело обмякло, голова склонилась набок, и ему приходилось поддерживать ребенка, чтобы тот не упал.

Так они лежали довольно долго. Наконец младенец проснулся и заплакал. Агнес не реагировала. Плач разбудил Альфреда, и он, перевернувшись, взглянул на маленького братика.

Том тихонько потряс Агнес:

– Проснись! Малыш хочет кушать.

– Отец! – испуганно закричал Альфред. – Посмотри на ее лицо!

У Тома давно уже было дурное предчувствие. Она потеряла слишком много крови.

– Агнес! – взмолился он. – Проснись!

Тишина. Она его не слышала. Том поднялся, опустив ее на землю. Лицо Агнес было мертвенно-бледным.

Содрогаясь от страха перед тем, что может увидеть, он отвернул полы плаща, прикрывавшие ее бедра.

Все было в крови.

Альфред вскрикнул и отвернулся.

– Боже милостивый, спаси нас! – прошептал Том.

Крики малютки разбудили Марту. Увидев кровь, она расплакалась. Том подхватил ее на руки и шлепнул по лицу. Она затихла.

– Не вой! – сказал он спокойно, поставив дочку на ноги.

– Мама умирает? – выговорил Альфред.

Том прижал руку под левой грудью Агнес. Сердце не билось.

Не билось.

Он надавил сильнее. Тело было еще теплым, ее тяжелая грудь коснулась его руки. Нет, она не дышала, и сердце ее не билось.

Холод оцепенения, словно туман, окутал Тома. Агнес ушла из жизни. Он, не отрываясь, смотрел на ее лицо. Как она могла покинуть их? Он молил Бога, чтобы она шевельнулась, открыла глаза, вздохнула. Ведь говорят, что иногда остановившееся сердце может снова начать биться, но тут – она потеряла столько крови...

Он перевел взгляд на Альфреда.

– Мама умерла, – прошептал он.

Альфред молча смотрел на него. Марта плакала. Малыш тоже плакал. «Я должен позаботиться о них, – сказал себе Том. – Ради них я должен быть сильным».

Но ему хотелось выть, обнять остывающее тело и вспоминать, какой она была в молодости, как смеялась, как любила. Ему хотелось рыдать и проклинать безжалостную судьбу. Сердце его ожесточилось. И только ради детей он не мог позволить себе впасть в отчаяние, ради них он должен был оставаться мужественным.

Слез у него не было.

Что я должен сделать прежде?

Выкопать могилу.

«Я должен вырыть глубокую яму и положить ее туда, чтобы убереечь от волков и сохранить ее мощи до Страшного суда, а затем помолиться за упокой души. О Агнес, почему ты оставила меня?»

Новорожденный захлебывался от крика и, крепко прижмутив глазки, то и дело открывал и закрывал ротик, глотая холодный воздух, словно этим он мог утолить голод. Его нужно было покормить. «Грудь Агнес полна теплого молока. А что, если?..» – подумал Том. Он поднес младенца к ее груди, и тот, найдя сосок, успокоился и зачмокал. Том бережно укрыл его плащом Агнес.

– Можешь подержать малыша, чтобы он не упал? – обратился Том к Марте, которая наблюдала за происходящим, засунув в рот большой палец и широко раскрыв глаза.

Кивнув, она присела рядом с мертвой матерью и маленьким братцем.

Том взял лопату. Это место Агнес выбрала, когда присела отдохнуть под ветвями старого каштана. Так пусть оно станет местом ее последнего успокоения. Он горько вздохнул, подавив

в себе желание упасть и наплакаться вволю, отметил на земле прямоугольник в нескольких ярдах от ствола, где не должно быть корней, и начал копать.

Ему стало легче. Когда он сосредоточился на работе, горестные мысли словно отошли на второй план, и это позволило ему сохранить самообладание. Время от времени он менялся с Альфредом, чтобы и тот, работая, мог встряхнуться и прийти в себя. Копали они быстро, в иступлении, так что, несмотря на лютый мороз, по их лицам, словно в жаркий день, струился пот.

Наконец Альфред сказал:

– Может, хватит?

Том обнаружил, что стоит в яме глубиной в его собственный рост. Жаль, что работа закончилась.

– Ладно. – Он неохотно кивнул и выбрался наверх.

Пока они копали, забрезжил рассвет. Марта взяла ребенка на руки и, сев у костра, баюкала его. Том подошел к Агнес и опустился на колени. Он завернул ее в плащ, оставив открытым лицо, поднял и перенес к могиле. Там он положил ее на краю ямы и спрыгнул вниз. Затем бережно опустил жену. Долго-долго смотрел на дорогое лицо, стоя на коленях в ее холодной могиле, потом нежно поцеловал в губы и прикрыл веки навсегда угасших глаз.

Вылез наверх.

– Подойдите сюда, дети.

Альфред и Марта с младенцем на руках встали рядом с отцом. Том положил руки им на плечи. Они молча смотрели в могилу. Том проговорил:

– Скажите: «Господи, благослови нашу маму».

– Господи, благослови нашу маму, – повторили дети.

Марта всхлипывала, в глазах Альфреда стояли слезы. Том крепко обнял их, к его горлу подступил комок.

Он взялся за лопату. Когда первые комья земли полетели в могилу, Марта зарыдала в голос. Альфред обнял сестру. Том продолжал копать. Он не мог бросать землю на лицо Агнес, поэтому сначала засыпал ее ноги, затем туловище, и, когда образовался высокий холмик, земля сама стала скатываться вниз, постепенно покрывая шею, затем губы, которые он целовал, и наконец ее лицо исчезло.

Том быстро закончил работу и разбросал оставшуюся землю, чтобы не было холма: разбойники часто откапывали покойников в надежде найти драгоценности. Он постоял, глядя на то место, где похоронена Агнес.

– Прощай, дорогая, – прошептал он. – Ты была хорошей женой, и я любил тебя.

Усилием воли Том заставил себя отвернуться.

Плащ, на котором рожала Агнес, все еще лежал на земле, пропитанный засыхающей кровью. Он взял нож и, резким движением разрезав плащ, бросил окровавленную часть в костер.

Марта по-прежнему держала ребенка.

– Дай его мне, – сказал Том.

Она уставилась на него испуганными глазами. Он завернул зашедшегося криком младенца в остатки плаща и обернулся к молча наблюдавшим за ним детям.

– У нас нет молока, чтобы выкормить малыша, поэтому ему придется остаться здесь, со своей мамой.

– Но ведь он умрет, – пролепетала Марта.

– Да, – сказал Том, едва справляясь со своим голосом. – Что бы мы ни сделали, он все равно умрет.

Он собрал пожитки и, положив их в котелок, привязал его за спиной, как это делала Агнес.

– Пойдем.

Марта расплакалась. Лицо Альфреда побелело. Они двинулись вниз по дороге в сером свете холодного утра. И вскоре безудержный плач малютки остался позади.

Не стоило оставаться возле могилы, ибо дети бы там ни за что не заснули, а от ночного бдения проку мало. И кроме того, сейчас им лучше было пройтись.

Том шел быстрым шагом. Теперь его мысли были свободны, и он больше не мог их контролировать. И делать ничего не надо – только идти вперед: никакой работы, никаких хлопот, даже смотреть не на что, если не считать мрачного леса да мечущихся в свете факела теней. Он будет думать об Агнес, и память уведет его в прошлое, и он улыбнется сам себе и станет рассказывать ей о своих воспоминаниях, а затем мысль о том, что ее больше нет, пронзит наконец физической болью. Он был растерян, словно случилось что-то непостижимое, хотя в ее возрасте женщины нередко умирали родами, оставляя мужей вдовцами. Но такая потеря – тяжелая травма. Люди, потерявшие пальцы на ноге, поначалу спотыкаются, пока снова не научатся ходить. Вот и у Тома было чувство, словно у него отняли часть его существа, и он не мог отделаться от ощущения, что утрата эта невосполнима.

Он попробовал не думать о ней, но мысли упрямо возвращались к предсмертному образу Агнес. Казалось невероятным, что всего несколько часов назад она была жива и вот теперь ее уже нет с ними. Он не мог забыть ее измученное родами лицо и гордую улыбку за новорожденного сына. Вспомнил ее последние слова: «Надеюсь, ты еще построишь свой храм», – и еще: «Построй для меня красивый собор». Она говорила так, будто знала, что умрет.

Он шел вперед, но все чаще думал об оставленном на свежей могиле завернутом в плащ младенце. Возможно, мальчик все еще жив, если только его не почуяла лисица. Однако скоро умрет. Покричит немного, а потом закроет глазки, а пока будет спать, замерзая, жизнь его угаснет.

Если только его не почуяла лисица.

Том ничего не мог сделать для несчастного ребенка. Чтобы выжить, ему нужно молоко, но взять его негде: ни деревни, где можно поискать кормилицу, ни коровы или козы, молоко которых заменит материнское. А у Тома, кроме репы, ничего.

Рассвело. Том все отчетливее осознавал ужас совершенного им поступка. Он знал, такое бывало сплошь и рядом: крестьяне с многочисленным семейством и негодным хозяйством обрекали своих детей на смерть, и священники порой закрывали на это глаза, но Том был не из таких. Он обязан был взять малыша и нести его, пока тот не умрет, а потом похоронить. Пусть в этом не было смысла, все равно он должен был поступить именно так.

Том вдруг понял, что наступил день.

И внезапно остановился.

Дети замерли и выжидающе смотрели на отца. После того что случилось, они были готовы ко всему.

– Я не должен был оставлять ребенка, – сказал Том.

– Но нам нечем его кормить. Он обречен, – заметил Альфред.

– И все-таки я не должен был его оставлять.

– Давай вернемся, – предложила Марта.

Том все еще колебался. Пойти назад значило признать, что совершил грех, бросив новорожденного.

Но ведь это так и есть – он совершил грех.

Он развернулся.

– Хорошо. Мы возвращаемся.

Теперь те опасности, которые ему только представлялись, стали казаться вполне реальными. Наверняка лиса уже учуяла ребенка и утащила его в свое логово. Или даже волк. И дикие кабаны могли наделать беды, хотя они и не едят мяса. А совы? Унести его они не смогут, а вот выклевать глаза...

Он пошел быстрее, чувствуя, как от голода и усталости кружится голова. Чтобы не отстать, Марте пришлось бежать, но она не жаловалась.

Он содрогался от страха, представляя, что может увидеть, когда вернется к могиле. Хищники беспощадны, и они всегда точно знают, когда живое существо беззащитно.

Потеряв ощущение времени, Том не знал, как далеко они ушли. Лес по обеим сторонам дороги казался совершенно незнакомым. Он с тревогой озираясь, пытаясь найти место, где была могила. Костер, должно быть, еще не погас – он так ярко горел... Том тщательно осматривал деревья, в надежде увидеть приметные листья каштана. Они миновали поворот, которого он не помнил, и, теряя надежду, он предположил, что они уже прошли могилу, не заметив ее. Но тут увидел впереди оранжевый отблеск.

Его сердце дрогнуло. Он ускорил шаг и прищурился: да, это был костер. Он бросился бежать. Марта заплакала, решив, что отец убегает от нее, и он бросил через плечо: «Скорее туда!» – и услышал, как дети со всех ног бросились вдогонку.

Когда он добежал до старого каштана, сердце было готово выпрыгнуть из груди. Дрова в костре весело потрескивали. На том месте, где рожала Агнес, осталось окровавленное пятно. Вот и могила, чуть заметный холмик свеженасыпанной земли, под которой она теперь лежит. А на могиле – пусто.

В смятении Том озираясь по сторонам. От ребенка не осталось и следа. Слезы отчаяния подступили к глазам. Даже половинка плаща, в которую был завернут младенец, и та исчезла. Однако могила не тронута, и не видно ни следов, ни крови, ничего, что указывало бы на то, что младенца унесли...

У Тома потемнело в глазах. Он был уже не в состоянии думать и знал только, что совершил страшный грех, бросив еще живого ребенка, и не будет ему покоя, пока он его не отыщет. Возможно, малыш еще не умер и лежит где-нибудь... где-нибудь совсем рядом. Он решил искать, кругами прочесывая лес.

– Ты куда? – спросил Альфред.

– Мы должны найти его, – ответил Том, даже не оглянувшись.

Он обошел поляну, заглядывая под каждый куст, по-прежнему чувствуя слабость и головокружение, но так ничего и не обнаружил, ни малейшего намека на то, в каком направлении волк мог утащить свою добычу. Теперь он не сомневался, что это был волк. Вероятно, логово находилось неподалеку.

– Надо искать, – сказал он детям.

Они двигались по кругу, продираясь через кусты и все дальше удаляясь от костра. Том начал было терять терпение, но усилием воли заставил себя сосредоточиться на одной мысли: главное – отыскать ребенка. Он уже не чувствовал горя и был исполнен только яростной, неудержимой решимости найти брошенного младенца, в глубине души сознавая, что во всем случившемся виноват именно он. Том шел напролом, обшаривая глазами землю и то и дело останавливаясь в надежде услышать монотонный плач новорожденного, но лес был безмолвен.

Он не замечал времени. Постоянно расширяемые им круги время от времени снова выводили на дорогу, но ему казалось, что последний раз он видел ее давным-давно. Он все не мог понять, почему они никак не выйдут к сторожке лесника. Он даже было подумал, что они заблудились и ходят уже не вокруг могилы, а бродят по лесу практически наугад. Но это не имело значения, ведь они продолжали искать.

– Отец! – окликнул его Альфред.

Том посмотрел на него, раздраженный, что его отвлекли. Альфред держал на руках Марту, которая крепко спала.

– Чего тебе?

– Можно мы отдохнем?

Том колебался. Он не хотел останавливаться, но Альфред, казалось, вот-вот упадет.

– Ладно, – неохотно согласился Том. – Только недолго.

Они стояли на пригорке. Возможно, внизу протекал ручей. Хотелось пить. Он взял у Альфреда Марту и стал спускаться, покачивая ее на руках. Как он и думал, это был маленький чистый ручей, по краям с корочкой льда. Том опустил Марту на землю. Она не проснулась. Они с Альфредом, встав на колени, пригоршнями черпали ледяную воду.

Альфред лег рядом с Мартой и закрыл глаза. Том огляделся. Они были на поляне, покрытой опавшими листьями. Вокруг росли невысокие крепкие дубы. Их голые ветви сплетались в вышине. Том пересек поляну, намереваясь продолжить поиски, но едва он достиг ее края, как ноги его подкосились, и он резко опустился на землю.

Уже наступил день, туманный и такой же холодный, как прошедшая ночь. Том дрожал не переставая. Только сейчас он понял, что на нем нет ничего, кроме легкой туники, а куда подевался плащ, вспомнить не мог. То ли туман усилился, то ли что-то случилось со зрением, но Том больше не видел детей на другом конце поляны. Он хотел встать и подойти к ним, но ноги не слушались.

А вскоре слабое солнце пробилось сквозь тучу, и к нему явился ангел.

Он шел через поляну, с восточной стороны, одетый в длинный плащ из выбеленной шерсти. Он следил за его приближением без удивления или любопытства. Ни изумления, ни страха он не испытывал. Он смотрел на ангела таким же печальным, пустым и потухшим взглядом, каким только что обвел мощные стволы дубов. Его овальное лицо обрамляли густые черные волосы, а плащ был таким длинным, что казалось, он плывет к нему по опавшей листве. Подойдя к нему он остановился, глянул ему в душу своими бледно-золотыми глазами и как будто понял его боль. Он казался ему знакомым, будто Том мог видеть этого ангела в церкви на иконе. И тут он, ангел, распахнул свой плащ и предстал перед ним обнаженным. У него было тело земной женщины лет двадцати пяти, с белой кожей и розовыми сосками. Том всегда думал, что на теле ангела не может быть ни единого волоска, но этот был исключением.

Ангел-женщина опустился на одно колено рядом с Томом, наклонился к нему и поцеловал в губы. Он был так оглушен своим горем, что даже не удивился. А женщина тихонько толкнула его, заставив лечь на спину, а сама, раскрыв плащ, легла сверху, прижавшись к нему своей наготой. Он почувствовал, как в него проникает тепло, и вдруг перестал дрожать.

Она взяла в ладони его бородатое лицо и снова поцеловала, жадно и ненасытно, как пьют воду в знойный день после долгой дороги. Затем ее руки скользнули вниз, она нашла ладони Тома и притянула их к своим грудям. Он непроизвольно сжал их. Они были мягкими и упругими, соски под его пальцами набухли и поднялись.

Где-то в глубине его сознания родилась мысль, что он уже умер. И хотя Том знал, что рай должен выглядеть как-то иначе, сейчас это не имело значения. Он утратил способность трезво мыслить и полностью покорился зову плоти. Он подался вперед, стараясь крепче прижаться к женщине, набираясь силы от ее тепла и наготы. Ее жаркие губы разомкнулись, и Том почувствовал, как к нему в рот протиснулся подвижный язычок. В нем просыпалось желание.

Она ненадолго отодвинулась и приподнялась. Ошеломленный Том смотрел, как она задрала до груди его тунику и рубаху, и раздвинув ноги, обхватила ими его бедра. Пронзительно заглянув ему в глаза, опустилась. В момент, когда их тела мучительно соприкоснулись, она на секунду замерла, и Том почувствовал, как входит в нее. Это было упоительно. Она ритмично двигалась, улыбаясь Тому и целуя его лицо.

Вскоре ее глаза закрылись, а дыхание сделалось прерывистым, она вся была поглощена происходящим. Взмолнованно и восхищенно Том смотрел на нее, слушал ее тихие стоны, двигаясь все быстрее, и ее экстаз тронул Тома до глубины его израненной души, так что он даже не знал, вопить ли ему от отчаяния, кричать от радости, или истерически хохотать. И вот их тела сотряслись в порыве блаженства, как деревья в бурю, потом еще и еще... пока наконец они не затихли, и она не упала к нему на грудь.

Так они долго лежали. Согретый теплом ее тела, Том забылся в полусне. Ему показалось, что он просто вздремнул, но когда открыл глаза, обнаружил, что его сознание было ясным.

Он взглянул на прекрасную молодую женщину, лежавшую у него на груди, и сразу понял, что это не ангел, а разбойница Эллен, которую он встретил в этом лесу, когда украли свинью. Она почувствовала, как Том встрепнулся, и, открыв глаза, взглянула на него с любовью и тревогой. И тут он вспомнил о детях. Он бережно переложил Эллен рядом с собой и сел. Альфред и Марта лежали, закутавшись в плащи, на опавшей листве, и солнце ласкало их спящие лица. Кошмар прошедшей ночи вновь встал перед его глазами, и он вспомнил, что Агнес умерла, а младенец – его сын! – бесследно исчез. Он закрыл лицо руками.

В этот момент Том услышал, как Эллен свистнула, и, подняв глаза, увидел вынырнувшую из леса знакомую фигурку ее странного сына, бледнолицего, рыжеволосого, с ярко-зелеными птичьими глазами. Том поднялся, поправляя одежду. Эллен тоже встала и запахнула плащ.

Подойдя, мальчик протянул Тому какую-то вещь. Том сразу узнал ее. Это была половина его плаща, в которую он завернул малютку перед тем как положить на могилу Агнес.

Ничего не понимая, Том уставился на Джека, затем на Эллен. Она взяла его за руки, посмотрела прямо в глаза и сказала:

– Жив твой ребенок.

Том не смел верить. Это было бы слишком чудесным, слишком сказочным для этой жизни.

– Не может быть, – прошептал он.

– Может.

В сердце Тома затеплилась надежда.

– Правда? – бормотал он. – Это правда?

Она кивнула:

– Правда. Я отведу тебя к нему.

Том понял, что она не шутит. Волна облегчения и счастья накрыла его. Он упал на колени и слезы, словно прорвав плотину, нашли наконец выход.

V

– Джек слышал детский плач, – рассказывала Эллен. – Он шел к реке. Это к северу отсюда. Там можно камнем подбить утку, если попадешь. Он не знал, что делать, и побежал за мной. Но когда шли на место, мы увидели священника верхом на лошади, который держал ребенка на руках.

– Я должен найти его... – начал было Том.

– Не волнуйся, – успокоила Эллен. – Я знаю, где он. Священник у могилы свернул – та дорога ведет к маленькому монастырю, спрятавшемуся в лесу.

– Ребенку необходимо молоко.

– У монахов есть козы.

– Благодарю тебя, Господи! – с жаром воскликнул Том.

– Я отведу тебя туда после того, как ты что-нибудь поешь. Только... – она нахмурилась, – не говори пока детям о монастыре.

Том посмотрел на другую сторону поляны. Альфред и Марта спали. Джек подошел к ним и уставился на них своим пустым взглядом.

– Почему не говорить? – спросил Том.

– Не знаю... Думаю, лучше пока с этим подождать.

– Но твой сын им все равно расскажет.

Она покачала головой:

– Он только видел священника, но я не думаю, что он понял, что к чему.

– Ладно, – серьезно сказал Том. – Если бы я знал, что ты была рядом, возможно, ты бы спасла мою Агнес.

Эллен встряхнула шапкой темных волос.

– В таких случаях ничего нельзя поделать, только попытаться согреть женщину, что ты и сделал. Когда у роженицы внутреннее кровотечение, оно либо прекратится, и она поправится, либо нет, и она умрет, – сказала Эллен и, видя, что на глаза Тома навернулись слезы, добавила: – Мне очень жаль.

Том молча кивнул.

– Но живые должны позаботиться о живых, а тебе нужно поесть горячего и переодеться, – закончила Эллен, вставая.

Они разбудили детей. Том сказал им, что с малышом все в порядке: Эллен и Джек видели, как его увез священник, и что позже они с Эллен собираются найти его, но сначала нужно поесть. Они восприняли эту потрясающую новость без эмоций – ничто уже не могло их взволновать. Том тоже был погружен в свои мысли. Жизнь неслась с такой скоростью, что он не успевал во все вникнуть. Это было все равно что сидеть верхом на летящей во весь опор лошади: все происходит столь быстро, что невозможно реагировать на происходящее, остается лишь держаться крепче и постараться не сойти с ума. Агнес рожала в лесу, морозной ночью, ребенок родился здоровеньким, и казалось, все обойдется, но Агнес, его сердечный друг, истекла кровью у него на руках, и рассудок его помутился; он оставил умирать обреченное дитя, потом бросился его искать и не нашел, потом появилась Эллен, которую он принял за ангела, и, словно в волшебном сне, они предались любви, и она сказала, что ребенок жив и здоров. Да замедлит ли когда-нибудь жизнь свой бег, чтобы дать Тому возможность осмыслить весь ужас произошедшего?

Они тронулись в путь. Том всегда считал, что разбойники живут в грязи и нищете, но глядя на Эллен, этого нельзя было сказать, и ему было любопытно взглянуть на ее жилище. Она вела их через лес, петляя среди деревьев. Тропинки не было, но она ни разу не остановилась, уверенно перешагивая через ручейки, ныряя под низкие ветви, пробираясь через замерзшее болото, густой кустарник и огромные стволы поваленных дубов. Наконец она подошла к зарослям ежевики и, казалось, исчезла в них. Том заметил узкий извилистый ход и последовал за ней. Смыкавшиеся над головой ветви создавали полумрак. Он остановился, чтобы подождать, когда глаза привыкнут к темноте, и, оглядевшись, обнаружил, что находится в пещере.

Воздух был теплым. В очаге, сложенном из плоских камней, горел огонь. Дым поднимался прямо вверх – очевидно, где-то было отверстие, через которое он выходил наружу. По обе стороны от Тома с деревянных колышков свешивались волчьи и оленьи шкуры. Прямо над головой висела копченая оленья нога. Он увидел самодельный ящик, полный диких яблок, свечи на полочках и сухой тростник на полу. Над огнем был подвешен котелок – точно такой, как в обычном доме, – и, судя по запаху, в нем варился привычный каждому суп из овощей, мясных костей и приправ. Том был поражен. Это жилище выглядело гораздо уютнее, чем хижины крестьян.

По ту сторону очага лежали два матраца, сделанные из оленьей кожи и набитые, очевидно, тростником, в головах вместо подушек – аккуратно скатанные волчьи шкуры. На них, должно быть, спали Эллен и Джек, отгороженные от входа в пещеру пылающим очагом. В дальнем углу располагалась внушительная коллекция оружия и охотничьего снаряжения: лук, стрелы, сети, капканы, несколько грозных кинжалов, искусно сделанное деревянное копье с острым наконечником из закаленного металла, и среди всех этих примитивных орудий – три книги. Это вызвало у Тома величайшее изумление: прежде он никогда не видел книг в домах, тем более в пещерах; ведь книги – принадлежность церкви.

Джек, взяв деревянную миску, окунул ее в котелок, зачерпнул варева и принялся есть. Альфред и Марта следили за ним голодными глазами. Эллен бросила на Тома извиняющийся взгляд и сказала:

– Джек, когда в доме гости, нужно сначала угостить их, а потом уже есть самому.

Мальчик озадаченно уставился на нее:

– Почему?

– Потому что этого требует вежливость. Дай ребятам супа.

Джек не удовлетворился объяснением, но все же послушался. Эллен подала супа и Тому. Он сел на пол и принялся есть. Похлебка отдавала мясом и согревала изнутри. Снаружи грела лохматая шкура, которую Эллен набросила ему на плечи. Выпив юшку, Том пальцами стал вылавливать кусочки овощей и мяса, которое последний раз ел многие недели назад. Похоже, это была утка, подбитая камнем, пущенным Джеком из пращи.

Они доели суп до последней капли, и Альфред с Мартой улеглись на сухой тростник. Прежде чем они заснули, Том сказал им, что они с Эллен отправляются на поиски священника, и Эллен велела Джеку остаться в пещере и позаботиться о них до его возвращения. Двое измученных детей кивнули в знак согласия и закрыли глаза.

Том в накинутаой на плечи шкуре и Эллен отправились в путь. Едва они вышли из зарослей ежевики, Эллен остановилась, повернулась к Тому и, пригнув его голову, поцеловала в губы.

– Люблю тебя. – В голосе ее слышалась страсть. – Люблю с той минуты, как увидела. Я всегда мечтала о сильном и нежном мужчине, но мне казалось, таких не бывает. Но я видела, как ты любил свою жену. Боже, как я ей завидовала! Мне жаль, что она умерла, правда жаль, потому что я вижу горе в твоих глазах и слезы, стоящие в них, и мое сердце разрывается оттого, что ты страдаешь. Но теперь, когда ее больше нет, я хочу, чтобы ты был моим.

Том не знал, что ответить. Трудно было поверить, что такая красивая и гордая женщина могла полюбить его с первого взгляда, но еще труднее оказалось разобраться в собственных чувствах. Потеря Агнес стала для него страшным ударом. Эллен была права: в его глазах стояли невыплаканные слезы. Но в то же время его страстно влекло к Эллен с ее волшебным горячим телом, золотистыми глазами и беззастенчивым желанием. Он чувствовал ужасный стыд оттого, что так хочет ее спустя всего несколько часов после смерти Агнес.

Том уставился на нее, и снова ее глаза заглянули ему в душу, и она сказала:

– Не говори ничего. И пусть тебя не мучает стыд. Я знаю, ты любил ее. Поверь, она тоже это знала. Ты и сейчас ее любишь... да, любишь. И будешь любить всегда.

Она велела ему молчать, но ему и ответить было нечего. Том просто онемел возле этой удивительной женщины. Казалось, у нее на все имелись объяснения. И то, что она как будто знала, что лежало у него на сердце, приносило ему облегчение, теперь ему нечего было стыдиться. Он вздохнул.

– Так-то лучше, – сказала Эллен.

Она взяла его за руку, и они пошли прочь от пещеры.

Около мили они продирались сквозь девственный лес, а затем вышли на дорогу. Шагая по ней, Том то и дело поглядывал на Эллен. Он вспомнил, что когда в первый раз встретил ее, то подумал, что эти странные глаза портят ее красоту. Теперь он не мог понять, как такое могло прийти ему в голову. В этих поразительных глазах словно отражалась вся неповторимость ее существа. Теперь она представлялась ему совершенством, и единственное, чего он не мог понять, – почему она выбрала его.

Они прошли три или четыре мили. Том чувствовал усталость, но горячий суп придал ему сил, и, хотя он верил Эллен, ему не терпелось собственными глазами увидеть малыша.

Когда за деревьями показался монастырь, Эллен сказала:

– Надо постараться, чтобы монахи не заметили нас.

Том был озадачен:

– Почему?

– Ты бросил ребенка. Это считается убийством. Мы будем следить из леса и увидим, что они за люди.

Том не думал, что за это могут грозить неприятности, но осторожность никогда не повредит, а потому, кивнув, последовал за нырнувшей в заросли кустарника Эллен, и вскоре они притаились у края большой поляны.

Монастырь был совсем маленький. Том, которому случалось прежде строить монастыри, сделал вывод, что это, должно быть, всего лишь скит, принадлежащий крупному монастырю или аббатству. Здесь было всего два каменных здания: часовня и опочивальня. Остальные – деревянные и глинобитные домишки: кухня, конюшня, амбар и небольшие хозяйственные постройки. Все выглядело чистым и ухоженным, из чего можно заключить, что монахи работали так же усердно, как и молились.

Людей было совсем немного.

– Большинство монахов ушли работать, – объяснила Эллен. – Они строят скотный двор на холме. – Она посмотрела на небо. – К полудню придут обедать.

Том окинул поляну взглядом. Справа, за небольшим стадом пасущихся коз, виднелись две фигуры.

– Гляди... – Пока они их рассматривали, увидел кое-что еще. – Тот, что сидит, священник, и...

– И он что-то держит в подоле.

– Давай подойдем поближе.

Лесом они обогнули поляну и очутились прямо у козьего стада. У Тома замерло сердце, когда он взглянул на сидящего на скамье священника. В подоле его сутаны лежал ребенок, ребенок Тома.

У него перехватило горло. Это была правда: малыш остался жив. Он готов был броситься к священнику и обнять его.

Рядом со священником стоял молодой монах. Приглядевшись, Том увидел, что он окунал тряпочку в бадью с молоком, вероятно козьим, и засовывал намокший кончик в ротик младенца. Неплохо придумано.

– Ну и ну, – с опаской проговорил Том. – Лучше уж я пойду и заберу назад моего сына.

Эллен спокойно посмотрела на него.

– Подумай немного, Том. Что ты будешь с ним делать?

Он не понимал, к чему она клонит.

– Попрошу у монахов молока. Они увидят, что я беден, и не откажут в милостыне.

– А потом?

– Ну, я надеюсь, они дадут мне достаточно молока, чтобы прокормить ребенка в течение трех дней, пока я не доберусь до Винчестера.

– А когда доберешься? – не унималась Эллен. – Как тогда будешь его кормить?

– Найду работу...

– Ты ищешь работу с тех пор, как я тебя встретила в конце лета. – Казалось, она немного злилась на Тома. Он не мог понять, за что. – У тебя нет ни денег, ни инструментов, – продолжала Эллен. – Что станет с малюткой, если и в Винчестере не окажется работы?

– Не знаю, – ответил Том. Ему было обидно, что она говорила с ним так резко. – Что же мне делать – жить, как ты? Я не умею камнями забивать уток – я каменщик.

– Тебе лучше оставить ребенка здесь.

Том был ошеломлен:

– Оставить? Когда я только его нашел?

– Ты будешь знать, что он сыт и обогрет. И тебе не придется таскать его за собой, пока ты ищешь работу. Когда же ее найдешь, ты можешь вернуться сюда и забрать ребенка.

Всем сердцем Том противился этой идее.

– Не знаю... А что подумают монахи, когда узнают, что я бросил новорожденного?

– Они уже это знают, – раздраженно сказала Эллен. – Вопрос заключается только в том, когда ты признаешься – сейчас или через какое-то время.

– Разве монахи умеют ухаживать за детьми?

– Уж не хуже тебя.

– Я не уверен.

– Однако они додумались, как его покормить.

Том начал понимать, что она права. Как ни стремился прижать к груди этот крохотный комочек, он не мог не признать, что монахи лучше, чем он, позаботятся о ребенке. У него не было ни еды, ни денег, ни надежды вскоре получить работу.

– Снова оставить его, – печально сказал Том. – Боюсь, мне придется это сделать. – Из своего укрытия он пристально вглядывался в маленького человечка, завернутого в подол сутаны. Волосы младенца были темными, как у Агнес... Том уже принял решение, но не в силах был даже отвести взгляд от малыша.

Пятнадцать или двадцать монахов, с топорами и пилами, появились на другом конце поляны. Оставаться дольше стало опасно – их могли заметить. Том и Эллен нырнули в заросли, и Том уже не мог видеть сына.

Они осторожно пробрались сквозь кустарник, а когда оказались на дороге, со всех ног бросились бежать. Держась за руки, они пробежали триста или четыреста ярдов, на большее у Тома не хватило дыхания. Однако они были уже далеко, и теперь, сойдя с дороги, могли отдохнуть в укромном месте.

Они уселись на травянистом берегу речки, пестревшем пятнами солнечного света. Том посмотрел на Эллен, которая лежала на спине, тяжело дыша; ее щеки горели, а губы улыбались ему. Платье на груди распахнулось, обнажив шею и холмик груди. Внезапно ему снова захотелось полюбоваться ее наготой, и желание оказалось гораздо сильнее, чем чувство вины. Том наклонился, чтобы ее поцеловать, и замер: она была так прелестна, глаз не отвести. Когда он заговорил, то сам изумился собственным словам.

– Эллен, – сказал Том, – будь моей женой.

Глава 2

I

Питер из Уорегама был прирожденным смутьяном. В этот маленький лесной скит его перевели из главного монастыря в Кингсбридже, и легко было догадаться, почему кингсбриджский приор так стремился от него избавиться. Питер был высоким, поджарым человеком лет тридцати, он был умен и насмешлив и постоянно испытывал праведное негодование. Когда впервые отправился в поле с монахами скита, он работал с бешеной скоростью, обвинив остальных в лености. Однако, как ни странно, большинство монахов оказались в состоянии выдерживать его темп, и очень скоро самые молодые из них его утомили. Тогда он переключился на другие грехи, и следующим стало обжорство.

Начал Питер с того, что отказался от мяса и съедал лишь половину порции хлеба. В течение дня он пил воду из ручья да разбавленное пиво и не притрагивался к вину. Он сделал замечание молодому крепкому монаху, когда тот попросил добавки каши, и довел до слез юношу, который шутки ради выпил чужое вино.

«...Нет оснований упрекать монахов в чревоугодии», – размышлял приор Филип, спускаясь вместе с остальными братьями с холма к скиту, где их поджидал обед. Молодые послушники были худыми и мускулистыми, а монахи постарше – загорелыми и жилистыми. Ни один из них не был ни бледным, ни обрюзгшим, как бывает с людьми, которые много едят и ничего не делают. Филип считал, что монахи должны быть тощими, в противном случае они могли вызвать у бедняков зависть и ненависть к слугам Божиим.

Характерно, что Питер представил свое обвинение в виде покаяния.

– Грех чревоугодия лежит на мне, – сказал он, когда однажды утром монахи, прервав работу, расселись на поваленных деревьях и принялись есть ржаной хлеб, запивая его пивом. – Я послушался завета Святого Бенедикта, который гласит, что монахи не должны есть мясо и пить вино. – Высоко подняв голову, он обвел сидящих взглядом; его черные глаза гордо сверкнули, остановившись на Филипе. – Но сей грех есть на каждом из присутствующих, – заключил он.

«Печально, что у него такой характер», – подумал Филип. Питер посвятил свою жизнь служению Богу, он обладал незаурядным умом и целеустремленностью, но, казалось, у него была непреодолимая потребность обращать на себя внимание окружающих, устраивая всевозможные сцены. Он был настоящим занудой, но Филип любил его так же, как каждого из братьев, ибо видел, что за высокомерием и заносчивостью скрывалась беспокойная душа человека, не уверенного в том, что хоть кому-то есть до него дело.

– Это дает нам основание вспомнить, что говорит об этом Святой Бенедикт. Помнишь ли ты в точности его слова, Питер?

– Он говорит: «Все, кроме немощных, да воздержатся от мяса», и затем: «Вино – не питье для монахов», – ответил Питер.

Филип кивнул. Как он и подозревал, Питер не так-то хорошо помнил этот завет.

– Почти правильно, Питер. Правда, Святой Бенедикт не говорил о мясе, но о «плоти четвероногих животных», и даже тут он делал исключение не только для немощных, но и для слабых. А кто есть «слабые»? Здесь, в нашей маленькой общине, мы пришли к заключению, что тот, кто утомился, усердно работая в поле, нуждается в мясе, дабы восстановить утраченные силы.

В угрюмом молчании Питер слушал слова приора, по лбу его пролегли морщины несогласия, черные густые брови сомкнулись над большим крючковатым носом, и все лицо его выражало с трудом сдерживаемое негодование.

– Что же касается вина, – продолжал Филип, – сей праведник говорит: «Мы полагаем, что вино – не питье для монахов». Использование слов «мы полагаем» означает, что он вовсе не требует соблюдать этот запрет. И потом, он утверждает, что пинты вина в день вполне достаточно для каждого. И еще он наставляет нас не пить допьяна. Разве не ясно, что он не настаивает на том, чтобы монахи вообще отказались от вина?

– Но он говорит, что во всем следует соблюдать умеренность.

– И ты утверждаешь, что мы недостаточно умеренны? – спросил Филип.

– Да, утверждаю, – не унимался Питер.

– «Да воздается каждому, кого Бог наградил даром воздержания», – процитировал Филип. – Если тебе кажется, что здешняя пища слишком обильна, ты можешь есть меньше. Но припомни, что еще говорит праведник Бенедикт. Он ссылается на первое послание к коринфянам, в котором апостол Павел утверждает: «У каждого свой дар от Бога, у одного один, у иного иной» – и объясняет нам: «По сей причине нет возможности без сомнения определить, сколько пищи потребно другим». Пожалуй, запомни это, Питер, и не спеши с выводами, размышляя о грехе чревоугодия.

Пора было снова приступать к работе. Питер имел вид мученика. Филип подумал, что не так-то легко заставить этого человека молчать. Из трех монашеских обетов – нищеты, безбрачия и послушания – только послушание никак не давалось Питеру.

Понятно, что существовали меры воздействия на непокорных монахов: нахождение под замком, содержание на хлебе и воде, порка, а также отлучение и изгнание из монастыря. Обычно Филип без колебаний применял эти наказания, особенно в тех случаях, когда кто-то из братьев пытался посягнуть на его власть. И в результате он снискал себе славу поборника строгой дисциплины. На деле же он ненавидел наказания, ибо они вносили в монашеское братство разлад и уныние. Однако в случае с Питером наказание не принесло бы никакой пользы, а только сделало бы его еще более непокорным и неумолимым. Филипу нужно было найти средство сломить его гордыню и в то же время умиротворить. Не так уж это просто. Но если бы в этом мире все было просто, тогда люди не нуждались бы в Господнем попечении.

Когда они достигли поляны, на которой стоял скит, Филип увидел, что недалеко от того места, где паслись козы, стоит брат Джон и энергично машет им рукой. Звали его Джонни Восемь Пенсов, и был он немного слабоумным. «Чем это он взволнован?» – удивился Филип. Рядом с Джонни сидел человек, одетый в сутану священника. Его внешность показалась знакомой, и Филип прибавил шагу.

Священник был невысоким, плотным человеком лет двадцати пяти, с коротко остриженными черными волосами и светящимися живым умом ярко-голубыми глазами. Смотреть на него значило для Филипа то же самое, что смотреть в зеркало. Изумленный, он узнал в нем своего младшего брата Франциска.

Франциск держал на руках младенца.

Трудно сказать, кому Филип удивился больше, – брату или ребенку. Вокруг столпились монахи. Франциск встал, передал малыша Джонни, и они с Филиппом обнялись.

– Каким ветром тебя занесло?! – радостно воскликнул он. – И откуда этот ребенок?

– Позже скажу, почему я здесь, – ответил Франциск. – Что же до младенца, то я нашел его в лесу, возле горящего костра... – Он замолчал.

– И... – промолвил Филип.

Франциск пожал плечами:

– Больше мне нечего сказать, потому что это все, что мне известно. Я надеялся добраться сюда вчера вечером, но не рассчитал, и мне пришлось провести ночь в сторожке лесника. На

рассвете я снова тронулся в путь и с дороги услышал плач ребенка. А через минуту увидел и его самого. Я подобрал его и привез сюда. Вот и вся история.

Филип недоверчиво взглянул на крошечный комочек, который держал Джонни. Он неуверенно протянул руку, приподнял краешек покрывала и увидел сморщенное розовое личико, открытый беззубый ротик и плешивую головку – ей-ей, маленькая копия старого монаха. Еще немного приоткрыв покрывало, Филип разглядел хрупкие плечики, трясущиеся ручки и крепко сжатые кулачки. Из живота младенца торчала отвратительная на вид обрезанная пуповина. «Неужели так и должно быть?» – изумился Филип. Она была похожа на заживающую рану, и, наверное, лучше было ее не трогать. Он заглянул еще дальше.

– Мальчик, – сказал Филип, смущенно кашлянув, и опустил покрывало. Кто-то из послушников хихикнул.

Внезапно Филип почувствовал себя беспомощным. «Что же с ним делать? – размышлял он. – Кормить?»

Ребенок заплакал, и пронзительный детский плач, словно гимн человеческой жизни, тронул его до глубины души.

– Он хочет есть, – заволновался Филип, а про себя подумал: «Я-то откуда знаю?»

– Но мы не можем его покормить, – сказал один из монахов.

Филип чуть было не возразил: «Почему не можем?» – но вовремя понял: на многие мили вокруг не было ни одной кормящей женщины.

Однако оказалось, что Джонни уже решил эту проблему. Сев на скамью с закутанным в подол младенцем, он окунул скрученный в жгут кончик полотенца в бадью с молоком и, подождав, пока ткань пропитается, сунул его в ротик малыша. Тот пососал и сделал глоток.

Филип почувствовал облегчение.

– Хорошо придумано, Джонни, – удивленно сказал он.

– Я уже так делал, когда умерла коза, у которой был сосунок, – гордо заявил Джонни, улыбаясь во весь рот.

Собравшиеся внимательно следили, как Джонни повторял свое нехитрое действие. Забавно было видеть, как в тот момент, когда Джонни подносил мокрый кончик к губам ребенка, некоторые монахи непроизвольно раскрывали рты. Кормление занимало немало времени, но ведь это дело простым и не назовешь.

Питер из Уорегама, глядя на младенца, на некоторое время поддался всеобщему порыву и забыл о своей манере критиковать все на свете, но вскоре он спохватился и произнес:

– Было бы гораздо меньше хлопот, если бы нашли мать этого чада.

– Сомневаюсь, – сказал Франциск. – Мать его, по всей вероятности, женщина незамужняя, заблудшая во грехе. Думаю, она молода и, возможно, ей удалось сохранить в тайне свою беременность. А когда подошло время рожать, пришла в лес, развела костер, родила в полном одиночестве и, бросив ребенка на съедение волкам, вернулась туда, откуда пришла. Уж она позаботится о том, чтобы ее не нашли.

Малыш заснул. Поддавшись внезапному порыву, Филип взял у Джонни ребенка и, покачивая, бережно прижал к груди.

– Бедное дитя, – сочувственно проговорил он. – Бедное, бедное дитя.

Его охватило горячее желание защитить и уберечь малютку. Он заметил, что монахи уставились на него, пораженные его внезапным порывом нежности. Конечно, они никогда не видели от него ласки, ибо излишнее проявление чувств было строжайше запрещено в монастыре. Очевидно, они считали его не способным на такие чувства. Что ж, пусть знают правду.

– Тогда мы должны отвезти его в Винчестер, – снова начал Питер из Уорегама, – и постараться найти кормилицу.

Если бы это сказал кто-нибудь другой, Филип, может, и не стал бы сразу возражать, но это сказал Питер, и Филип, потеряв терпение, вспылil.

– Мы не будем искать кормилицы, – решительно произнес он. – Этот младенец – дар Божий. – Он обвел глазами стоявших вокруг братьев. Монахи таращились на него, прислушиваясь к его словам. – Мы сами позаботимся о нем. Мы будем его кормить, учить и воспитывать по законам Божиим. А когда он вырастет, сам станет монахом, и таким образом мы вернем его Господу.

Наступила звенящая тишина.

– Это невозможно! – возмутился Питер. – Не может младенец воспитываться монахами!

Филип поймал взгляд своего брата, и они оба улыбнулись, вспомнив об одном и том же. Когда Филип вновь заговорил, его голос звучал твердо, и каждое слово несло печать пережитого.

– Невозможно? Нет, Питер. Напротив, я совершенно уверен, что возможно. И мой брат думает так же. Нам это известно из собственного опыта. Не так ли, Франциск?

В тот день, который встал в памяти Филипа, его отец вернулся домой израненным.

Филип первым увидел, как он скакал по извилистой дорожке, поднимавшейся к небольшой деревушке в горах Северного Уэльса. Как обычно, шестилетний Филип выбежал ему навстречу, но на этот раз отец не подхватил мальчугана, чтобы посадить впереди себя на коня. Он ехал медленно, с трудом держась в седле – в правой руке поводья, левая беспомощно повисла. Лицо его было бледным, одежда забрызгана кровью. Это испугало и озадачило маленького Филипа, так как прежде он никогда не видел отца таким немощным.

– Позови маму, – сказал отец.

Когда они помогли ему войти в дом, всегда такая бережливая мать решительно разодрала добротную одежду отца, что поразило Филипа даже больше, чем вид крови.

– Не беспокойся обо мне, – сказал отец, но его обычно резкий голос ослаб до шепота, и никто даже не обратил на это внимания, что также было весьма странным, ибо слово отца было законом для остальных. – Оставь меня и уведи всех в монастырь. Проклятые англичане будут здесь с минуты на минуту.

Монастырь и церковь находились на вершине холма, но Филип никак не мог понять, с какой стати им нужно идти туда, если этот день не был даже воскресеньем.

– Если не остановить кровь, ты совсем ослабеешь, – возразила мама, а тетюшка Гуин сказала, что нужно поднять тревогу, и ушла.

Спустя годы, размышляя о последовавших затем событиях, Филип понял, что в тот момент все позабыли о нем и его четырехлетнем брате Франциске и никто не подумал прихватить их в спасительный монастырь. Людей заботили только собственные дети, и они считали, что раз Филип и Франциск с родителями, о них есть кому позаботиться. Но отец истекал кровью, а мать пыталась его спасти, вот и получилось, что все четверо попали в лапы к англичанам.

Своим ничтожным жизненным опытом Филип не был подготовлен к появлению двух вооруженных людей, которые пинком распахнули дверь и ввалились в дом. При других обстоятельствах они, возможно, и не показались бы такими страшными, ибо были всего лишь большими, неуклюжими юнцами, которые только и умели, что дразнить старух, издеваться над евреями да затевать по ночам драки у трактиров. Но в тот момент (Филип понял это через много лет, когда наконец смог спокойно думать о том страшном дне) те двое были одержимы жаждой крови. Только что закончилась жестокая битва, они слышали, как стонут в агонии воины, видели, как падают за смертью их товарищи, и буквально обезумели от ужаса. Но в том бою они победили и теперь их охватил азарт преследования врагов; ничто уже не могло их удовлетворить – только еще большая кровь, душераздирающие стоны, страшные раны и новые смерти. Все это было написано на их перекошенных лицах, когда они, словно лисы в курятник, ворвались в комнату, где лежал раненый отец.

Движения их были стремительны, но Филип запомнил каждый шаг, будто в тот момент время замедлило бег. Одежду обоих составляли только короткие кольчуги и кожаные шлемы с металлическими пластинками. В руках мечи. Один – отвратительный урод, косоглазый с большим кривым носом, оскалившийся в обезьяньей ухмылке. У другого была пышная борода, перепачканная кровью, – вероятно, чужой, ибо сам он не выглядел раненым. Не останавливаясь, они обшарили комнату глазами. Их беспощадные, расчетливые взгляды миновали Филипа и Франциска, задержались на маме и остановились на отце. Прежде чем кто-либо успел пошевелиться, они подскочили к нему.

Склонившаяся над отцом мама перевязывала ему руку. Она резко выпрямилась и повернулась к незванным гостям, ее глаза вспыхнули отчаянием и отвагой. Отец вскочил, схватившись здоровой рукой за эфес. Филип в ужасе заплакал.

Кривоносый, подняв меч, ударил маму эфесом по голове и отшвырнул в сторону, должно быть, не желая рисковать, пока отец жив. Позже Филип вспомнил, как в тот момент бросился к матери, не отдавая себе отчета в том, что она уже не могла его защитить. Кривоносый шагнул мимо бесчувственной женщины, вновь поднял меч. Филип вцепился в юбку матери, не в силах отвести взгляда от отца.

Тот обнажил меч и, защищаясь, поднял его. Кривоносый обрушил удар сверху вниз, и два лезвия зазвенели, столкнувшись друг с другом. Как все маленькие дети, Филип думал, что отец непобедим, но в тот момент ему суждено было узнать горькую правду. Отец же, ослабев от потери крови, не удержал удара и выронил меч. Нападавший замахнулся снова и без промедления опустил свой меч, старясь попасть между мускулистой шеей и широким плечом. Филип завизжал, увидев, как острый клинок вошел в тело, а кривоносый выдернул меч и вонзил его в живот умирающего.

Смертельно напуганный Филип взглянул на поднимавшуюся на ноги маму. Их глаза встретились, но в этот момент бородатый сбил ее с ног. Она упала рядом с сыном – голова в крови. Бородатый перехватил меч, взявшись за него двумя руками и, направив острием вниз, высоко поднял и с силой опустил. Когда клинок коснулся груди матери, раздался отвратительный хруст ломающихся костей. Лезвие вошло так глубоко (Филип заметил это даже тогда, охваченный животным страхом), что, должно быть, вышло из спины и пригвоздило ее к полу.

Обезумевшими глазами Филип снова посмотрел на отца. Он увидел, как тот навалился на меч кривоносого и из его рта хлынула кровь. Убийца отступил и дернул за рукоятку, пытаясь высвободить оружие, – безуспешно. Отец, шатаясь, сделал шаг вперед. Кривоносый заревел от ярости и провернул меч в животе своей жертвы. На этот раз клинок вышел. Отец упал, схватившись руками за разверстую рану, словно пытаясь ее прикрыть. Филип тогда еще думал, что человеческие внутренности представляют собой нечто цельное, и вид вываливающихся кишок вызвал у него приступ рвоты. Кривоносый поднял меч над распростертым телом отца и так же, как только что бородатый, нанес последний удар.

Англичане переглянулись, и Филип прочел на их лицах удовлетворение. Обернувшись, они посмотрели на него и Франциска. Один из них вопросительно кивнул, другой пожал плечами, и Филип понял, что они собирались зарезать и их с братом тоже; когда он представил, как будет больно, его охватил такой ужас, что показалось, голова вот-вот лопнет от страха.

Бородатый быстро наклонился и схватил Франциска за лодыжку. Он держал его вверх ногами, а малыш заливался слезами и звал на помощь мать, не понимая, что она мертва. Кривоносый отвел назад держащую меч руку, приготовившись пронзить сердце ребенка.

Но удара так и не последовало. Раздался властный голос, и двое негодяев замерли на месте. Вопли стихли, и до Филипа дошло, что это были его вопли. Он взглянул на дверь и увидел аббата Питера, который стоял в своей домотканой сутане, в глазах его пылал праведный гнев, а в руке, словно меч, он держал деревянный крест.

Когда события того страшного дня оживали в ночных кошмарах Филипа и он просыпался в холодном поту, рыдая в темноте, ему удавалось постепенно успокоиться и снова заснуть, лишь вызвав в памяти эту финальную сцену и то, как безоружный человек с крестом в руке положил конец истошным крикам и зверской расправе.

Аббат Питер заговорил вновь. Филип не понимал языка – конечно, это был английский, – но и так было ясно, что он сказал, ибо насильники выглядели пристыженными, и борода-тый осторожно опустил Франциска. Продолжая говорить, монах большими шагами уверенно вошел в комнату. Вооруженные до зубов воины попятились, словно испугавшись его и святого креста. Он повернулся к ним спиной, всем своим видом демонстрируя презрение, и наклонился к Филипу. Его голос звучал спокойно.

– Как твое имя?

– Филип.

– А да, припоминаю. А твоего брата?

– Франциск.

– Так... – Аббат взглянул на окровавленные тела, лежавшие на земляном полу. – Это твоя мама, не так ли?

– Да, – пролепетал Филип и, чувствуя, как его охватывает паника, указал на изувеченное тело отца. – А это мой папа!

– Мне это известно, – успокаивающе произнес монах. – Не надо плакать, просто отвечай на мои вопросы. Понимаешь ли ты, что они умерли?

– Я не знаю, – жалобно ответил Филип. Он знал, что значило, когда умирали животные, но как такое могло произойти с мамой и папой?

– Это как если бы они заснули, – сказал аббат Питер.

– Но у них открыты глаза! – закричал Филип.

– Тише! Тогда их надо закрыть.

– Да, – прошептал Филип.

Ему показалось, что это и впрямь будет лучше.

Аббат Питер выпрямился и подвел детей к телу отца. Затем, встав перед ним на колени, взял Филипа за правую руку.

– Я покажу тебе, как это делается, – сказал аббат, притянув руку мальчика к отцовскому лицу, но Филипу вдруг стало страшно к нему прикоснуться. Отец выглядел так странно, был таким бледным, обмякшим и изувеченным, что он отдернул руку и с тревогой посмотрел на аббата Питера – человека, которого никто не смел ослушаться, – но тот не рассердился.

– Ну же, – мягко сказал аббат и снова взял Филипа за руку. На этот раз тот не сопротивлялся. Держа указательный пальчик Филипа, монах прикоснулся им к мертвому веку, закрыв страшный вытаращенный глаз. Отпустив руку мальчика, он сказал: – Теперь прикрой и второй.

Уже самостоятельно Филип протянул руку и закрыл отцу второй глаз. Ему даже стало немного лучше.

– А мамочке закроем глаза? – спросил аббат Питер.

– Да.

Они опустились подле тела матери на колени. Монах рукавом отер кровь на ее лице. Филип спросил:

– А Франциск?

– Наверное, его следует позвать на помощь, – сказал аббат.

– Франциск, – обратился Филип к братишке, – закрой маме глаза, как я закрыл папе, пускай она спит.

– Разве они спят? – удивился Франциск.

– Нет, но как будто спят, – с серьезным видом объяснил Филип, – поэтому ее глаза должны быть закрыты.

– Тогда ладно, – согласился Франциск и, без колебаний вытянув пухлую ручку, осторожно прикрыл мамыны глаза.

Аббат подхватил детей на руки и, даже не взглянув на неподвижно наблюдавших эту сцену англичан, вышел из дома и зашагал по поросшему травой склону к монастырю.

В монастырской кухне он их накормил, а затем, чтобы не оставлять наедине со своими мыслями, велел помогать повару, который готовил ужин. На следующий день аббат отвел детей попрощаться с покойными родителями, которых уже омыли и обрядили, прикрыв, где это было возможно, страшные раны, и которые теперь лежали рядом в гробах под сводами церковного нефа. Там же лежали еще несколько жителей деревни, ибо не все успели укрыться за монастырскими стенами от вражеской армии. Аббат Питер взял мальчиков на похороны, чтобы они видели, как гробы с родителями опустили в одну могилу. Филипп заплакал, глядя на него, разревелся и Франциск. Кто-то шикнул на них, но аббат Питер сказал:

– Пусть поплачут.

И только после того как они осознали, что родители ушли из жизни и их уже не воротить, можно было подумать о будущем.

Среди родственников не осталось ни одной уцелевшей семьи, в которой не было бы убитых, и заняться детьми было некому. Оставалось лишь два пути: отдать или даже продать их арендатору, который будет обращаться с ними как с рабами, пока они не вырастут и не изловчатся бежать. Еще они могли посвятить свою жизнь Господу.

Не так уж редко случалось, что маленькие мальчики поступали в монастырь. Правда, обычно это происходило лет в одиннадцать, во всяком случае не раньше пяти, ибо монахам сложно было управляться с малышами. Чаще всего это были сироты или потерявшие одного из родителей, а еще дети из семей, где было слишком много сыновей. Обычно семья вместе с ребенком приносила в дар монастырю хозяйство, церковь или даже целую деревню. В случае крайней нищеты обходилось и без подношений. Отец Филиппа оставил после смерти хозяйство, так что нельзя сказать, что мальчиков взяли просто из сострадания. Аббат Питер предложил, чтобы монастырь взял под свое попечительство и детей, и хозяйство, оставшиеся в живых родственники с ним согласились, и сделка была признана принцем Гвинеддом, который оказался временно не у дел, но сохранял свою власть несмотря на вторжение армии короля Генриха, который и лишил жизни родителей мальчиков.

Много горя видел аббат на своем веку, но даже он не мог предугадать, сколько хлопот доставит ему Филипп. Год спустя, когда потрясение, казалось, позабылось, и оба мальчика начали привыкать к монастырской жизни, Филиппа стали одолевать приступы неукротимого бешенства. Условия жизни в монашеской общине были не настолько плохи, чтобы вызывать его гнев: дети были сыты и одеты, спали зимой в тепле и даже получали некоторую долю любви и заботы, а строгая дисциплина и утомительные обряды привносили в жизнь по меньшей мере ощущение упорядоченности и стабильности, но Филипп вел себя, как узник, незаконно лишенный свободы. Он не слушался приказаний, при каждом удобном случае проявлял неуважение к должностным лицам, воровал еду, отвязывал лошадей, издевался над стариками и оскорблял монахов. Единственное, чего он себе не позволял – богохульства, и за это аббат Питер его прощал. В конце концов Филипп одумался. Однажды на Рождество, оглянувшись на прошедший год, он с удивлением обнаружил, что за все это время не провел в монастырской темнице ни одной ночи.

Назвать конкретную причину его возвращения на путь истинный невозможно. Не исключено, что повлиял проявившийся интерес к занятиям. Его волновала теория музыки, а в спряжении латинских глаголов он находил логику и красоту. Ему поручили помогать келарю, в обязанности которого входило обеспечивать монастырь всем необходимым, от сандалий до зерна, и эта работа тоже вызвала у него интерес. Он благоговел перед братом Джоном, красивым могучим молодым монахом, который, казалось, был воплощением учености, благоче-

ствия, мудрости и доброты. То ли из желания быть похожим на Джона, то ли по собственному разумению, а может, благодаря тому и другому Филипп стал находить успокоение в ежедневных молитвах и церковных службах. И когда он достиг юношеского возраста, его мысли были целиком заняты жизнью монастыря, а слух – божественными песнопениями.

И Филипп и Франциск были гораздо образованнее любого из сверстников, и они понимали, что лишь благодаря монастырю приобрели столь глубокие познания. Тогда они еще не знали о своей исключительности. И даже когда, посещая школу, стали брать уроки у самого аббата вместо старого занудного монаха, обучавшего послушников, им казалось, что они опережают сверстников лишь благодаря тому, что очень рано начали учиться.

Мысленно возвращаясь к своей юности, Филипп вспоминал то золотое время, длившееся год, а может и меньше, когда окончился период душевного смятения и прежде чем он впервые почувствовал яростный натиск плотского желания. Настала мучительная пора нечестивых раздумий, ночных поллюций, откровенных бесед с духовником (а им был аббат), бесконечных покаяний и укрощения плоти бичеванием.

Ему не удалось совершенно избавиться от похоти, но постепенно она перестала довлеть над ним и беспокоила его лишь время от времени, в те редкие минуты, когда душа и тело пребывали в безделье; так старая рана дает о себе знать перед дождем.

Несколько позже такой же бой пришлось выдержать и Франциску, и хотя он не стал откровенничать с братом, Филиппу казалось, что Франциск сражался с порочными желаниями не столь храбро и слишком легко переживал свои поражения. Однако главным было то, что они оба заключили мир со страстями, самыми опасными врагами монашеской жизни.

В обязанности Филиппа входило помогать келарю, а Франциска – аббату Питеру. Когда келарь умер, Филиппу исполнился двадцать один, но несмотря на молодость, он принял на себя эту должность. Когда же Франциск достиг этого возраста, аббат предложил специально для него учредить должность помощника приора. Но это предложение вызвало возражения Франциска, который умолял освободить его от этих обязанностей и отпустить из монастыря, ибо он мечтал быть посвященным в духовный сан и служить Богу вне монастырских стен.

Филипп был поражен и напуган. Ему и в голову не приходило, что один из них мог покинуть монастырь, и это казалось столь же невероятным, как если бы ему сказали, что он наследник трона. Однако после долгих терзаний Франциск все же покинул обитель, став впоследствии капелланом графа Глостера.

Раньше будущее виделось Филиппу просто: он будет монахом и проживет смиренную, богопослушную жизнь, а в старости, возможно, станет аббатом и постарается жить по примеру аббата Питера. Но тут его стали одолевать сомнения: вдруг Господь уготовил ему иное предназначение? Он вспомнил изречение о Божьем даре: Господу угодно, чтобы слуги приумножали Его царство, а не просто сохраняли. Трепеща, он поделился этими мыслями с аббатом Питером, понимая, что рискует быть обвиненным в гордыне.

К его удивлению, аббат сказал:

– А я-то все гадал, сколько времени тебе потребуется, чтобы это понять. Конечно, тебе предназначен иной путь. Рожденный под сенью монастыря, осиротевший в шестилетнем возрасте, воспитанный монахами, в двадцать один год ты уже келарь – Господь не стал бы проявлять такое внимание к человеку, предназначенному для жизни в маленькой обители на вершине мрачного холма в далекой горной стране. Здесь для тебя слишком мало места, и тебе следует покинуть нашу обитель.

Филипп был ошеломлен. Но ему в голову пришел еще один вопрос, и прежде чем оставить аббата, он выпалил:

– Но если этот монастырь столь ничтожен, зачем Господь поместил сюда тебя?

Аббат Питер улыбнулся:

– Возможно затем, чтобы я позаботился о тебе.

Через некоторое время аббат поехал в Кентерберии, засвидетельствовать свое почтение архиепископу, и вернувшись, сказал Филипу:

– Я передал тебя приору Кингсбриджа.

Это известие обескуражило Филипа. Кингсбриджский монастырь считался одним из самых больших и влиятельных в стране. В нем был епископальный собор, и поэтому епископ формально являлся аббатом монастыря, хотя на практике управлял им приор.

– Приор Джеймс мой старый друг, – объяснил аббат Питер. – Не знаю почему, но в последние годы он сильно сдал. Как бы то ни было, молодая кровь пойдет на пользу Кингсбриджу. У Джеймса много неприятностей с одной из его лесных обителей, и он нуждается в человеке, на которого можно положиться и который сумеет вернуть ее на путь благочестия.

– И я должен стать приором той обители? – удивился Филип.

Аббат кивнул.

– И если мы правы, думая, что Господь уготовил для тебя много дел, мы можем рассчитывать, что Он поможет тебе решить проблемы, с которыми ты столкнешься.

– А если мы ошибаемся?

– Ты всегда можешь вернуться сюда и снова быть моим келарем. Но мы не ошибаемся, сын мой, вот увидишь.

Состоялось трогательное прощание. Филип провел здесь семнадцать лет, монахи заменили ему семью и стали ближе, чем так жестоко отнятые у него родители. Ему было грустно, ведь он не знал, доведется ли им свидеться.

Первое, что испытал Филип в Кингсбридже, был благоговейный страх. Окруженный стенами монастырь своей территорией превосходил любую деревню, собор был огромен и сумрачен, как пещера, а дом приора походил на маленький дворец. Но когда Филип немного привык к новому монастырю, он стал замечать в нем следы упадка, которые некогда обнаружил в своем старом друге Джеймсе аббат Питер. Церковь явно нуждалась в основательном ремонте, богослужения проводились наспех, правила постоянно нарушались, а служек стало больше, чем монахов. Благоговение Филипа вскоре сменилось негодованием. Ему хотелось схватить приора Джеймса за горло, встряхнуть и спросить: «Как ты смеешь такое допускать? Как ты смеешь наспех читать молитвы? Позволяешь послушникам играть в кости, а монахам разводить щенков? Как ты смеешь жить во дворце, окруженный служками, когда превращается в прах храм Божий?» Но конечно, ничего такого он не сказал. У него состоялся короткий, формальный разговор с приором Джеймсом, высоким, худым, сгорбленным человеком, на сутулые плечи которого, казалось, навалились все тяготы мира. Он побеседовал и с помощником приора по имени Ремигиус, которому осторожно намекнул, что монастырь, должно быть, давным-давно нуждается в переменах, надеясь, что тот всем сердцем с ним согласится, но Ремигиус смерил Филипа взглядом, словно говоря: «А ты-то кто такой?» – и переменял тему.

Он рассказал, что обитель Святого-Иоанна-что-в-Лесу основана три года назад в отошедшем Кингсбриджу владении; предполагалось, что она сможет обеспечивать себя всем необходимым, но в действительности все еще зависела от главного монастыря. Были и другие проблемы: священники, которым случалось провести там ночь, сетовали на плохое ведение служб, путешественники утверждали, что тамошние монахи грабители, ходили слухи и о творившихся там непотребствах... Тот факт, что Ремигиус не мог или не желал поведать подробности, служил еще одним доказательством того, что управление монастырскими делами осуществлялось спустя рукава. Филип ушел от него дрожа от гнева. Монастырь прославляет Бога. И если он не отвечает этой цели, он ничто. Кингсбриджский монастырь оказался хуже, чем ничто. Он позорил Бога. Но с этим Филип ничего поделать не мог. Самое большее, что он мог сделать, это навести порядок в одной из кингсбриджских обителей.

Всю дорогу, которая заняла два дня, Филип размышлял над скудными сведениями, полученными от Ремигиуса, и благочестиво обдумывал, как приступить к своим обязанностям.

Лучше всего быть поначалу мягким, решил он. Обычно приора избирали монахи, но в обитель, которая являлась частью основного монастыря, он мог быть просто назначен. То, что Филип не был избран, означало, что рассчитывать на благосклонность монахов он не мог. Поэтому действовать придется с осторожностью. Сначала нужно разобраться в недугах, поразивших монашескую общину, а уж потом решать, как поступить. Ему следует завоевать уважение и доверие монахов, особенно тех, кто постарше, и кого может задеть его назначение. Затем, когда войдет в курс дела и укрепит свой авторитет, он предпримет жесткие шаги.

Но все вышло иначе.

Начало смеркаться, когда на второй день путешествия, верхом на лошадке, Филип добрался до места, которому суждено было стать его новым домом. В те дни там стояла лишь одна каменная постройка – часовня. (Опочивальню из камня Филип построил на следующий год.)

Остальные же представляли собой полуразвалившиеся лачуги. Филипу это не понравилось: все, что создавали монахи, должно было служить долгие годы, будь то свинарник или храм. Оглядевшись, он заметил и другие свидетельства небрежения, так неприятно поразившего его в Кингсбридже: заборов не было, сено вываливалось через открытую дверь сарая, а рядом с прудом, где разводили рыбу, возвышалась навозная куча. «Спокойно, спокойно», – сказал он себе, каменея лицом.

Сначала он никого не увидел. Так и должно было быть, ибо наступило время вечерней молитвы и большинство монахов обязаны были находиться в часовне. Понукая лошадку, он пересек поляну, направляясь к похожей на конюшню постройке. Юноша с соломой в волосах и бессмысленным взглядом просунул голову в дверь и удивленно уставился на Филипа.

– Как зовут тебя? – спросил Филип и, на мгновение смутившись, добавил: – Сын мой.

– Все зовут меня Джонни Восемь Пенсов, – ответил юнец.

Филип спешился и передал ему поводья.

– Что ж, Джонни Восемь Пенсов, можешь расседлать мою лошадь.

– Хорошо, отче. – Привязав поводья к перилам, тот пошел прочь.

– Ты куда? – резко окликнул его Филип.

– Сказать братьям, что приехал странник.

– Тебе бы поучиться послушанию, Джонни. Расседлай лошадь. Я сам скажу братьям, что я здесь.

– Да, отче, – испугался Джонни.

Филип огляделся вокруг. В центре поляны стояло длинное здание, похожее на большой зал. К нему притулилась круглая постройка с отверстием в крыше, из которого поднимался дымок. Должно быть, кухня. Он решил взглянуть, что готовят на ужин. В строгих монастырях пищу принимали один раз, в полдень, но этот был не из таких, очевидно, после вечерней молитвы здесь позволяли себе легкий ужин: хлеб с сыром или соленой рыбой, а то и кружку ячменного пива, настоящего на травах. Однако, подойдя к кухне, он почуял дразнящий, наполняющий рот слюной аромат жарящегося мяса. Филип остановился, нахмурившись, затем вошел.

Два монаха и мальчик расселись вокруг очага. Филип видел, как один из монахов передал другому кувшин и тот отпил из него. Мальчик поворачивал вертел, на котором жарился поросенок.

Когда Филип вступил в полосу света, все трое удивленно уставились на него. Не говоря ни слова, он взял из рук монаха кувшин и принялся.

– Почему вы пьете вино? – спросил он.

– Потому, незнакомец, что оно веселит душу, – ответил монах. – Испей и ты.

Было ясно, что их не предупредили о прибытии нового приора. Так же ясно было и то, что их не пугали последствия, которые могли иметь место, если бы проезжий монах рассказал

в Кингсбридже об их поведении. Филипа так и подмывало разбить кувшин с вином о голову этого человека, но он глубоко вздохнул и спокойно произнес:

– Дети бедняков голодают ради того, чтобы у нас было мясо и питье. И делается это во славу Божию, а не для увеселения наших душ. Сегодня вы больше не получите вина. – Он повернулся и вышел, захватив с собой кувшин.

– А ты-то кто такой? – бросил ему вслед один из монахов.

Филип не ответил. Сами скоро узнают.

Поставив кувшин на землю, он направился к часовне, сжимая и разжимая кулаки, чтобы справиться с гневом. «Не спеши, – говорил он себе. – Будь осмотрительным. Жди своего часа».

На паперти часовни он на минуту остановился, затем, успокоившись, толкнул массивную дубовую дверь и бесшумно вошел.

Спиной к нему неровными рядами стояли несколько монахов и послушников. Лицом к ним – ризничий, читавший молитву по раскрытой книге. Служба велась второпях, монахи бездумно вторили ему. С трех свечей разной длины с шипением капал воск на грязное покрывало алтаря.

Два стоявших сзади молодых монаха, не обращая внимания на службу, оживленно беседовали. Когда Филип подошел ближе, один из них сказал что-то смешное и другой рассмеялся, заглушая нечленораздельное бормотание ризничего. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Филипа, и его намерение быть мягким исчезло без следа. Он открыл рот и как можно громче крикнул:

– Молчать!

Смех оборвался. Ризничий перестал читать. Часовня погрузилась в тишину, и монахи, обернувшись, уставились на Филипа.

Он приблизился к смеявшемуся монаху и схватил его за ухо. Тот, хотя и был ростом выше и примерно его же возраста, был так поражен, что не нашел в себе сил сопротивляться.

– На колени! – взревел Филип.

Какое-то мгновение казалось, что монах попытается вырваться, но, как и предвидел Филип, его воля к сопротивлению была подавлена сознанием вины, так что, когда Филип сильнее потянул за ухо, молодой человек повиновался.

– Вы все! – приказал Филип. – На колени!

Все они давали обет послушания, и те безобразные порядки, которые, похоже, установились в обители с некоторых пор, не успели вытравить годами выработанную привычку. Половина монахов и все послушники опустились на колени.

– Вы нарушили клятву, – произнес Филип, давая волю презрению. – Вы богохульники, каждый из вас! – Он смотрел им прямо в глаза. – С сегодняшнего дня начинается ваше раскаяние.

Медленно, один за другим, стали опускаться на колени остальные, и только ризничий продолжал стоять. Это был упитанный человек, с сонными глазами, лет на двадцать старше Филипа. Обойдя стоящих на коленях монахов, Филип подошел к нему.

– Дай мне книгу.

Ризничий с вызовом взглянул на него и ничего не сказал.

Филип протянул руку и взял за увесистый том. Ризничий крепче сжал пальцы. Филип медлил. Два дня он провел, размышляя, как осторожно и взвешенно он будет действовать, и вот теперь – еще не облетела дорожная пыль с его ног – рискует потерять все в прямом столкновении с человеком, о котором ничего не знает.

– Дай мне книгу и стань на колени, – повторил он.

По лицу ризничего пробежала презрительная ухмылка.

– Кто ты? – спросил он.

Филип колебался. Судя по одежде и по тому, как подстрижены его волосы, было видно, что он монах; и они должны были догадаться по его поведению, что он наделен определенной властью; но он не был уверен, является ли его чин выше чина ризничего. Единственное, что он должен был сказать: «Я ваш новый приор», – но он не хотел этого делать. Ему вдруг представилось важным одержать победу исключительно с помощью морального авторитета.

Ризничий заметил его нерешительность и не замедлил ею воспользоваться.

– Прошу, поведай, – заговорил он с насмешливой учтивостью, – кто это приказывает нам преклонять колена перед своей персоной?

Сомнения мгновенно покинули Филипа. «Со мной Бог. Чего я боюсь?» – подумал он. Филип сделал глубокий вздох, и, словно раскаты грома, под каменными сводами прогремели его слова:

– Это Бог приказывает вам преклонить колена перед Его персоной.

Уверенности у ризничего поубавилось. Филип воспользовался возможностью и выхватил книгу. Потеряв власть, ризничий наконец неохотно опустился на колени.

Стараясь скрыть облегчение, Филип обвел всех взглядом и произнес:

– Я ваш новый приор.

Остаток службы он заставил их провести на коленях. Это заняло много времени, так как он потребовал, чтобы они снова и снова повторяли строки Священного писания, пока их голоса не зазвучали в унисон. Затем, в полном молчании, братия проследовала за ним в трапезную. Там Филип приказал унести жареного поросенка на кухню и подать хлеб и легкое пиво, а одного из монахов назначил читать молитву, пока остальные ели. Когда ужин закончился, так же молча он отвел их в опочивальню.

Филип распорядился принести из дома приора его ложе – он будет спать вместе с монахами. Это было простейшим и наиболее эффективным способом избавить братию от плотского греха.

В первую ночь Филип не сомкнул глаз. Он сидел с зажженной свечой и про себя молился, пока не наступила полночь – время будить монахов на заутреню. Службу он провел быстро, дав им понять, что он не совсем безжалостный. Монахи снова отправились спать, а Филип продолжал бодрствовать.

На рассвете, прежде чем братья начали просыпаться, он вышел на воздух и оглядел окрестности, размышляя о предстоящем дне. Перед ним расстилалось недавно очищенное от леса поле, посередине которого возвышался огромный пенъ, должно быть, оставшийся от векового дуба. Это натолкнуло его на мысль.

После утренней службы и завтрака Филип велел монахам прихватить веревки и топоры и повел их на поле выкорчевывать пенъ. Одни подрубали корни, другие изо всех сил тянули за веревки. «На-ва-лись!» – раздавались дружные крики. Когда наконец работа завершилась, Филип дал всем пива, хлеба и по куску свинины, которую днем раньше запретил им есть на ужин.

Нельзя сказать, что с того момента закончились все проблемы, но он ознаменовал начало их решения. С самого первого дня Филип распорядился больше не просить у монастыря ничего, кроме зерна для хлеба и свечей для часовни. Осознав, что отныне они будут иметь только то мясо, которое сами произведут или добудут, монахи быстро превратились в рачительных хозяев – скотоводов и птичников; и если прежде они рассматривали церковную службу как способ уклониться от работы, то теперь были рады, когда Филип сокращал часы молитвы и они могли провести больше времени в полях.

Через два года обитель уже обеспечивала себя всем необходимым, а еще через два начала снабжать и Кингсбриджский монастырь мясом, дичью и сыром из козьего молока, который сделался настоящим деликатесом.

Обитель процветала, служба велась безукоризненно, а братья выглядели здоровыми и счастливыми.

Филип мог быть доволен, если бы не Кингсбриджский монастырь, дела в котором шли все хуже.

Кингсбридж мог стать одним из религиозных центров королевства, проявляя кипучую деловую активность, привлекая в свою библиотеку иностранных ученых, к мнению приора прислушивались бы даже лорды, а поклониться монастырским гробницам потянулись бы паломники со всех уголков страны, его гостеприимство вызывало бы уважение у знати, а милосердие – у бедняков. Но церковь ветшала, половина монастырских построек пустовала, а сам монастырь погряз в долгах. Филип посещал Кингсбридж не реже, чем раз в год, и каждый раз, возвращаясь, кипел от негодования, видя, как богатство, переданное благочестивыми прихожанами и приумноженное монахами, беспечно проматывалось монастырем, словно наследство – блудным сыном.

Отчасти это объяснялось местонахождением Кингсбриджа, который представлял собой небольшую деревню, стоящую на второстепенной дороге, ведущей в никуда. Со времени правления первого короля, Вильгельма, которого одни называли Завоевателем, а другие Незаконнорожденным, – большинство соборов переместилось в крупные города. Но Кингсбриджа это не коснулось. Правда, Филипу проблема не представлялась неразрешимой: преуспевающий монастырь с кафедральным собором должен сам по себе стать городом.

Истинной проблемой была бездеятельность приора Джеймса. Когда штурвал находится в слабых руках, корабль несется по воле волн навстречу беде.

К величайшему сожалению Филипа, при жизни приора Джеймса Кингсбриджский монастырь был обречен на все больший упадок.

Они закутали ребенка в чистое полотно и уложили в большую корзину для хлеба, которую приспособили под люльку. Насосавшись козьего молока, он сладко заснул. Ухаживать за малышом Филип велел Джонни Восемь Пенсов, так как, несмотря на слабоумие, тот умел бережно и нежно обращаться с маленькими и слабыми существами.

Филип сгорал от нетерпения узнать, что привело к ним Франциска. За обедом он попытался выяснить причину приезда брата, но Франциск хранил молчание, и ему пришлось умирить любопытство.

После обеда наступил час занятий. В обители не было для этого подходящего помещения, но монахи могли посидеть с книгой на паперти часовни или пройтись взад-вперед по двору. Им разрешалось время от времени заглядывать на кухню и греться у огня. Филип и Франциск прохаживались бок о бок вдоль поляны, как они это делали, когда были монахами Уэльского монастыря. Франциск говорил:

– Король Генрих всегда относился к Церкви как к структуре, подчиненной его королевской власти. Он издавал указы, касающиеся епископов, устанавливал налоги и всячески противился влиянию папы.

– Знаю, – кивнул Филип. – Ну и что?

– Король Генрих умер.

Филип остановился как вкопанный. Этого он не ожидал.

– Он умер в своем охотничьем домике в Лион-ля-Форе, в Нормандии, – продолжал Франциск, – отведав блюдо из миног, которые очень любил, хотя они были ему противопоказаны.

– Когда?

– Сегодня первый день года, значит, ровно месяц назад.

Филип был потрясен. Он еще не родился, когда Генрих уже стал королем. И ему еще не доводилось переживать смерть монарха, но он знал, что она повлечет за собой беды, а возможно, войну.

– И что сейчас происходит? – с тревогой спросил Филипп.

Они возобновили движение.

– Проблема в том, – сказал Франциск, – что наследник короля погиб в море много лет назад. Ты, возможно, помнишь.

– Помню. – Тогда Филиппу было двенадцать, и это было первое событие общегосударственной важности, которое запечатлелось в его мальчишеском сознании и которое открыло для него существование мира за стенами монастыря. Королевский сын погиб во время крушения судна, называвшегося «Белый корабль», неподалеку от Шербура. Аббат Питер, поведавший об этом Филиппу, был обеспокоен, как бы смерть наследника не ввергла страну в войну и безвластие, но королю Генриху удалось удержать ситуацию под контролем, и жизнь маленьких Филиппа и Франциска продолжила свое привычное течение.

– Разумеется, у короля было много детей, – говорил Франциск. – По крайней мере двенадцать, включая и моего господина, графа Роберта Глостера. Но как ты знаешь, все они внебрачные. Несмотря на безудержную плодовитость, ему удалось стать отцом только одного законного ребенка, и это была девочка, Мод. Незаконнорожденный не вправе наследовать трон, но женщина на престоле – не лучший выход из положения.

– Но разве король Генрих не назначил себе наследника? – спросил Филипп.

– Назначил. Он выбрал Мод. У нее есть сын, тоже Генрих. Это была заветная мечта старого короля: посадить на трон своего внука. Но мальчишке нет еще трех лет. Так что король заставил лордов присягнуть на верность Мод.

Филипп недоумевал:

– Но если король сделал Мод своей наследницей и лорды уже присягнули ей... в чем проблема?

– Не все так просто в жизни при дворе, – сказал Франциск. – Мод замужем за Джеффри Анжуйским. А Анжу и Нормандия – старые враги. Наши нормандские сюзерены ненавидят анжуйцев. Откровенно говоря, старый король был слишком большим оптимистом, если надеялся, что вся эта компания англо-нормандских лордов отдаст Англию и Нормандию в руки анжуйцу, какие бы клятвы они ни произносили.

Филипп был озадачен осведомленностью младшего брата и его фамильярным отношением к могущественнейшим особам государства.

– Но как ты узнал?

– Лорды съехались в Ле-Небур, чтобы решить, как быть дальше. Нет необходимости говорить, что мой господин, граф Роберт, тоже был там, а я при нем, писарем.

Филипп вопросительно посмотрел на брата, подумав, как, оказывается, отличается жизнь Франциска от его собственной. Затем, что-то вспомнив, спросил:

– Граф Роберт – старший сын покойного короля, не так ли?

– Да, и он очень честолюбив. Но он придерживается общей точки зрения, что внебрачные дети должны завоевывать свои королевства, а не наследовать их.

– А кто еще был там?

– Трое племянников короля Генриха, сыновья его сестры. Старший, Теобальд Блуа; затем его любимец Стефан, которого он одарил обширными поместьями здесь, в Англии; и младший – Генрих, которого ты знаешь как епископа Винчестерского. В соответствии с традицией, которую, возможно, ты считаешь вполне разумной, лорды оказали предпочтение старшему, Теобальду. – Усмехнувшись, Франциск глянул на брата.

– Вполне разумно, – улыбнулся Филипп. – Итак, Теобальд – наш новый король?

Франциск покачал головой.

– Он тоже так думал, но младшие братья не сидели сложа руки. – Они дошли до дальнего конца поляны и повернули назад. – И пока Теобальд милостиво принимал от лордов заверения в преданности, Стефан переправился через Ла Манш в Англию и помчался в Винчестер, где

с помощью своего младшего брата, епископа Генриха, захватил замок и, что самое главное, королевскую казну.

Филип чуть было не сказал: «Итак, Стефан – наш новый король», но прикусил язык: он уже говорил это о Мод и Теобальде и оба раза попадал впросак.

– Чтобы сделать свою победу окончательной, – продолжал Франциск, – Стефану требовалось только одно: поддержка Церкви. Ибо пока он не будет коронован в Вестминстере самым архиепископом, он не может считаться полноправным королем.

– Уверен, это было проще простого, – сказал Филип. – Его брат Генрих – один из влиятельнейших священников страны, епископ Винчестерский, аббат Гластонберийский, богатый, как Крез, и почти такой же могущественный, как архиепископ Кентерберийский. И если епископ Генрих не собирался поддерживать брата, то зачем ему нужно было помогать Стефану захватить Винчестер?!

Франциск кивнул.

– Должен сказать, епископ Генрих действовал блестяще. И Стефану он помогал отнюдь не из братских чувств.

– Тогда почему?

– Я только что напомнил тебе, каково было отношение покойного короля Генриха к Церкви. Епископ Генрих хочет добиться того, чтобы новый король, кто бы он ни был, испытывал к ней большее почтение. Поэтому прежде чем гарантировать поддержку, Генрих заставил Стефана торжественно поклясться, что тот будет охранять права и привилегии Церкви.

Филипу это понравилось. В самом начале царствования Стефана его отношения с Церковью четко определены, причем на условиях Церкви. Но, кажется, более важным был сам прецедент. Церковь короновала королей, но до сих пор у нее не было права выдвигать условия. Возможно, наступит время, когда ни один король не сможет прийти к власти, не заключив с ней соответствующего соглашения.

– Это много для нас значит, – сказал Филип.

– Стефан может и не сдержат обещаний, – рассуждал Франциск, – но все равно ты прав. Он уже никогда не сможет быть таким жестоким по отношению к Церкви, каким был Генрих. Однако есть еще одна опасность. От того, что сделал Стефан, сильно пострадали два лорда. Один из них – Бартоломео, граф Ширинг.

– Знаю его. Город Ширинг в двух днях пути отсюда. Говорят, Бартоломео – человек благочестивый.

– Может быть. Мне известно лишь, что он самонадеянный жестоковыйный вельможа, который никогда не изменит данной Мод клятве верности, даже если ему будет обещано прощение.

– А кто второй недовольный?

– Мой лорд Глостер. Я уже говорил, он очень честолюбив. Его душа терзается от мысли, что, будь он законнорожденным, он стал бы королем. Лорд Роберт хочет посадить на трон свою сводную сестру, полагая, что она будет следовать указаниям и советам брата и он, по сути, сделается королем.

– Он собирается что-нибудь предпринять?

– Боюсь, что да. – Франциск понизил голос, хотя рядом никого не было. – Вместе с Мод и ее мужем Роберт и Бартоломео намерены поднять мятеж, сбросить Стефана и посадить на трон Мод.

Филип остановился.

– И это сведет к нулю все, чего достиг епископ Винчестерский! – Он схватил брата за руку. – Но Франциск...

– Я знаю, о чем ты думаешь. – Внезапно дерзкая фамильярность покинула Франциска, уступив место озабоченности и тревоге. – Если бы граф Роберт узнал, что я тебе все это рас-

сказал, он бы меня повесил. Он мне полностью доверяет. Но прежде всего я предан Церкви, это мой долг.

– Но что ты можешь сделать?

– Я думаю добиться аудиенции у нового короля и все ему рассказать. Конечно, два мятежных графа станут отпираться, а меня повесят за измену, зато восстание сорвется, и я вознесусь на небеса.

Филип покачал головой.

– Вспомни, чему нас учили: *не ищите* славы мученика.

– И еще я думаю, у Бога для меня и на земле хватает дел. Я пользуюсь доверием всемогущего лорда, и если мне удастся там остаться и благодаря моим стараниям продвинуться по службе, я смог бы многое сделать во благо Церкви и законности.

– Так какой же выход?

Франциск в упор посмотрел на брата.

– Вот поэтому я здесь.

Филип почувствовал, что дрожит от страха. Конечно, Франциск намеревался вовлечь в это дело и его, иначе зачем бы он стал выдавать ему эту убийственную тайну.

Франциск тем временем продолжал:

– Я не могу донести на заговорщиков, но *ты* можешь.

– Иисус Христос и все святые, спасите меня, – пробормотал Филип.

– Если заговор будет раскрыт здесь, на юге, ни одна душа не заподозрит, что сведения просочились из окружения Глостера. Никто не знает, что я здесь; никто даже не знает, что ты мой брат. Ты мог бы придумать правдоподобное объяснение, почему тебе стало обо всем известно: например, ты видел, как собирается рать, или кто-то из приближенных графа Бартоломео рассказал о заговоре, исповедуясь в грехах знакомому тебе священнику.

Филип, дрожа, плотнее запахнул свои одежды. Ему показалось, что стало значительно холоднее. Дело было опасным, очень опасным. Они собирались вмешаться в дворцовые интриги, которые сплошь и рядом оканчивались трагически даже для знати. Таким, как Филип, в них не имело смысла вмешиваться.

Но слишком многое было поставлено на карту. Филип не мог оставаться в стороне и спокойно наблюдать, как плетется заговор против короля, выбранного Церковью, будучи в состоянии предотвратить его. Но если для Филипа опасность была очень велика, то для Франциска, если откроется, что именно он выдал бунтовщиков, это означало верную смерть.

– Каков план мятежников? – спросил Филип.

– В настоящий момент граф Бартоломео направляется в Ширинг. Оттуда он разошлет гонцов к своим сторонникам по всему югу Англии. Граф Роберт прибудет в Глостер через день-два и соберет войско на западе страны. И наконец, граф Брайан Фитц, владелец замка Уоллингфорд, прикажет закрыть его ворота. Так вся Юго-Западная Англия без кровопролития перейдет к восставшим.

– В таком случае, возможно, уже поздно! – воскликнул Филип.

– Не совсем. У нас есть еще около недели. Но ты должен действовать быстро.

У Филипа уже не было сил противиться.

– Но я не знаю, к кому обратиться. Обычно в таких случаях идут к графу, но наш-то как раз заговорщик. Да и шериф, возможно, на его стороне. Надо найти кого-то, кто точно нас поддержит.

– Приор Кингсбриджа?

– Мой приор стар и немощен. Он вряд ли ударит палец о палец.

– Но кто же тогда?

– Возможно, епископ. – Филип ни разу в жизни даже не говорил с епископом Кингсбриджским, но он был уверен, что тот примет и выслушает его и, не колеблясь, встанет

на сторону Стефана, ибо Стефан – избранник Церкви, а кроме того, епископ обладал достаточной властью, чтобы что-то предпринять.

- Где живет епископ? – спросил Франциск.
 - Полтора дня пути отсюда.
 - Тогда тебе надо ехать прямо сегодня.
 - Ты прав, – с тяжелым сердцем согласился Филип.
- Франциск посмотрел на него глазами, полными раскаяния.
- Мне очень жаль, что пришлось обратиться к тебе.
 - Мне тоже, – с чувством сказал Филип. – Мне тоже...

Филип собрал монахов в часовенке и объявил о смерти короля.

– Будем молиться, братья, за то, чтобы престол с миром перешел к законному наследнику и чтобы новый король любил Церковь сильнее, чем покойный Генрих, – торжественно произнес он, ни слова не сказав о том, что судьба престолонаследия странным образом зависит лично от него. Вместо этого он добавил: – Есть дела, которые заставляют меня незамедлительно покинуть нашу обитель и отправиться в Кингсбриджский монастырь. И выезжаю я прямо сейчас.

В его отсутствие помощник приора будет проводить службы, а келарь вести хозяйство, но ни один из них не справится с Питером из Уорегама, и Филип боялся, что если задержится надолго, Питер успеет натворить столько бед, что, вернувшись, он не узнает собственную обитель. Филип так и не изобрел способа обуздать брата Питера, не унижая его чувство собственного достоинства, а поскольку времени на это не оставалось, самое лучшее было избавиться от вздорного монаха.

– Ранее мы с вами уже говорили о чревоугодии, – сделав паузу, начал Филип. – Брат Питер заслуживает благодарности, ибо напомнил нам, что, когда Господь благословляет наше хозяйство и дарует нам богатство, Он делает это не для того, чтобы мы толстели и нежились в достатке, а для Его пущей славы. Делиться с неимущими наша святая обязанность, которой мы по сей день пренебрегали, главным образом потому, что здесь, в лесу, нам просто не с кем делиться. Брат Питер напомнил нам, что мы должны искать и находить страждущих, дабы приносить им облегчение.

Монахи с удивлением смотрели на приора: они-то думали, что вопрос о чревоугодии уже закрыт. Даже Питер выглядел озадаченным. Ему было приятно снова оказаться в центре внимания, но он чувствовал беспокойство, так как не понимал, к чему Филип завел этот разговор, тем более именно сейчас.

– Я принял решение, – продолжал Филип. – Еженедельно мы будем выделять на подавание по одному пенсу с каждого монаха нашей общины. И хотя это означает, что мы должны немного ограничить себя в пище, возрадуемся тому, что на небесах нам воздается. Еще важнее быть уверенными, что наши деньги тратятся на благое дело. Вы жертвуете пенни бедняку, чтобы он купил хлеба для семьи, а он может пойти в трактир и напиться, и после, придя домой, избить жену, которая, пожалуй, предпочла бы остаться без вашего подаяния. Лучше дать ему хлеба, еще лучше дать хлеба его детям. Раздавать милостыню – святое дело, которое должно выполняться с таким же усердием, как лечение немощных и обучение отроков. Посему многие монастыри назначают раздатчиков милостыни. Так поступим и мы.

Филип обвел глазами собравшихся. Они внимательно слушали его. На лице Питера было написано удовлетворение: он явно решил, что одержал победу. Однако никто не догадывался, что за этим последует.

– Работа раздатчика милостыни очень трудна. Ему придется обходить ближайшие города и деревни, а время от времени посещать Винчестер и там блуждать среди самых несчастных, грязных, убогих и порочных людей, ибо они и есть страждущие. Он будет молиться за них,

когда они захотят обмануть или ограбить его. Ему будет не хватать покоя нашей обители, ибо большую часть времени придется проводить в дороге.

Филип снова посмотрел на монахов. Теперь они были взволнованы, так как никто не горел желанием получить эту работу. Он остановил взгляд на Питере из Уорегама, который наконец понял, в чем дело. Его лицо осунулось.

– Именно Питер указал нам на это слабое место в нашей деятельности, – медленно произнес Филип, – поэтому я считаю, что ему и должна быть оказана честь стать нашим раздатчиком милостыни. – Он улыбнулся. – Сегодня же можешь начать.

Лицо Питера было чернее тучи.

«Теперь у тебя не будет времени смущать братьев, – подумал Филип, – а близкое знакомство с мерзкими, вшивыми нищими в смердящих переулках Винчестера поубавит твое презрение к спокойной жизни».

Однако Питер воспринял это назначение как чистой воды наказание и бросил на него взгляд, полный такой ненависти, что на мгновение Филип испугался.

Он отвел глаза и обратился к остальным:

– Когда умирает король, всякое может случиться... Молитесь за меня, пока я буду отсутствовать.

II

К полудню второго дня пути приор Филип находился уже в нескольких милях от епископского дворца. От волнения у него похолодело внутри. Он лихорадочно думал, как объяснить епископу, откуда он узнал о готовящемся заговоре. Ведь тот может и не поверить ему или, поверив, потребовать доказательств. Но, что еще хуже, эта мысль пришла ему в голову только после того, как они расстались с Франциском, – не исключено, хотя и маловероятно, что епископ сам поддерживал заговор и участвовал в нем, будучи близким другом графа Ширинга. Известно немало случаев, когда епископы ставили свои личные интересы выше интересов Церкви.

Епископ может прибегнуть к пыткам, чтобы заставить Филипа открыть его источник информации. Конечно, на это у него не было права, но ведь и права участвовать в заговоре против короля у него тоже не было. Филип вспомнил орудия пыток, которые видел на картинах, изображавших ад. Рисовать такие картины художников вдохновляли подземные тюрьмы лордов и епископов. Филип не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы принять мученическую смерть.

Когда он заметил впереди людей, бредущих по дороге, его первым желанием было съехать с дороги, чтобы избежать встречи, ибо он ехал один, а вдоль дорог частенько шныряли разбойники, которые не остановятся перед тем, чтобы ограбить монаха. Но тут он различил две детские фигурки и одну женскую. Семья опасности не представляла, и он перешел на рысь.

Подъехав ближе, он увидел, что это были высокий мужчина, маленькая женщина, юноша почти такого же роста, что мужчина, и двое ребятишек. Их бедность бросалась в глаза: никакой поклажи и одеты в тряпье. Мужчина был крупный, но изможденный, то ли изнурительной болезнью, то ли голодом. Он с беспокойством взглянул на Филипа и, что-то забормотав, прижал поближе к себе детей. Сначала Филип принял мужчину за пятидесятилетнего старика, но теперь видел, что ему за тридцать, а на лице застыла тревога.

– Ох ты, монах! – воскликнула женщина.

Филип строго посмотрел на нее. Женщина должна молчать до тех пор, пока не заговорит муж, и хотя не скажешь, что «монах» звучит грубо, вежливее было бы сказать «брат» или «отче». Женщина была лет на десять моложе, и ее глубоко сидящие золотистые глаза делали ее внешность весьма привлекательной. Но от нее как будто исходила опасность.

– Добрый день, отче, – поздоровался мужчина, словно извиняясь за бесцеремонность жены.

– Благослови тебя Господь, – миролюбиво ответил Филип. – Ты кто?

– Том, мастер-строитель, ищу работу.

– И, вижу, не можешь найти.

– Это правда.

Филип кивнул. Обычная история. Ремесленники-строители часто вынуждены пускаться на поиски работы и никак не могут ее найти, так как новые дома строят немногие. Такие мастера нередко останавливались на ночлег в монастырях. Если недавно закончили работу, уходя, они оставляли щедрое подношение, а тщетно побродив по дорогам, порой так нищали, что и предложить-то ничего не могли. Но милосердие обязывает каждому давать приют.

Крайняя бедность этого человека бросалась в глаза, хотя жена его выглядела не так уж плохо.

– Что ж, – сказал Филип, – сейчас время обеда, и у меня в суме есть кое-что съестное, а делиться с ближним – святая обязанность, так что, если ты и твоя семья не побрезгуете разделить со мной трапезу, на том свете мне зачтется, да и вам хуже не будет.

– Ты очень добр, отче, – сказал Том и взглянул на женщину. Она чуть заметно пожала плечами, затем кивнула, и он, более не колеблясь, добавил: – Мы с благодарностью принимаем приглашение.

– Не меня – Бога благодарите, – привычно ответил Филип.

– Благодарить надо крестьян, что платят церковную десятину, – подала голос женщина.

«Ну и язва», – подумал Филип, но промолчал.

Они остановились на небольшой поляне, где лошадка Филипа могла пощипать жухлую зимнюю траву. Втайне он был рад представившейся возможности отсрочить опасный разговор с епископом. Строитель сказал, что тоже направляется в епископский дворец в надежде, что там требуются мастера для ремонта или же для строительных работ. Пока они беседовали, Филип тайком изучал семейство. Женщина казалась слишком молодой, чтобы быть матерью старшего парня. Он выглядел как теленок, большой и неуклюжий, и имел довольно глупый вид. Другой мальчик, помладше, смотрелся очень странно: у него были морковного цвета волосы, белоснежная кожа и ярко-зеленые глаза навывкате. Манера не моргая рассматривать вещи с отсутствующим выражением лица напомнила Филипу беднягу Джонни Восемь Пенсов, но, в отличие от Джонни, взгляд мальчика был удивительно взрослым и проницательным. Похоже, это такой же смутьян, как и его мать. Третьим ребенком была девочка лет шести. Время от времени она начинала хныкать, и тогда отец, смотревший на нее с ласковым участием, не говоря ни слова, тихонько ее похлопывал, стараясь утешить. Было видно, что он ее обожает. Один раз, будто случайно, он прикоснулся к своей жене, и Филип заметил, как в их взглядах вспыхнуло желание.

Женщина послала детей принести большие листья, которые можно было бы использовать в качестве тарелок, а Филип раскрыл свою переметную суму.

– Где находится твой монастырь, отче? – поинтересовался Том.

– В лесу. Отсюда один день пути на запад.

Женщина метнула на мужа короткий взгляд, а у Тома поползли вверх брови.

– Ты знаешь его? – спросил Филип.

Том выглядел смущенным.

– Должно быть, по дороге из Солсбери мы прошли неподалеку от него, – ответил он.

– О да. Но он стоит в стороне от большой дороги и заметить его невозможно, если не искать намеренно.

– А-а, понятно, – пробормотал Том, но мысли его, казалось, витали где-то далеко.

– Скажите-ка, – неожиданно спросил Филип, – не встретили ли вы на дороге женщину? Скорее всего, молодую... и, э-э, с младенцем?

– Нет, – ответил Том с безразличным видом, но Филип почувствовал, как он напрягся. – А почему ты спрашиваешь?

Филип улыбнулся:

– Могу рассказать. Вчера утром в лесу нашли младенца и принесли в мою обитель. Мальчик. Думаю, не больше дня от роду. Должно быть, ночью родился. Так что его мать, кажется, была неподалеку, так же, как и вы.

– Мы никого не видели, – снова сказал Том. – И что вы сделали с младенцем?

– Накормили козьим молоком. Похоже, оно пришлось ему по вкусу.

И женщина, и ее муж напряженно смотрели на Филипа. «Да, – подумал он, – эта история не может не тронуть человеческое сердце». Минуту спустя Том спросил:

– И теперь вы ищете мать?

– О нет. Просто спросил. Если бы я ее встретил, конечно, вернул бы ей ребенка. Но, судя по всему, она этого не желает и постарается сделать так, чтобы ее не нашли.

– И что тогда будет с мальчиком?

– Мы вырастим его в нашей обители. Он будет сыном Божиим. Меня самого так воспитали и брата моего тоже. наших родителей отняли у нас, когда мы были совсем маленькими, и с тех пор нашим отцом стал аббат, а нашей семьей – монахи. Они нас кормили, одевали, обували и учили грамоте.

– И вы оба стали монахами, – с оттенком иронии сказала женщина, как бы намекая на то, что монастырской добродетелью в конечном счете движет корысть.

Филип обрадовался, что может ей возразить.

– Нет, мой брат покинул монашеский орден.

Вернулись дети, так и не найдя больших листьев – зимой это совсем не просто, – так что есть им пришлось без тарелок. Филип дал всем по ломтю хлеба и сыра. Они набросились на еду, словно голодные звери.

– Мы делаем этот сыр в монастыре, – сказал Филип. – Он вкусный, когда молодой, как этот, но, если дать ему дозреть, он станет еще лучше.

Они были слишком голодны, чтобы думать о таких вещах, и в мгновение ока покончили со своей едой. Филип взял с собой еще три груши. Он выудил их из сумы и протянул Тому. Тот раздал их детям.

Филип встал.

– Я буду молиться, чтобы ты нашел работу.

– Коли желаешь помочь, отче, – попросил Том, – сделай милость, скажи обо мне епископу. Ты видишь, в какой мы нужде, и сам убедился, мы люди честные.

– Хорошо.

Том помог Филипу сесть на лошадь.

– Ты добрый человек, отче, – сказал он, и удивленный Филип увидел в его глазах слезы.

– Храни тебя Господь.

Том еще на мгновение придержал лошадку.

– Тот ребенок, о котором ты рассказал... найденный... – Он говорил тихо, будто не хотел, чтобы дети его слышали. – Ты... ты уже дал ему имя?

– Да. Мы назвали его Джонатан, что означает «дар Божий».

– Джонатан... Хорошее имя. – Том отпустил поводья.

Филип задумчиво посмотрел на него, прищипорил лошадку и рысью поскакал прочь.

Епископ Кингсбриджский жил не в Кингсбридже. Его дворец стоял на южном склоне холма в покрытой буйной растительностью долине, до которой был целый день пути от холод-

ного каменного собора и мрачных монахов. Он предпочитал жить здесь, ибо бесконечные богослужения мешали ему исполнять прочие обязанности: собирать налоги, вершить правосудие и плести дворцовые интриги. Монахам это тоже было удобно, так как чем дальше находился епископ, тем меньше он совал нос в их дела.

Когда Филип туда добрался, стало холодно и пошел снег. Дул колючий ветер, и низкие серые тучи нахмурились над епископским поместьем. Замка как такового не было, но дворец был хорошо защищен. Лес вырубил на сотню ярдов вокруг, и здание окружал крепкий, в человеческий рост, забор, с наружной стороны которого находился заполненный дождевой водой ров. И хотя в карауле у ворот стоял какой-то неотесанный чурбан, его меч был достаточно тяжел.

Дворец представлял собой добротный каменный дом, построенный в виде буквы «Е». На нижнем этаже находилось полуподвальное помещение без окон, и за его толстые стены можно было проникнуть лишь через тяжелые двери. Одна дверь была открыта, и Филип смог разглядеть в полумраке бочки и мешки. Остальные – закрыты и скованы массивными цепями. Филипа мучило любопытство: что же за ними? Должно быть, именно там томятся пленники епископа.

Среднюю черточку буквы «Е» составляла наружная лестница, что вела в жилые покои, расположенные наверху; вертикальная линия «Е» – главный зал, а две комнаты, образовавшие верхнюю и нижнюю стороны буквы «Е», как догадался Филип, служили спальней и часовней. Маленькие окна были прикрыты ставнями и, словно глазки-бусинки, подозрительно смотрели на мир.

Во дворе размещались каменные кухня и пекарня, а также деревянные конюшня и сарай. Все постройки были в хорошем состоянии. «Да, Тому не повезло», – подумал Филип.

В конюшне стояло несколько отличных коней, включая пару боевых, а вокруг слонялась горстка стражников, не знающих, как убить время. Кажется, епископ принимал гостей.

Филип бросил поводья мальчику – помощнику конюха и, предчувствуя недоброе, стал подниматься по ступенькам. Вокруг, казалось, витала атмосфера военных приготовлений. Но где же очереди жалобщиков и просителей? Где матери с младенцами, ожидающие благословения? Он входил в незнакомый доселе мир, обладая убийственной тайной. «Не скоро, должно быть, выйду отсюда, – трепеща от страха, думал Филип. – Лучше бы Франциск не приезжал».

Вот и последняя ступенька. «Прочь недостойные мысли, – успокаивал он себя. – У меня есть шанс послужить Господу и Церкви, а я трясусь за собственную шкуру. Некоторые каждый день смотрят в лицо смерти – в битвах, на море, во время полных опасностей паломничеств и крестовых походов. Каждый монах должен испытать на себе, что такое страх».

Он глубоко вздохнул и вошел.

В зале был полумрак, пахло дымом. Чтобы не напустить холода, Филип быстро прикрыл за собой дверь и взгляделся в темноту. У противоположной стены ярко пылал огонь, который, если не считать крохотных окошек, был единственным источником света. У огня сидели несколько человек, одни были одеты в сутаны, другие – в дорогие, но изрядно поношенные одежды мелкопоместных дворян. Они были заняты каким-то серьезным разговором, который вели чуть слышными голосами. Их кресла стояли как попало, но все они, говоря, обращались к худому священнику, что сидел в центре, словно паук в паутине. Его длинные ноги были широко расставлены, а костлявые руки вцепились в подлокотники кресла, так что казалось, будто этот человек готовится к прыжку. Бледное, остроносое лицо священника обрамляли прямые, черные как смоль волосы, а черные одежды делали его одновременно привлекательным и грозным.

Но это был не епископ.

Сидевший возле двери дворецкий поднялся со своего места и приблизился к Филипу.

– Добрый день, отче. Вы к кому?

В этот же момент гончая, дремавшая у огня, подняла голову и зарычала. Человек в черном быстро обернулся и, увидев постороннего, жестом прекратил беседу.

– В чем дело? – резко спросил он.

– Добрый день, – вежливо сказал Филип. – Я хотел бы видеть его преосвященство.

– Его здесь нет, – отрезал священник, давая понять, что разговор окончен.

Сердце Филипа упало. Да, он страшился встречи с епископом, но теперь растерялся. Что же ему делать со своей ужасной тайной?

– А когда он вернется? – спросил Филип.

– Мы не знаем. Какое у тебя дело?

Филип был уязвлен грубостью этого человека.

– Божье дело, – резко сказал он. – А ты кто?

Священник поднял брови, словно дивясь тому, что кто-то говорит с ним вызывающе, а остальные внезапно затаили дыхание, словно в ожидании взрыва. Но после некоторой паузы его голос прозвучал достаточно мягко:

– Я его архидиакон. Меня зовут Уолеран Бигод¹.

«Хорошенькое имя для священнослужителя», – подумал Филип и в свою очередь сказал:

– Мое имя Филип. Я приор обители Святого-Иоанна-что-в-Лесу. Мы относимся к Кингсбриджскому монастырю.

– Слышал о тебе. Ты Филип из Гуинедда.

Филип был удивлен. Он не мог понять, каким образом архидиакону стало известно имя такого незаметного человека, как он. Но сколь бы скромным ни был его чин, он оказался достаточно высок, чтобы заставить Уолерана изменить свое поведение. Раздражение исчезло с лица архидиакона.

– Глоток горячего вина, чтобы согреть кровь? – Он сделал знак нечесаному слуге, сидевшему на скамье у стены, который тут же вскочил, чтобы исполнить распоряжение.

Филип подошел к огню. Уолеран что-то тихо сказал, собравшиеся встали и начали расходиться. Филип сел и, пока Уолеран провожал гостей до двери, грел руки, протянув их поближе к огню. Его разбирало любопытство, что они обсуждали и почему, завершив, не помолились.

Растрепанный слуга протянул ему деревянную чашу. Он принялся потягивать горячее ароматное вино, размышляя, что делать дальше. Если до епископа ему не добраться, к кому можно обратиться? Он подумал даже, не пойти ли к графу Бартоломео и не попытаться ли отговорить его от мятежа. Мысль была нелепая: граф просто посадит его в темницу и выбросит ключ. Оставался шериф, который теоретически являлся представителем королевской власти. Но трудно угадать, чью сторону он займет, ибо не было полной ясности относительно того, кто станет королем. «И все же, – думал Филип, – мне надо на что-то решиться». Он всей душой стремился в свою обитель, где самым опасным его врагом был Питер из Уорегама...

Гости Уолерана ушли, дверь за ними закрылась, и доносившийся со двора топот копыт затих. Уолеран вернулся к огню и придвинул себе массивное кресло.

Филип был поглощен своими мыслями и не очень-то хотел разговаривать с архидиаконем, но понимал, что обязан соблудности приличия.

– Надеюсь, я не помешал вашей встрече, – сказал он.

Уолеран жестом остановил его:

– Мы ее уже завершали, – улыбнулся он. – Такие вещи всегда отнимают больше времени, чем надо. Мы беседовали о продлении сроков аренды епархиальной земли – вопрос, который при наличии доброй воли может быть решен в считанные минуты. – Он взмахнул костлявой рукой, как бы отбрасывая прочь все эти арендные земли вместе с их съемщиками. – Да-а... я слышал, ты неплохо поработал в своей лесной обители.

¹ Bigod – фанатик, слепой приверженец (древнеангл.).

– Мне, право, удивительно, что вы осведомлены об этом, – отозвался Филип.

– Епископ *ex officio*² является аббатом Кингсбриджа, так что он обязан проявлять интерес.

«Или иметь информированного архидиакона», – подумал Филип.

– Господь не оставил нас, – сказал он.

– Воистину.

Они разговаривали по-норманнски, это был язык, на котором говорили Уолеран и его гости, язык сильных мира сего. Но что-то показалось Филипу странным в произношении Уолерана, и чуть позже он понял, что у Уолерана акцент человека, с детства привыкшего говорить по-английски. Это означало, что он был не норманнским аристократом, а уроженцем Англии, сделавшим карьеру, как и Филип, без посторонней помощи.

Предположение Филипа подтвердилось несколько минут спустя, когда Уолеран перешел на английский и сказал:

– Хотел бы я, чтобы Господь не оставил и Кингсбриджский монастырь.

Значит, не одного Филипа беспокоило состояние дел в Кингсбридже.

Возможно, Уолеран лучше Филипа знал о том, что происходит в монастыре.

– Как себя чувствует приор Джеймс? – спросил Филип.

– Болен, – кратко отозвался Уолеран.

«Тогда очевидно, что он не сможет повлиять на взбунтовавшегося графа Бартоломео», – уныло рассуждал Филип. Похоже, ему придется отправиться в Ширинг и попробовать встретиться с шерифом.

И тут его осенило, что Уолеран – как раз тот человек, который знает всех влиятельных людей в графстве.

– А что за человек шериф Ширинга?

Уолеран пожал плечами.

– Безбожный, высокомерный, алчный и продажный. Таковы все шерифы. А почему ты спрашиваешь?

– Раз уж у меня нет возможности встретиться с епископом, наверное, придется обратиться к шерифу.

– Видишь ли, епископ мне доверяет, – сказал Уолеран. Легкая улыбка тронула его губы. – Если я могу быть полезным... – Он развел руками, как человек, который рад прийти на помощь, но не уверен, что в его услугах нуждаются.

Филип уже несколько расслабился, решив, что опасный разговор откладывается на день-два, и теперь вновь проникся тревогой. Можно ли доверять архидиакону Уолерану? Равнодушные Уолерана было явно деланным, в действительности же его распирало от любопытства. Однако и не доверять ему не было причины. Он казался человеком здравомыслящим. Но достаточно ли у него власти, чтобы предотвратить мятеж? В конце концов, если ему не удастся это сделать самому, он сможет найти епископа. Внезапно Филипа осенило, что идея довериться Уолерану имеет свое преимущество: в то время как епископ мог бы потребовать раскрыть ему истинный источник информации, власти архидиакона для этого было маловато, и, поверит он или нет, ему придется удовлетвориться лишь тем, что расскажет Филип.

Уолеран снова слегка улыбнулся.

– Если ты будешь слишком долго колебаться, я могу решить, что ты мне не доверяешь.

Филип почувствовал, что понимает Уолерана, который чем-то похож на него самого: молодой, образованный, низкого происхождения, умный. Филипу он показался немного суетным, но это простительно для священника, вынужденного большую часть времени проводить

² *Ex officio* – по должности, официально (лат.).

в обществе лордов и лишённого покоя блаженной монашеской жизни. Филип решил, что он человек порядочный, искренне желавший послужить Церкви.

Филип все еще сомневался. До сих пор эту тайну знали только он и Франциск. Посвяти он в нее третьего человека, всякое может случиться. Он вздохнул.

– Три дня назад в мою лесную обитель явился раненый, – начал он, про себя моля Бога простить ему его ложь. – Это был воин на прекрасном быстроногом коне. Должно быть, он мчался во весь опор, когда конь сбросил его на землю и, упав, он сломал руку и ребра. Мы перевязали ему руку, однако с ребрами ничего поделать было нельзя. Несчастный кашлял кровью, а это верный признак внутреннего повреждения. – Говоря, Филип внимательно следил за выражением лица Уолерана. Пока оно не выражало ничего, кроме вежливого участия. – И поскольку состояние его казалось почти безнадежным, я посоветовал ему исповедаться. Тогда он и раскрыл мне тайну.

Он колебался, не будучи уверен, насколько полно осведомлен Уолеран о последних дворцовых событиях.

– Я полагаю, тебе известно, что Стефан Блуа заявил о своих правах на английский трон и получил благословение Церкви.

– И за три дня до Рождества был коронован в Вестминстере, – добавил Уолеран.

– Уже! – Франциску это было еще не известно.

– И о чем же шла речь? – спросил Уолеран с оттенком нетерпения.

Филип решил.

– Перед смертью этот воин рассказал мне, что его господин, Бартоломео, граф Ширинг и Роберт Глостер замыслили поднять мятеж против Стефана. – Затаив дыхание, он посмотрел на Уолерана.

И без того бледные щеки архидиакона совсем побелели. Продолжая сидеть в своем кресле, он весь подался вперед.

– Ты думаешь, он сказал правду? – нетерпеливо спросил Уолеран.

– Когда человек готовится отойти в лучший мир, ему незачем лгать на исповеди.

– Может, он просто повторил сплетни, услышанные в доме графа.

Филип не ожидал, что Уолеран выразит сомнение.

– О нет, – воскликнул он, на ходу придумывая убедительное объяснение. – Это был гонец, которого граф Бартоломео послал, чтобы собрать в Гемпшире войско.

Умные глаза Уолерана впились в Филипа.

– А не было ли у него письменного послания?

– Нет.

– Печати или какого-нибудь знака графской власти?

– Ничего. – Филип pokrылся потом. – Сдается мне, люди, к которым он направлялся, отлично его знали.

– Имя?

– Франциск, – ляпнул Филип. Он готов был откусить себе язык.

– И все?

– Он не назвал свое полное имя. – У Филипа возникло чувство, что от вопросов Уолерана сочиненная им легенда вот-вот лопнет как мыльный пузырь.

– Оружие и доспехи помогли бы выяснить его личность.

– На нем не было доспехов, – отчаянно отбивался Филип. – А оружие мы похоронили вместе с ним – монахам меч без надобности. Конечно, мы могли бы выкопать его, но, право, не знаю, зачем: он был самый обыкновенный, ничем не примечательный; не думаю, что удалось бы найти в том какие-то улики. – Нужно было остановить эти бесконечные вопросы. – Что, по-твоему, следует предпринять?

Уолеран нахмурился.

– Трудно решить, что делать, не имея доказательств. Заговорщики станут отрицать обвинение, и истец сам будет осужден. – Он не сказал: «Особенно если эта история окажется выдуманной», – но Филип догадался, что именно об этом он сейчас думал. – Ты кому-нибудь это уже рассказывал?

Филип покачал головой.

– Куда собираешься направиться после того, как выйдешь отсюда?

– В Кингсбридж. Для того чтобы покинуть обитель, мне пришлось придумать предлог. Я сказал, что еду в монастырь, и теперь должен сделать ложь правдой.

– Об этом деле никому ни слова.

– Понимаю. – Филип и не собирался посвящать кого-либо в тайну, но все же не мог понять, почему Уолеран так настаивал на его молчании. Возможно, у архидиакона имелся на то личный интерес; если он собирался рискнуть и раскрыть заговор, он хотел быть уверенным, что ему удастся извлечь из этого выгоду. Он был честолюбив. Что ж, тем лучше для Филипа.

– Все остальное я сделаю сам. – Уолеран снова стал резким, и Филип понял, что его любезность могла надеваться и сниматься, как маска. – Езжай в Кингсбридж, а шерифа выброси из головы.

– Так я и сделаю. – у Филипа гора свалилась с плеч, все устроилось как нельзя лучше: его не бросят в темницу, не отдадут в руки палачу, не обвинят в распространении клеветы. Он переложил груз этой страшной ответственности на другого человека, который, казалось, был рад подхватить его.

Он встал и подошел к ближайшему окну. Солнце уже начало клониться к закату, но времени до темноты оставалось еще много. Ему захотелось побыстрее выбраться отсюда и позабыть обо всем, что произошло.

– Если тронуться в путь прямо сейчас, до ночи я успею проехать миль восемь-десять, – сказал Филип.

Уолеран не стал его задерживать.

– Как раз доберешься до Бэссингборна. Там есть где переночевать. И если утром выедешь пораньше, к полудню будешь в Кингсбридже.

– Хорошо. – Филип отвернулся от окна и посмотрел на Уолерана. Сдвинув брови, архидиакон уставился на огонь и о чем-то напряженно думал. Но Филипу не дано было угадать, что происходило в этой умной голове. – Еду прямо сейчас.

Уолеран вышел из задумчивости и снова превратился в радушного хозяина. Он улыбнулся, проводил Филипа до двери и спустился с ним во двор.

Мальчик-конюх вывел лошадку Филипа. Самое время Уолерану было попрощаться и вернуться к огню, но он ждал, словно желая убедиться, что его гость поехал по дороге в Кингсбридж, но не в Ширинг.

Взобравшись на лошадь, Филип почувствовал себя гораздо счастливее, чем когда приехал. И тут он увидел, как в ворота вошел Том Строитель, а за ним и вся его семья. Филип повернулся к архидиакону:

– Этот человек – строитель, которого я встретил по пути сюда. Похоже, он честный малый, но попал в трудное положение. Если у тебя есть для него работа, ты не пожалеешь.

Уолеран молчал, напряженно глядя на идущую через двор семью. Выдержка и спокойствие покинули его. Рот широко раскрылся, в глазах застыл страх. Похоже, он переживал сильное потрясение.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросил Филип.

– Эта женщина! – прошептал Уолеран.

Филип проследил за его взглядом.

– Она весьма хороша, – сказал он, впервые обратив внимание на ее красоту. – Но нас учили, что слуги Божьи не должны поддаваться искушениям плоти. Так что отвороти глаза, архидиакон.

Но Уолеран его не слушал.

– Я думал, она умерла, – бормотал он. Вдруг вспомнив о госте, он оторвал взгляд от женщины и посмотрел на Филипа, словно желая сосредоточиться. – Поклонись от меня приору Кингсбриджа, – сказал он, шлепнул по крупу лошадь, на которой сидел Филип, та, рванув, рысью вылетела в ворота, и прежде чем седок успел натянуть поводья, он был уже слишком далеко, чтобы говорить слова прощания.

III

Как и говорил архидиакон Уолеран, к полудню следующего дня Филип уже подъезжал к Кингсбриджу. Выехав из леса, покрывавшего склон холма, он оглядел безжизненные замерзшие поля, на которых то здесь то там виднелись скелеты одиноких деревьев. Вокруг ни души. А за студеным пространством, в двух милях отсюда, надгробьем высилось гигантское здание Кингсбриджского собора.

Дорога пошла вниз, и Кингсбридж на время исчез из виду. Смирная лошадка Филипа осторожно ступала вдоль скованной льдом колеи. Его мысли занимал Уолеран. Архидиакон был столь сдержан, самоуверен и всезнающ, что в его присутствии Филип чувствовал себя наивным юнцом, хотя разница в возрасте между ними была невелика. Без всяких усилий Уолеран направлял весь ход их встречи: он изящно отделался от своих гостей, внимательно выслушал Филипа, сразу сообразил, что главной проблемой является отсутствие доказательств, догадался, что расспросами ничего не добьется, и быстренько выпроводил его, не взяв на себя – теперь Филип это ясно понял – обязательств что-либо предпринять.

Осознав, как мастерски им манипулировали, Филип печально усмехнулся. Уолеран даже не пообещал ему посвятить в эту тайну епископа. Однако Филип не сомневался, что честолобие архидиакона заставит его как-либо использовать полученные сведения. Он даже предположил, что Уолеран, возможно, чувствует себя до некоторой степени обязанным ему.

Находясь под впечатлением, произведенным на него архидиаконом, он все больше недоумевал о причине той минутной слабости, какую выказал Уолеран при виде жены Тома Строителя. Ведь и Филипу показалось, что от нее исходит опасность. Очевидно, архидиакон находил ее соблазнительной, что в конечном итоге то же самое. Но было здесь и что-то еще. Он явно уже встречал ее прежде; об этом свидетельствовали его слова: «Я думал, она умерла». Это наводило на мысль, что в далеком прошлом он с ней согрешил. Судя по тому, как он поспешил поскорее отделаться от Филипа, опасаясь, что тот узнает лишнее, легко догадаться, что на нем лежит какая-то вина.

Но даже мысль о греховном прошлом Уолерана не сильно повлиял на мнение о нем Филипа. В конце концов, Уолеран – священник, не монах. Целомудрие всегда являлось обязательной частью монашеской жизни, но в отношении священников это требование было не столь строгим. Епископы сплошь и рядом заводили любовниц, а приходские священники – экономок. В качестве запрета на порочные мысли celibat для священников был чересчур суровым, чтобы ему следовали. Если Господь не прощает похотливых священников, очень немногие из слуг Божьих могут рассчитывать на место в раю.

Когда Филип преодолел следующий подъем, вновь показался Кингсбридж. Над всей округой возвышалась массивная церковь с закругленными арками и узкими окнами в толстых стенах, а неподалеку располагалась деревушка. Обращенная к Филипу западная сторона церкви имела две невысокие башни, одна из которых разрушилась во время грозы еще четыре года назад. До сих пор ее не удосужились восстановить, и фасад представлял собой постыд-

ное зрелище. Это всегда раздражало Филипа, ибо груда камней у входа в храм стала позорным напоминанием о падении моральных устоев обитателей монастыря. Построенные из того же светлого известняка монастырские здания группками стояли вокруг церкви, словно заговорщики у трона. За низкой стеной, окружавшей монастырь, были разбросаны глинобитные домишки с крытыми соломой крышами, в которых жили крестьяне, обрабатывавшие близлежащие поля, да слуги монахов. Узенькая, беспокойная речка, что пересекала юго-западную часть поселка, обеспечивала монастырь свежей водой.

Переpravляясь через речку по старому деревянному мосту, Филип почувствовал раздражение. Кингсбридж был позором святой Церкви и монашества, но он ничего не мог с этим поделать; злость и бессилие вызывали у него желудочные колики.

Мост являлся собственностью монастыря, и за проезд по нему взималась пошлина. Когда под тяжестью Филипа и его лошади заскрипели доски, из будки на противоположном берегу показался старенький монах и заковылял к мосту, чтобы убрать служившую заграждением ивовую ветвь. Он узнал Филипа и помахал ему рукой. Заметив, что старик хромот, Филип спросил:

- Что у тебя с ногами, брат Поль?
- Обморозил. Теперь до весны буду мучиться.

Филип увидел, что на нем были одни сандалии, надетые на босу ногу. И хотя Поль выглядел еще довольно крепким, в таком почтенном возрасте негоже проводить целый день на морозе.

- Ты бы развел огонь...
- Я бы рад, – с тоской в голосе сказал Поль, – да брат Ремигиус говорит, что дрова обойдутся дороже, чем приносит сбор пошлины.
- Сколько же тебе платят за проезд по мосту?
- Пенс за лошадь и по фартингу с человека.
- А многие пользуются мостом?
- О да, очень многие.
- Тогда почему монастырь не может найти средств на покупку дров?
- Так ведь монахи-то не платят, как и их слуги, и местные жители. Хорошо, коли сюда доберется странствующий рыцарь или бродячий ремесленник. Вот в праздники, когда послушать службу в соборе приходят люди со всей округи, мы набираем много фартингов.
- Тогда, мне кажется, разумнее собирать пошлину только по праздникам. И денег бы хватило на дрова.

Поль забеспокоился.

– Прошу тебя, не говори ничего Ремигиусу. Если он узнает, что я жаловался, он рассердится.

– Будь спокоен, – сказал Филип и поспешил проехать, чтобы Поль не увидел выражения его лица. Подобная глупость выводила его из себя. Всю свою жизнь Поль отдал служению Богу и монастырю, и вот теперь, на закате лет, его заставляют страдать от боли и холода ради одного-двух фартингов в день. Это было не просто жестоко, но расточительно, ведь такой терпеливый старик, как Поль, мог бы заниматься производительным трудом – к примеру, выращивать кур – и приносить монастырю гораздо больший доход, чем несколько фартингов. Но приор Кингсбриджа был слишком стар и немощен, чтобы видеть все это, и кажется, немногим лучше оказался его помощник Ремигиус. «Смертный грех, – думал Филип, – бессмысленно растрачивать человеческое и материальное богатство, дарованное не монастырю, но Богу набожными людьми».

Обозленный, он подъезжал на своей лошадке к монастырским воротам. По обеим сторонам дороги стояли домики жителей Кингсбриджа. Территория монастыря представляла собой огороженный стеной прямоугольник, посередине которого возвышалась церковь. Внутренние

постройки располагались таким образом, что к северу и западу от церкви находились общественные, светские и хозяйственные здания, а к югу и востоку – все то, что принадлежало собственно монастырю и служило его божественному предназначению.

По этой причине ворота находились в северо-западном углу прямоугольника. Увидев въезжающего Филипа, молодой монах в сторожевой будке приветственно помахал ему рукой. Внутри, у западной стены, находилась конюшня – крепкое деревянное сооружение, построенное получше, чем некоторые окружавшие монастырь жилища. На охапках сена развалились два конюха. Монахами они не были, работали по найму. Словно недовольные, что приходится выполнять дополнительную работу, они неохотно встали. Ужасная вонь ударила Филипу в нос; очевидно, стояла не вычищались недели три, а то и четыре. Ему было не до нерадивых конюхов, но все же, подавая им поводья, он сказал:

– Прежде чем поставить мою лошадь, потрудитесь вычистить стойло и положить свежего сена. А потом и у других лошадей сделайте то же самое. Если подстилки будут постоянно мокрыми, у животных начнется копытная гниль. Не так уж вы заняты, чтобы не было времени содержать конюшню в чистоте. – Оба угрюмо вытаращились на него. Филип добавил: – Делайте что говорю, или я позабочусь, чтобы у вас вычи дневной заработок за безделье. – Он уже было собрался уходить, но вспомнил: – В седельной суме лежит сыр. Отнесите на кухню брату Милиусу.

Не дожидаясь ответа, он вышел. Пятидесяти пяти монахам монастыря прислуживали шестьдесят слуг – постыдное излишество, считал Филип. Не будучи загружены работой, люди могли так облениться, что любое, даже самое незначительное поручение выполняли кое-как, и два конюха – яркий тому пример. Все это лишний раз доказывало немощность приора Джеймса.

Филип прошел вдоль западной стены и заглянул в гостевой дом – нет ли в монастыре гостей? Но в здании было холодно, и оно имело нежилой вид: крыльцо покрыто слоем принесенных ветром прошлогодних листьев. Он свернул налево и направился через просторную лужайку, поросшую жиденькой травой, которая отделяла гостевой дом – там иногда находили приют безбожники и даже женщины – от церкви. Он приблизился к западному фасаду, в котором был вход для прихожан. Осколки камней рухнувшей башни так и лежали, образуя кучу высотой в два человеческих роста.

Как и большинство церквей, Кингсбриджский собор был построен в форме креста. Его западная сторона служила основанием, в котором размещался главный неф. Перекладина креста состояла из двух боковых нефов – к югу и к северу от алтаря, что занимал всю восточную часть собора. Там главным образом и находились во время служб монахи. В дальнем конце алтаря покоились мощи Святого Адольфа, поклониться которым приходили немногочисленные паломники.

Филип вошел в неф и взглянул на ряд закругленных арок и массивных колонн. Внутренний вид собора поверг его в еще большее уныние. Это было сырое мрачное здание, разрушавшееся буквально на глазах. Окна боковых приделов по обе стороны нефа выглядели словно щели в невероятно толстых стенах. Окна побольше, прямо под крышей, освещали потолок, словно демонстрируя, как неумолимо тускнеют и исчезают изображенные на нем апостолы, святые и пророки. Несмотря на врывающийся внутрь холодный воздух – стекол в окнах не было, атмосферу отравлял слабый запах гниющих одежд. Из дальнего конца церкви доносились звуки торжественной литургии. Монотонный голос произносил латинские фразы, подхватываемые нестройным хором. Филип направился к алтарю. Пол так и не был вымощен, и на голой земле в углах, где редко ступал крестьянский башмак или монашеская сандалия, зелел мох. Резные спирали и каннелюры массивных колонн, высеченные зигзаги, украшавшие соединяющие их арки, когда-то были выкрашены и покрыты позолотой, но сейчас от всего этого осталось лишь несколько чешуек сусального золота да отдельные пятна разноцветной

краски. Раствор, скреплявший каменные блоки, крошился и сыпался, образуя на полу вдоль стен маленькие холмики. Филип почувствовал, как в нем снова закипает злость. Приходя сюда, люди должны испытывать благоговейный страх перед величием Всемогущего Господа. Но крестьяне – люди практичные, привыкшие судить о вещах по их внешнему виду; глядя на это убожество, они наверняка думают, что такой неряшливый и безразличный Бог едва ли прислушается к их страстным мольбам об отпущении грехов. В конце концов, крестьяне в поте лица своего работали на благо Церкви, и как ни возмутительно, в награду за свои труды они получили этот ветхий склеп.

Филип преклонил колена перед алтарем и на некоторое время замер, понимая, что даже праведный гнев не должен ожесточать сердце молящегося. Немного успокоившись, он поднялся и прошел в алтарь.

Восточная часть церкви была разделена надвое: ближе к алтарю размещались хоры с деревянными скамьями, на которых во время служб сидели и стояли монахи, а дальше – святилище, где находилась гробница Святого Адольфа. Филип хотел было занять место на хорах, но вдруг увидел гроб и застыл на месте.

Удивительно, никто не предупредил его о смерти монаха. Правда, он разговаривал только с братом Полем, который был стар и малость рассеян, да с двумя конюхами, которым он и слова не дал вымолвить. Филип подошел к гробу и, заглянув в него, почувствовал, как замерло его сердце.

На смертном одре лежал приор Джеймс.

Раскрыв от неожиданности рот, Филип во все глаза смотрел на покойника. Теперь все должно измениться. Будет новый приор, новая надежда...

Однако ликование по поводу смерти преподобного, как бы он ни провинился, было неуместным. Филип изобразил на лице скорбь и предался горестным мыслям. Он вспомнил, каким был приор в последние годы жизни – седым, сутулым старцем с худым лицом. Теперь его извечное выражение усталости, озабоченности и неудовольствия исчезло, и он казался умиротворенным. Стоя подле гроба на коленях и читая молитву, Филип подумал, что, возможно, в последние годы жизни сердце старика терзалось под гнетом грехов, в коих он так и не покался: обиженная им женщина или зло, причиненное невинному человеку. Но что бы то ни было, какой смысл теперь говорить об этом.

Как ни старался Филип, мысли его постоянно устремлялись к будущему. Нерешительный, суетный, бесхребетный приор Джеймс безуспешно пытался удержать монастырь в своих немогущих руках. Теперь здесь должен появиться кто-то новый, кто сможет наладить дисциплину среди обленившихся слуг, привести в порядок полуразвалившийся храм и прибрать к рукам собственность монастыря, превратив его в могучую силу, предназначенную для добрых деяний. Филип был слишком взволнован, он встал и легкими шагами отошел от гроба, заняв свободное место на хорах.

Службу вел ризничий Эндрю из Йорка, раздражительный краснолицый монах, которого, казалось, вот-вот хватит апоплексический удар. В монастыре он отвечал за проведение служб, книги, святые мощи, церковное облачение и утварь и большую часть имущества собора. Под его началом были регент хора, обеспечивавший музыкальное сопровождение служб, и хранитель монастырских сокровищ, который следил за сохранностью украшенных драгоценными камнями золотых и серебряных подсвечников, потиров и прочей утвари. Над ризничим не было других начальников, кроме самого приора да его помощника Ремигиуса, закадычного приятеля Эндрю.

Ризничий читал молитву обычным для него тоном с трудом сдерживаемой досады. Мысли Филипа пребывали в смятении, когда он заметил, что вся служба проходит совсем не так, как подобает скорбному моменту. Он увидел, что несколько молодых монахов шумят, разговаривают и даже смеются, подшучивая над старым наставником, который, сидя на своем

месте, заснул. Эти монахи – а большинство из них недавно сами были его учениками, и, должно быть, на их спинах еще горели рубцы от его плетки – кидали в старика скатанные из грязи шарики. Каждый раз, когда комочек попадал ему в лицо, он вздрагивал, но продолжал спать. Все это происходило на глазах у Эндрю. Филип оглянулся, ища монаха, в обязанности которого входило поддержание дисциплины. Но тот находился на дальнем конце хоров; он увлеченно беседовал с другим монахом, не обращая внимания ни на службу, ни на поведение молодых людей.

Еще некоторое время Филип молча наблюдал. Он терпеть не мог подобных выходов. Один из монахов, симпатичный юноша на вид лет двадцати с озорной ухмылкой, похоже, был заводилой. Филип видел, как он подхватил на кончик ножа растопленное сало горевшей свечи и капнул им на лысину старика. Почувствовав на голове горячий жир, монах вскрикнул и проснулся; юнцы прыснули со смеха.

Вздыхнув, Филип встал. Он подошел к молодому человеку сзади, схватил его за ухо и без церемоний потащил в южный придел. Эндрю оторвался от молитвенника и нахмурился – ничего предосудительного, по его мнению, не произошло.

Когда они очутились вне слышимости, Филип, отпустил ухо юноши и строго произнес:

– Имя?

– Уильям Бови.

– И что за дьявол вселился в тебя во время торжественной мессы?

– Меня утомила служба, – угрюмо промолвил Уильям.

Филип всегда презирал роптавших на свою долю монахов.

– Утомила? – Он слегка повысил голос. – Что же такое ты сегодня сделал?

– Заутрени да месса среди ночи, потом перед завтраком, потом еще одна, потом занятия и теперь вот торжественная литургия, – дерзко ответил Уильям.

– А ел ли ты?

– Завтракал.

– И надеешься, что будешь обедать?

– Надеюсь.

– Большинство людей в твоем возрасте от зари до зари надрываются в поле, чтобы заработать на завтрак и обед, и несмотря ни на что, они отдают часть своего хлеба тебе! Знаешь, почему они делают это?

– Знаю, – проговорил Уильям, глядя в землю и переступая с ноги на ногу.

– Говори же.

– Они делают это, потому что хотят, чтобы монахи за них молились.

– Верно. Трудолюбивые крестьяне дают тебе и хлеб, и мясо, и теплое жилье, а ты так утомился, что нет сил ради них спокойно отсидеть торжественную мессу!

– Извини, брат.

Филип пристально смотрел на Уильяма. Ничего страшного тот не совершил. Во всем виноваты старшие, которые смотрели сквозь пальцы на поведение молодых монахов в церкви.

– Если тебя утомляют службы, почему ты стал монахом? – спокойно спросил Филип.

– Я у отца пятый сын.

Филип кивнул.

– И без сомнения, он дал монастырю участок земли, чтобы тебя приняли?

– Да, целое хозяйство.

Обычная история: человек, у которого было слишком много сыновей, одного из них отдавал Богу, а чтобы Господь не отверг его дар, еще и присовокуплял часть своей собственности, достаточную для поддержания скромного бытия будущего монаха. Не все молодые люди, по этой причине отдаваемые в монастырь, были склонны к такой жизни, и потому они вели себя порой из рук вон плохо.

– А что, если тебя перевести отсюда в какой-нибудь скит или, скажем, в мою скромную обитель Святого-Иоанна-что-в-Лесу, где нужно много трудиться на воздухе и гораздо меньше времени молиться? Может, тогда во время литургии ты станешь испытывать должные чувства?

Лицо Уильяма вспыхнуло.

– Да, брат, мне кажется, смогу.

– Мне тоже так кажется. Я подумаю, что можно сделать. Но не слишком радуйся – возможно, нам придется подождать, пока у нас не будет нового приора, и уже его просить о твоём переводе.

– Все равно, благодарю тебя!

Служба закончилась, и монахи друг за другом покидали церковь. Филип приложил палец к губам, тем самым давая понять, что разговор окончен. Когда вереница монахов проследовала через южный придел, Филип и Уильям присоединились к процессии и вышли в крытую галерею, примыкавшую к южной стороне нефа. Там строй монахов распался, и они разбрелись кто куда. Филип направился было на кухню, но ризничий преградил ему дорогу. Он стоял перед ним в агрессивной позе – расставив ноги, руки на бедрах.

– Брат Филип.

– Брат Эндрю, – отозвался Филип, недоумевая: «Что это он задумал?»

– Ты зачем сорвал торжественную мессу?

Филип был ошеломлен.

– Сорвал?! – воскликнул Филип. – Юноша вел себя безобразно. Он...

– Я сам в состоянии разобраться с нарушителями дисциплины на моих службах! – повысил голос Эндрю. Монахи остановились и наблюдали за их объяснением.

Филип не мог понять, из-за чего сыр-бор. Обычно во время служб старшие братья следили за поведением молодых монахов и послушников, и ему не было известно правила, согласно которому это мог делать только ризничий.

– Но ты не видел, что происходило... – заговорил Филип.

– Может, и видел, но решил разобраться с этим позже.

– В таком случае что же ты видел? – с вызовом спросил Филип.

– Как ты смеешь задавать мне вопросы?! – заорал Эндрю. Его красное лицо приобрело фиолетовый оттенок. – Ты всего лишь приор захудалой лесной обители, а я здесь уже двенадцать лет ризничий и буду вести соборные службы так, как считаю нужным, без участия всяких чужаков, которые к тому же вдвое младше меня!

Филип начал думать, что был неправ, – иначе почему Эндрю так взбесился? Но сейчас важнее было прекратить спектакль, разыгранный перед другими монахами. Филип подавил в себе гордость, покорно склонил голову и, стиснув зубы, произнес:

– Признаю свою ошибку, брат, и смиренно прошу простить меня.

Эндрю был взвинчен, намеревался продолжить перебранку, и поспешное отступление противника его разочаровало.

– И чтобы больше это не повторялось! – рявкнул он.

Филип промолчал. Последнее слово должно остаться за Эндрю, и любое замечание со стороны Филипа вызовет бурную ответную реакцию. Он стоял, опустив глаза и прикусив язык, в то время как Эндрю еще несколько секунд свирепо на него взирал. Наконец ризничий повернулся на каблуках и с гордо поднятой головой пошел прочь.

Братья устали на Филипа. Он чувствовал себя униженным, но нужно было снести это, ибо гордый монах – плохой монах. Не проронив ни слова, он покинул галерею.

Опочивальня располагалась к юго-востоку от собора, а трапезная – к юго-западу. Филип пошел на запад и, пройдя трапезную, очутился неподалеку от гостевого дома и конюшни. Здесь, в юго-западном углу монастырской территории, кухонный двор с трех сторон окружали тра-

пезная, кухня и пекарня с пивоварней. Во дворе в ожидании разгрузки стояла телега, доверху наполненная репой. Филип взошел на крыльцо кухни и открыл дверь.

Воздух был горячим и тяжелым от запаха готовящейся рыбы; то и дело гремели сковороды и раздавались приказания. Трое раскрасневшихся от жары и спешки поваров с помощью шести или семи подручных готовили обед. В двух огромных очагах, находившихся в разных концах помещения, полыхало пламя. Возле очагов, обливаясь потом, стояли мальчики, поворачивавшие вертела с нанизанной на них жарящейся рыбой. Филип сглотнул слюну. В огромном чугунном котле, подвешенном над огнем, варилась морковь. Двое молодцов, стоявших у деревянного чурбана, резали толстыми ломтями здоровенные – длиной в ярд – буханки белого хлеба. За всем этим кажущимся хаосом наблюдал брат Милиус, монастырский повар, ровесник Филипа. Он сидел на высокой скамье, невозмутимо смотрел на кипевшую вокруг работу, и его лицо выражало удовлетворение. Милиус приветливо улыбнулся Филипу и сказал:

– Спасибо за сыр.

– А... да. – С тех пор как Филип приехал, так много всего произошло, что он уже забыл об этом. – Он изготовлен из молока утренней дойки и имеет особенно нежный вкус.

– У меня уже слюнки текут. Но я вижу, ты печален. Случилось что-нибудь?

– Ничего особенного. Немного повздорил с Эндрю. – Филип взмахнул рукой, словно отгоняя ризничего. – Можно мне взять из очага горячий камень?

– Конечно.

На кухне всегда имелось несколько раскаленных булыжников, которые использовали, когда нужно было быстро разогреть небольшое количество воды или супа.

– Брат Поль обморозил ноги на мосту, а Ремигиус не дает ему дров, развести костер. – Щипцами с длинными ручками Филип выхватил из огня нагретый камень.

Милиус открыл шкаф и вытащил оттуда кусок старой кожи, который когда-то был фартуком.

– Вот, заверни.

– Благодарю. – Филип положил камень на середину кожи и, взявшись за концы, осторожно поднял.

– Поторопись, – сказал Милиус. – Обед уже готов.

Филип вышел из кухни, пересек двор и направился к воротам. Слева, у западной стены, стояла мельница. Много лет назад был вырыт канал, который начинался выше по течению реки и обеспечивал водой мельничную запруду. Затем вода бежала по подземному руслу к пивоварне, на кухню, к фонтанчику в соборной галерее, где монахи мыли перед едой руки, и наконец к отхожему месту рядом с опочивальней, после которого канал поворачивал на юг и устремлялся к реке, возвращая ей воду. Должно быть, один из первых приоров монастыря обладал настоящим инженерным талантом.

Возле конюшни Филип заметил кучу грязного сена – это конюхи, исполняя его приказание, вычищали стойла. Он миновал ворота и через деревню направился к мосту.

«Имел ли я право делать выговор Уильяму Бови?» – спрашивал себя Филип, проходя мимо деревенских лачуг. Подумав, он решил, что имел. Было бы неправильно не замечать столь безобразного поведения во время службы.

Он подошел к мосту и заглянул в будку Поля.

– Вот, возьми, погрейся, – сказал он, протягивая завернутый в кожу раскаленный камень. – Когда остынет, разверни кожу и поставь ноги прямо на него. До ночи тепла должно хватить.

Брат Поль был чрезвычайно тронут. Сбросив сандалии, он не мешкая прижал ступни к теплему свертку.

– Я чувствую, как боль уже отпускает... – блаженно улыбаясь, проговорил он.

– Если ты на ночь положишь камень обратно в очаг, к утру он снова будет горячим.

– А брат Милиус разрешит? – нерешительно спросил Поль.

– Можешь не сомневаться.

– Ты очень добр ко мне, брат Филип.

– Пустяки, – ответил Филип и, чтобы не выслушивать далее бурных благодарностей Поля, поспешно вышел. В самом деле, это был всего лишь горячий камень.

Он вернулся в монастырь, обмыл в каменной чаше руки и вошел в трапезную. Один из монахов, стоя у аналоя, вслух читал из Священного Писания. Во время обеда должна была соблюдаться полная тишина, но сорок с лишним обедающих монахов производили постоянный приглушенный шум, к которому, вопреки правилу, примешивался еще и громкий шепот. Филип скользнул на свободное место за длинным столом. Сидевший рядом монах с аппетитом поглощал пищу. Поймав взгляд Филипа, он прочавкал:

– Сегодня свежая рыба.

Филип кивнул. Он видел, как ее жарили на кухне. От голода у него бурчало в животе.

– Я слышал, – прошептал монах, – вы у себя в лесной обители каждый день едите свежую рыбу. – В его голосе звучала зависть.

Филип покачал головой:

– Через день у нас птица.

Монах угрюмо посмотрел на него и заметил:

– А здесь соленая рыба шесть раз в неделю.

Слуга положил перед Филипом толстый ломоть хлеба, а на него – рыбу, благоухавшую приправами. Филип достал нож и собрался было наброситься на еду, но тут, указывая на него перстом, из-за дальнего конца стола поднялся монах, отвечавший за дисциплину в монастыре. «Что на этот раз?» – подумал Филип.

– Брат Филип! – строго сказал монах.

Все перестали есть, и трапезная погрузилась в тишину. Филип застыл с занесенным над рыбой ножом и выжидательно поднятыми глазами.

– Правило гласит: опоздавшие лишаются обеда, – проговорил монах.

Филип вздохнул. Казалось, сегодня он все делал не так. Он положил нож, вернул слуге хлеб с рыбой и, склонив голову, приготовился слушать чтение Священного Писания.

После обеда был час отдыха. Филип зашел в расположенную над кухней кладовую поговорить с Белобрысым Катбертом, монастырским келарем. Кладовая представляла собой большое, темное помещение с низкими, толстыми колоннами и крохотными окошками. Воздух был сухой, наполненный запахом хранившихся там продуктов: хмеля и меда, яблок и сушеных трав, сыра и уксуса. Здесь всегда можно было найти брата Катберта, ибо работа не оставляла ему времени на церковные службы, что ничуть его не огорчало, – келарь был умным, вполне земным человеком и не испытывал особого интереса к духовной жизни. В задачу Катберта входило обеспечение монахов всем необходимым, сбор произведенных в принадлежащих монастырю хозяйствах продуктов и закупка на базаре всего того, чем монахи и их наемные работники не могли сами себя обеспечить. У Катберта имелись два помощника: Милиус, повар, отвечавший за приготовление пищи, и постельничий, который следил за сохранностью одежды и белья монахов. Формально под началом келаря работали еще трое, хотя, по сути, они не зависели от него: смотритель гостевого дома, лекарь, который ухаживал за престарелыми и больными в монастырской больнице, и раздатчик милостыни. Даже при наличии помощников забот у Катберта было предостаточно, и все свои дела он старался держать в голове, считая недопустимым тратить на это пергамент и чернила. Правда, Филип подозревал, что он так и не выучился как следует ни читать ни писать. В молодости у Катберта имелись белые волосы – отсюда и прозвище Белобрысый, – но сейчас ему было за шестьдесят, и у него остались только те волосы, что росли густыми светлыми пучками из ушей и ноздрей. Так как в своем первом монастыре Филип сам был келарем, он хорошо понимал проблемы Катберта и сочувственно

слушал его ворчбу. А потому и Катберт любил Филипа. Зная, что тот остался без обеда, старый келарь вытащил из бочки полдюжины груш, которые слегка сморщились, но все же были очень вкусны, и Филип с благодарностью ел их, а Катберт брюзжал.

– Никак не возьму в толк, откуда у монастыря долги, – пережевывая грушу, изрек Филип.

– Их и не должно быть! – с горечью воскликнул Катберт. – Монастырь владеет большими землями и собирает десятины с большего количества приходов, чем когда бы то ни было.

– Тогда почему мы не богатеем?

– Ты знаешь нашу систему – монастырская собственность делится главным образом между монахами, выполняющими определенное послушание. У ризничего своя земля, у меня своя, несколько меньше наделы у учителя, смотрителя гостевого дома, лекаря и раздатчика милостыни. Все остальное принадлежит приору. И каждый использует прибыль, получаемую от его собственности, на выполнение своих обязанностей.

– Ну и что в этом плохого?

– Но всей этой собственностью надо управлять. К примеру, представь, что у нас есть земля и мы за денежки сдаем ее в аренду. Мы ведь не должны отдавать ее любому встречному-поперечному, лишь бы получить побольше монет. Нам надо постараться найти рачительного хозяина и постоянно следить за ним, чтобы быть уверенным, что он обрабатывает полученный надел должным образом, в противном случае пастбища будут заболочены, почва истощится и арендатор, не будучи в состоянии платить ренту, вернет землю назад, но уже в непригодном состоянии. Или возьми фермы, на которых работают наши батраки и которые управляются монахами: если их оставить без присмотра, монахи, обленившись, предадутся пороку, батраки начнут воровать, а сами хозяйства с годами будут производить все меньше. Даже церковные сооружения требуют постоянного ухода. Мы не можем просто собирать десятину. Мы должны поставить во главе себя достойного священника, знающего латынь и ведущего праведный образ жизни. Иначе люди отвернутся от Бога, будут заключать браки, рожать детей и умирать без благословения Церкви и начнут уклоняться от уплаты десятины.

– Монахам следует с большим радением относиться к тому, что они имеют, – заключил Филип, покончив с последней грушей.

Катберт нацедил из бочки чашку вина.

– Следует, но не тем заняты их головы. Ну скажи, что может знать наш учитель о земледелии? С какой это стати лекарь должен быть еще и способным управляющим? Конечно, сильный приор мог бы заставить их лучше вести хозяйство... до некоторой степени. Но в течение последних тринадцати лет мы имели слабого приора, и теперь у нас нет денег даже на то, чтобы отремонтировать собор, шесть раз в неделю мы питаемся соленой рыбой, школа почти опустела, и не видно больше в монастыре гостей.

В мрачном молчании Филип потягивал свое вино. Нелегко было сохранять спокойствие, видя, как разбазаривается то, что должно служить Богу. Ему хотелось схватить виновного и трясти его, пока тот не придет в чувство. Но главный виновник лежал теперь в гробу перед алтарем. И все же проблеск надежды существовал.

– Скоро у нас будет новый приор, – сказал Филип. – Он должен направить дела на путь истинный.

Катберт насмешливо посмотрел на него.

– Ремигиус? Направит на путь истинный?

Филип не сразу понял, что имеет в виду старый келарь.

– Неужели Ремигиус собирается стать приором?

– Похоже на то.

Филип опешил.

– Но он ничуть не лучше приора Джеймса! Неужели братья его изберут?

– Они с подозрением относятся к чужакам и поэтому не станут голосовать за того, кого не знают. Отсюда следует, что приором должен стать один из нас. А Ремигиус – помощник приора, старший из здешних монахов.

– Но ведь нет такого правила, что мы должны выбирать самого старшего монаха, – возразил Филип. – Можно и кого-нибудь другого. Тебя, например.

– Меня уже спрашивали, – кивнул Катберт. – Я отказался.

– Но почему?

– Я старею, Филип. Мне не справиться ни с какой другой работой, кроме той, к которой я так привык, что могу выполнять ее почти не задумываясь. На большее я не способен. У меня не хватит сил вернуть к жизни этот хиреющий монастырь. В конце концов, я стал бы не лучше Ремигиуса.

Филип все не мог с этим согласиться.

– Но есть другие – ризничий, смотритель гостевого дома, учитель...

– Учитель слишком стар и еще более немощен, чем я. Смотритель гостевого дома – лодырь и к тому же пьяница. А ризничий с надзирателем будут голосовать за Ремигиуса. Почему? Не знаю, но могу догадаться – в награду за поддержку Ремигиус обещал сделать первого помощником приора, а второго – ризничим.

Филип тяжело опустил на мешки с мукой.

– Ты хочешь сказать, что Ремигиус уже всех обработал и ничего нельзя сделать?

Катберт ответил не сразу. Он встал и прошел в другой конец кладовой, где в ряд стояли приготовленные им корыто, полное живых угрей, ведро с чистой водой и бочка, на треть заполненная рассолом.

– Помоги-ка мне, – прокряхтел он, вынимая нож. Катберт извлек из корыта извивающегося угря, стукнул его головой о каменный пол, выпотрошил и передал слегка подергивавшуюся рыбу Филипу. – Вымой его в ведре и брось в бочку. Во время великого поста это поможет нам утолить голод.

Филип осторожно ополоснул полумертвого угря и бросил в соленую воду.

Выпотрошив следующего, Катберт проговорил:

– Есть еще одна возможность: претендент, который мог бы стать настоящим приором-реформатором и чей сан, хотя и ниже помощника приора, равен ризничему или келарю.

Филип опустил угря в ведро.

– Кто же это?

– Ты.

– Я?! – От удивления Филип выронил следующего угря на пол. Да, он действительно являлся приором обители, но никогда не считал себя равным ризничему и другим прежде всего потому, что они были гораздо старше. – Но я слишком молод...

– Подумай об этом, – сказал Катберт. – Всю жизнь ты провел в монастырях. В двадцать один год был келарем. Уже четыре или пять лет ты приор небольшого монастыря, и ты его преобразил. Каждому ясно, что на тебе длань Божия.

Филип подобрал выскользнувшего угря и бросил в бочку.

– Длань Божия на всех нас, – уклончиво произнес он. Предложение Катберта его озадачило. Ему очень хотелось, чтобы в Кингсбридже был энергичный приор, но он не собирался претендовать на эту роль. – По правде говоря, из меня получился бы лучший приор, чем из Ремигиуса, – добавил он задумчиво.

Катберт был доволен.

– Если ты в чем и виноват, то только в том, что абсолютно невинен.

Филип таковым себя не считал.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты никогда не ищешь в людях низменных побуждений, как делает большинство из нас. Например, все в монастыре убеждены, что ты являешься претендентом и приехал сюда домогаться их голосов.

– Почему они так решили? – возмущенно спросил Филип.

– А ты постарайся взглянуть на свое поведение глазами людей, привыкших всех и вся подозревать. Ты прибыл в день смерти приора Джеймса, словно кто-то тайно известил тебя о ней.

– И как же, по их мнению, я все это подстроил?

– Они не знают, но убеждены, что ты умнее их. – Катберт вновь принялся потрошить рыбу. – И посмотри, что ты сегодня сделал. Едва приехав, распорядился вычистить конюшню. Затем навел порядок во время торжественной литургии, завел разговор о переводе молодого Уильяма Бови в свою обитель, когда всем известно, что перевод монахов из одного места в другое – привилегия приора. Ты отнес брату Полю горячий камень, тем самым косвенно осудив Ремигиуса. И наконец, отдал на кухню божественный сыр, и все мы полакомились им после обеда, и, хотя никто не сказал, откуда он, каждый знает, что такой чудесный вкус может быть только у сыра из Святого-Иоанна-что-в-Лесу.

Филипа смутило, что его действия были столь превратно истолкованы.

– Все это мог сделать кто угодно.

– Кто угодно из старших монахов мог бы сделать что-нибудь одно, но ни один не сделал бы всего этого. Ты пришел и стал распоряжаться! По сути, ты уже начал преобразование монастыря. И конечно, Ремигиус и его присные уже сопротивляются. Поэтому-то ризничий Эндрю и отчитал тебя в галерее.

– Ах вот в чем причина! А я-то не мог понять, что это на него нашло. – Филип в задумчивости полоскал угря. – И я полагаю, по этой же причине мне было отказано в обеде.

– Точно! Чтобы унижить тебя перед другими монахами. Однако я подозреваю, что эти действия возымели обратный результат: ни одно из порицаний не было оправданным, и тем не менее ты достойно их принял. У тебя был вид истинного праведника.

– Но я делал это не для того, чтобы произвести впечатление.

– Истинные праведники тоже так поступали... Однако звонят к вечерне. Оставь угрей, а сам ступай в церковь. После службы будет час раздумий и многие братья, уверен, захотят с тобой побеседовать.

– Не так скоро! – взволнованно произнес Филип. – Только потому, что кто-то решил, что я хочу стать приором, еще не значит, что я действительно собираюсь бороться за это место. – Перспектива принять участие в выборах в качестве одного из кандидатов его страшила, к тому же он не был уверен, что готов бросить свою преуспевающую обитель и взвалить на себя проблемы Кингсбриджского монастыря. – Мне требуется время, чтобы подумать.

– Я знаю. – Катберт распрямился и взглянул Филипу в глаза. – Когда будешь думать, пожалуйста, помни: чрезмерная гордыня – это, конечно, грех, но как бы чрезмерная скромность не расстроила то, на что есть воля Божия.

Филип кивнул.

– Буду помнить. Благодарю тебя.

Выйдя от старого келаря, он поспешил в церковь. В его душе бушевала буря, когда он присоединился к входящим в храм монахам. Мысль о том, что он может стать приором Кингсбриджа, волновала его. Многие годы в нем кипела злость на бездарное руководство монастырем, и вот теперь появился шанс самому все исправить. Но сможет ли он? Дело не в том, чтобы выявить недостатки и распорядиться их исправить. Нужно убедить людей, правильно организовать хозяйство, найти средства. Тяжелая ответственность ляжет на его плечи.

Как всегда, служба подействовала на него умиротворяюще. На этот раз монахи были спокойны и торжественны. Слушая знакомые слова молитвы, он снова почувствовал себя способным ясно мыслить.

«А хочу ли я быть приором Кингсбриджа?» – спрашивал он себя и тут же отвечал: «Да!» Взять под свою опеку этот разваливающийся храм, отремонтировать его, покрасить, наполнить пением сотен монахов и голосами тысячи прихожан, читающих «Отче наш», – да ради одного этого стоит желать места приора. А монастырское хозяйство, которое необходимо преобразовать, вдохнуть в него жизнь, снова сделать крепким и продуктивным? Филипу хотелось видеть в монастыре целую толпу мальчишек, обучающихся читать и писать, гостевой дом, полный света и тепла, чтобы лорды и епископы приезжали сюда и привозили драгоценные подарки. Да, он хотел быть приором Кингсбриджа.

«Что еще двигает мною? – вопрошал Филип. – Когда я представляю себя в роли приора, делающего все это во славу Божию, есть ли гордыня в моем сердце? О да».

Он не мог обманывать себя, находясь в святой Церкви. Его цель – слава Божия, но и собственная слава тоже была желанна. Он вообразил, как будет отдавать приказы, коих никто не посмеет ослушаться, по своему усмотрению принимать решения, отправлять правосудие, карать и миловать. Он представил, как люди будут говорить: «Это Филип из Гуинедда преобразовал монастырь. До него здесь был сплошной срам, а посмотрите, что теперь!»

«Но я обязан быть сильным приором, – рассуждал он. – Бог дал мне ум, чтобы я мог управлять хозяйством и вести за собой людей. Как келарь Гуинедда и как приор Святого-Иоанна-что-в-Лесу я уже доказал, что это мне по плечу. И монахи довольны. В моей обители старики не мерзнут, а молодые не маются от безделья. Я забочусь о людях».

С другой стороны, трудно сравнивать Гуинедд или Святого-Иоанна-что-в-Лесу с Кингсбриджским монастырем. Дела в Гуинедде всегда шли хорошо. В лесной же обители действительно были проблемы, но она крохотная, и ею несложно управлять. А преобразовать Кингсбридж может лишь человек, сильный, как Геркулес. Потребуется недели, чтобы только разобраться в монастырском хозяйстве: сколько имеется земли, и где, и что за земля – леса ли, пастбища или пшеничные поля. Навести порядок в разбросанных угодьях, собрать их в одно целое – это работа на годы. Здесь не лесная обитель, где от Филипа только и требовалось, что заставить дюжину монахов усердно работать да истово молиться.

«Ладно, – признал Филип, – мотивы мои зыбки, а возможности сомнительны. Может, мне стоит отказаться. По крайней мере, я буду спокоен, что не поддался гордыне. Но что имел в виду Катберт, говоря, что чрезмерная скромность может расстроить то, на что есть воля Божия?»

И кто же Богу угоден? Ремигиус? Но возможностей у него не больше, чем у меня, а его помыслы не чище. Есть ли другой претендент? В настоящее время нет. Пока Господь не укажет на кого-то третьего, надо признать, что выбирать придется лишь между мной и Ремигиусом. Ясно, что Ремигиус будет руководить так же, как он делал это, пока приор Джеймс был болен, другими словами, пребывать в безделье и беспечности, позволяя монастырю приходить во все большее запустение. А я? Я полон честолюбивых помыслов, и хотя способности мои неизвестны, приложу все силы, чтобы преобразовать это святое место, а если Бог даст мне силы, я смогу это сделать.

Что ж, – сказал он, обращаясь к Богу, когда служба подошла к концу, – я принимаю вызов и буду бороться изо всех сил, и, если почему-либо стану неугодным Тебе, Господи, только в Твоей воле будет меня остановить».

Хотя Филип провел в монастырях уже двадцать один год, на его памяти впервые после смерти старого приора происходили выборы на его место нового. Это было единственное собы-

тие в монастырской жизни, когда от братьев не требовалось послушания – во время голосования все они становились равными.

Когда-то, если верить преданиям, монахи были равными во всем. Однажды несколько человек решили отказаться от мирских страстей и построить в лесной глуши храм, где смогли бы прожить свою жизнь в молитвах Господу Богу и самоотречении. Они расчистили лес, осушили болото, возделали землю и вместе построили церковь. В те дни они действительно были как братья. Приор считался всего лишь первым среди равных, и все они давали обет следовать завету Святого Бенедикта, а не приказам монастырских чинов. И единственное, что теперь осталось от той изначальной демократии, это процедура избрания приора или аббата.

Некоторые монахи не знали, как поступить, и просили, чтобы им подсказали, за кого голосовать, или предлагали поручить решение этого вопроса совету старейшин. Другие, обнаглев, старались воспользоваться случаем и требовали себе всяческих льгот в обмен на поддержку. Большинство же горели желанием наконец поучаствовать в принятии решения.

В тот вечер Филипп говорил со многими, откровенно поведавав, что хотел бы занять место приора, ибо чувствует, что, несмотря на молодость, справится с этой обязанностью лучше Ремигиуса. Он ответил на их вопросы, как правило, касавшиеся питания. Все беседы он неизменно заканчивал словами: «Если каждый, помолясь, примет обдуманное решение, Господь нас не оставит». Он и сам в это верил.

– Наша берет, – сказал Милиус на следующее утро, когда они с Филиппом завтракали грубым хлебом и пивом, в то время как помощники повара разводили в очагах огонь.

Филипп откусил большой кусок темного хлеба, смочив его добрым глотком пива. Милиус был остроумным, энергичным человеком, протеже Катберта и сторонником Филиппа. Прямые темные волосы обрамляли его небольшое, с четкими правильными чертами лицо. Как и Катберт, он был рад, что имеет возможность пропускать большинство служб, предпочитая слушать Богу практическими делами. Филипп с сомнением отнесся к его оптимизму.

– Каким же образом ты пришел к такому выводу? – скептически спросил он.

– Все люди Катберта – постельничий, лекарь, наставник послушников, ну и я – поддержат тебя, ибо нам известно, что ты знаешь толк в хозяйственных делах, а проблема снабжения продовольствием сейчас стоит очень остро. Да и многие другие монахи будут голосовать за тебя по этой же причине: они уверены, ты лучше сможешь справиться с монастырским хозяйством, что в результате скажется на питании.

Филипп нахмурился.

– Я бы не хотел никого вводить в заблуждение. Своей первейшей задачей я считаю восстановление церкви и улучшение ведения службы. Это важнее телесной пищи.

– Все верно, и они это знают, – поспешно заговорил Милиус. – Вот поэтому-то смотритель гостевого дома и кое-кто еще будут на стороне Ремигиуса – им больше по душе безделье и спокойная жизнь. Кроме того, его поддержат дружки, которые надеются получить новые должности, – ризничий, надзиратель, хранитель монастырской казны и прочие. Регент хора – приятель ризничего, но, думаю, его можно перетащить на нашу сторону, особенно если пообещать ввести должность хранителя книг.

Филипп кивнул. Заботой регента была музыка, и он считал, что присматривать за книгами – вовсе не его дело.

– Это хорошая мысль, – подхватил Филипп. – Чтобы собрать собственную библиотеку, нам нужен хранитель.

Милиус встал и принялся точить кухонный нож. Энергия из него была ключом, и ему необходимо было чем-то занять руки.

– В голосовании примут участие сорок четыре монаха, – рассуждал Милиус. – По моему разумению, восемнадцать за нас, десять с Ремигиусом, а шестнадцать пока не определились.

Чтобы получить большинство, нам надо набрать двадцать три голоса. Это значит, ты должен склонить на свою сторону еще пятерых.

– Когда ты так говоришь, все кажется очень просто, – сказал Филип. – А сколько у нас времени?

– Трудно сказать. Когда проводить выборы, решают братья, но, если мы проведем их слишком рано, епископ может отказаться утвердить нашего избранника. А если будем тянуть, он решит сам определить дату. Кроме того, у него есть право назначить своего претендента. Правда, сейчас он, возможно, еще не получил известие о смерти старого приора.

– В таком случае время еще есть.

– Да. И как только убедимся, что у нас большинство, возвращайся в свою обитель и оставайся там, пока все не закончится.

– Почему? – удивился Филип.

– Близкое знакомство может породить неуважение. – Милиус энергично взмахнул отточенным ножом. – Прости меня, если мои слова звучат обидно, но ты сам спросил. Сейчас ты вроде бы окружен ореолом безгрешности, особенно для нас, молодых монахов. В своей скромной обители ты сотворил чудо, вдохнув в нее жизнь и сделав ее самостоятельной. Ты сторонник строгой дисциплины, но ты сытно кормишь своих монахов. Ты прирожденный вождь, но можешь покорно склонить голову и снести укор, словно молоденький послушник. Ты знаешь Священное писание и умеешь делать лучший в стране сыр.

– А ты не преувеличиваешь?

– Слегка.

– Поверить не могу, что у людей сложилось обо мне такое мнение. Да это же неестественно!

– Конечно, – согласился Милиус, слегка пожав плечами. – И это впечатление развеется, как только они узнают тебя ближе. Если ты здесь останешься, они могут в тебе разочароваться. Они увидят, как ты ковыряешь в зубах и чешешь задницу, услышат, как ты храпишь, и узнают, каков ты есть, когда у тебя плохое настроение, или тебя снедает гордыня, или у тебя болит голова. Не стоит этого допускать. Пусть они видят, как Ремигиус каждый день совершает все новые ошибки, в то время как твой образ будет оставаться сияющим и совершенным.

– Но я так не хочу! – обеспокоенно воскликнул Филип. – В этом есть что-то бесчестное.

– Ничего бесчестного здесь нет, – возразил Милиус. – Это трезвое рассуждение о том, как славно, будучи приором, ты смог бы послужить Богу и монастырю и как плохо управлял бы Ремигиус.

Филип покачал головой.

– Я не стану притворяться ангелом. Хорошо, я уеду – так или иначе мне нужно вернуться в лес. Но мы обязаны быть откровенны с братьями. Они должны знать, что выбирают обыкновенного человека, которому свойственно ошибаться и которому нужны будут их помощь и их молитвы.

– Вот это им и скажи! Прекрасно! Им это понравится.

«Его не переспоришь», – подумал Филип и решил сменить тему разговора.

– А каково твое мнение о колеблющихся братьях, которые еще не определились?

– Консерваторы, – не мешкая, ответил Милиус. – Они видят в Ремигиусе пожилого человека, который едва ли будет осуществлять какие-либо перемены, вполне предсказуемого и в настоящее время имеющего реальную власть.

Филип согласно кивнул.

– И они смотрят на меня с беспокойством, как на чужую собаку, которая может укусить. Зазвонили к молитве. Милиус допил остатки пива.

– Сейчас ты подвергнешься нападкам. Не могу предсказать, в какой форме это будет происходить, но они постараются выставить тебя неопытным, упрямым и не заслуживающим

доверия. Сохраняй спокойствие, осмотрительность и благоразумие, а нам с Катбертом предоставь тебя защищать.

Филип почувствовал тревогу. Теперь ему предстояло научиться мыслить по-новому: взвешивать каждый шаг, постоянно думая о том, как он будет истолкован.

– Обычно, – в его голосе зазвучала нотка протеста, – меня заботит только то, как Бог оценивает мои поступки.

– Знаю, знаю, – нетерпеливо сказал Милиус. – Но не грех будет помочь людям увидеть твои действия в правильном свете.

Филип нахмурился.

Они покинули кухню и, миновав трапезную, оказались в часовне. Филип ужасно волновался. Нападки. Что это значит – нападки? Когда кто-то пытался его оболгать, он приходил в ярость. Как ему теперь реагировать? Сдерживаться, сохраняя достоинство? Но если так, повесят ли ему, не примут ли братья ту ложь за правду? Он решил предстать перед ними таким, каков он есть, разве что чуть более спокойным и рассудительным.

Часовня представляла собой небольшую круглую постройку, примыкающую к восточному входу в собор, скамьи там были расставлены концентрическими кругами. Огонь в помещении отсутствовал, и после кухни помещение показалось холодным. Свет проникал через высокие оконца, расположенные выше уровня глаз, и смотреть было вовсе некуда, разве что друг на друга.

Именно этим Филип и занялся. Здесь собрался почти весь монастырь: молодые и старые, высокие и низенькие, темноволосые и блондины – все в грубых домотканых шерстяных одеждах и кожаных сандалиях. Вот стоит смотритель гостевого дома – с пузцом и красным носом, свидетельствующим о его пороке, который мог бы быть простительным, если бы он на самом деле хоть когда-нибудь принимал гостей. А вот постельничий, заставлявший монахов менять одежду и бриться на Рождество и Троицу (мытьё рекомендовалось, но было не обязательным). Прислонившись к дальней стене, стоит самый старый из братьев – худой, задумчивый и невозмутимый старик с посеребренными сединой волосами, который говорит редко, но всегда по делу, и который, не будь он таким застенчивым, вполне мог бы стать приором. Тут же брат Симон с бегающими глазками и беспокойными руками, человек, так часто кающийся в непристойных поступках, что можно подумать, шепнул Милиус Филипу, ему доставляет удовольствие не столько грех, сколько покаяние. Уильям Бови на этот раз серьезен; брат Поль еле передвигает ноги; Белобрысый Катберт совершенно спокоен. Здесь же и Джон Малыш – тщедушный человечек, хранитель монастырской казны; и надзиратель Пьер, что вчера отказал Филипу в обеде. Оглядевшись, Филип заметил, что все они смотрят на него, и, смутившись, он опустил глаза.

Вошедшие Ремигиус и ризничий Эндрю сели подле Джона и Пьера. Ну что ж, эти братья явно не собирались скрывать, что они заодно.

Служба началась чтением жития Симеона Пустынника, ибо в тот день отмечался его праздник. Большую часть жизни этот отшельник провел на вершине столпа, совершая подвиг самоотречения, но что до оценки такого подвига, то у Филипа было к нему сложное отношение. Толпы людей стекались, чтобы посмотреть на столпника, но стремились ли и они возвыситься духовно или просто хотели поглазеть на чудака?

После молитвы состоялось чтение главы из книги Святого Бенедикта. Читать должен был Ремигиус, и, когда он, держа перед собой книгу, встал, Филип впервые взглянул на него глазами соперника. Живая, энергичная манера держаться и говорить придавала облику Ремигиуса цельность и завершенность. Между тем при более внимательном рассмотрении можно было заметить, что его выпученные голубые глазки беспокойно бегали, безвольный рот дрожал, а руки то и дело нервно сцеплялись, даже если внешне он оставался спокойным. Власть его зиждилась на высокомерии, нетерпимости и грубости по отношению к подчиненным.

Филип пытался понять, почему Ремигиус решил читать главу сам. Очень скоро ему все стало ясно.

– Первая ступень покорности – это безоговорочное послушание, – произнес помощник приора. Он выбрал для чтения главу пятую, посвященную послушанию, дабы напомнить всем о своем превосходстве. Это была тактика устрашения. Ремигиус хитрил. – Слуги Божьи живут не по своей воле и не идут на поводу у своих желаний и удовольствий, но следуют повелениям других и, пребывая в монастырях, покорно исполняют приказы своего аббата. Надо отбросить сомнения, ибо, как сказал Господь: «Я пришел, чтобы исполнить не свою волю, но волю Того, Кто послал Меня». – Как и ожидалось, Ремигиус гнул свою линию: в данный момент именно он представлял законную власть.

Затем наступил черед поминальной молитвы, и все монахи помолились за спасение души усопшего приора Джеймса. В конце службы обсуждались монастырские дела, признавались ошибки и выносились обвинения в недостойном поведении.

Ремигиус начал следующими словами:

– Вчера во время торжественной мессы был нарушен порядок.

Филип вздохнул с облегчением. Теперь он знал, откуда ждать нападения. Он не был уверен, что его действия верны, но знал, почему так поступил, и был готов защищаться.

– Сам я, – продолжал Ремигиус, – не присутствовал, меня удержали неотложные дела в доме приора, но ризничий поведал мне о случившемся.

Его перебил Белобрысый Катберт.

– Не стоит упрекать себя за это, брат Ремигиус, – сказал он примирительно. – Нам известно, что обычно монастырские дела не могут стоять выше божественной литургии, но мы понимаем, что смерть нашего возлюбленного приора заставила тебя заняться множеством вопросов, которые не входят в твои обязанности. Я уверен, все согласятся, что епитимья тут не нужна.

«Старый хитрый лис», – подумал Филип. Ведь Ремигиус и не собирался каяться. Однако Катберт дал всем понять, что тот действительно совершил проступок. Теперь, если Филип и будет обвинен, это лишь поставит его на одну доску с Ремигиусом. К тому же Катберт прозрачно намекнул и на то, что Ремигиусу трудно справляться с обязанностями приора. Всего несколькими добрыми с виду словами Катберт поставил под сомнение авторитет Ремигиуса. Помощник приора пришел в бешенство. Филип затрепетал в предчувствии своей победы.

Ризничий Эндрю метнул на Катберта неодобрительный взгляд.

– Уверен, никто из нас не стал бы упрекать нашего глубокоуважаемого помощника приора, – сказал он. – Проступок, о котором идет речь, совершил брат Филип из обители Святого-Иоанна-что-в-Лесу. Пока я вел службу, Филип набросился на молодого Уильяма Бови, оттащил его в южный придел и там сделал ему внушение.

Лицо Ремигиуса выражало сожаление и согласие.

– Все мы должны признать, что Филипу следовало бы подождать окончания службы.

Филип посмотрел на других монахов. Понять, каково их отношение к этим словам, было невозможно – они следили за происходящим с видом зрителей на поединке, где нет ни правых, ни виноватых; их интересовало только, кто победит.

Филип хотел было возразить: «Если бы я стал дожидаться, это безобразие продолжалось бы до конца службы», но вспомнил совет Милиуса и промолчал, а вместо него заговорил сам Милиус:

– Я тоже пропустил божественную литургию, что, к сожалению, случается часто, ибо ее служат прямо перед обедом. Брат Эндрю, не мог бы ты рассказать, что происходило на хорах перед тем, как брат Филип так поступил. Все ли было чинно и пристойно?

– Молодежь устроила возню, – угрюмо ответил ризничий. – Я собирался поговорить с ними об этом позже.

– Понятно, что ты смутно помнишь подробности – твои мысли были заняты службой, – добродушно произнес Милиус. – К счастью, у нас есть надзиратель, чья прямая обязанность – следить за порядком. Скажи нам, брат Пьер, что ты заметил.

Вид у надзирателя был враждебный.

– То же, что и ризничий.

– Тогда, – сказал Милиус, – мне кажется, нам придется спросить самого брата Филипа.

Филип был восхищен умом Милиуса. Ему удалось заставить ризничего и надзирателя признать, что они не видели, чем занимались во время мессы молодые монахи. Но хотя Филип и отдавал должное тонкому ходу Милиуса, самому ему претило участие в такой игре. Выборы приора – не состязание умов, а исполнение воли Божией. Он колебался. Милиус посмотрел на него взором, говорящим: «Ну же, твой шанс!» Но характер Филипа отличался упрямством, которое с особой силой проявлялось именно тогда, когда кто-нибудь пытался поставить его в сомнительное с точки зрения морали положение. Взглянув Милиусу в глаза, он произнес:

– Все было так, как описали братья.

Лицо Милиуса осунулось. Не веря своим ушам, он уставился на Филипа и открыл рот, явно не зная, что сказать. Филип сожалел, что подвел его. «Объяснюсь с ним после, – решил он, – когда успокоится».

Ремигиус уж было собрался повторить обвинения, но тут раздался чей-то голос:

– Я бы хотел покаяться.

Все обернулись к говорившему. Это был Уильям Бови, истинный виновник происшествия, который поднялся и, сгорая от стыда, заговорил тихим и чистым голосом:

– Я бросал в наставника комочками грязи и смеялся. Брат Филип пристыдил меня. Я молю Бога о прощении, а братьев прошу меня наказать, – и резко сел.

Прежде чем Ремигиус успел что-либо сказать, встал еще один юноша:

– Я хочу покаяться. Я делал то же самое. Прошу наказать и меня.

Признания вины посыпались одно за другим: тут же покаялся третий монах, затем четвертый, пятый.

Правда открылась помимо воли Филипа, и он не мог не чувствовать удовлетворения. Он увидел, что Милиус изо всех сил пытается скрыть победную улыбку: на глазах у ризничего и надзирателя случился маленький бунт.

Крайне раздосадованный Ремигиус постановил наказать виновных недельного молчания: им запрещалось говорить и никто не имел права к ним обращаться. Такое наказание было более суровым, чем могло представляться со стороны. Филип испытал его в ранней молодости. Даже один день безмолвия трудно перенести, а целую неделю – просто невыносимо.

Ремигиус таким образом дал выход своей злости. Раз уж они сознались, их надо было наказать, хотя этим он признавал правоту Филипа. Его нападки успехом не увенчались, и Филип праздновал победу.

Но поражение Ремигиуса не было полным.

– Есть еще один неприятный случай, который мы должны обсудить, – снова заговорил Катберт. – Он произошел сразу после торжественной мессы. – Филип не сразу сообразил, к чему он клонит. – Брат Эндрю обвинил брата Филипа в недостойном поведении. – «Верно, – подумал Филип, – все это знают». – Теперь, – продолжал Катберт, – ясно, что для подобных обвинений есть специальное место и время, как было заведено еще нашими предками. Утро вечера мудренее, обиды надо разбирать на следующее утро в атмосфере спокойствия и сдержанности, когда община своим коллективным разумом может решить проблему. Но, к сожалению, Эндрю пренебрег этим мудрым правилом и устроил сцену в храме, встревожив братьев невозддержанными речами. Оставить без внимания такое поведение – значит поступить несправедливо по отношению к наказанным молодым братьям.

«Блестяще придумано», – пронеслось в голове Филипа. Теперь вопрос относительно того, прав или виноват Филип, больше никогда не будет обсуждаться. Любая попытка поднять его немедленно обернулась бы осуждением самих обвинителей. Случилось так, как и должно было случиться, ибо в жалобах Эндрю на Филипа проявилось простое лицемерие. И вот теперь Катберт и Милиус дискредитировали Ремигиуса и двух его главных союзников – Эндрю и Пьера.

Обычно красная физиономия Эндрю сделалась пурпурной, а Ремигиус казался чуть ли не испуганным. Филип был доволен – они это заслужили, – но его беспокоило, что их унижение могло зайти слишком далеко.

– Не подобает молодым братьям обсуждать, какое наказание должны понести старшие, – сказал он. – Пусть помощник приора сам разберется с этим делом. – Взглянув вокруг, он увидел, что монахи одобряют его великодушие, и понял, что неосознанно еще больше упрочил свой авторитет.

Казалось, дело сделано. Симпатии собравшихся были на стороне Филипа, и он чувствовал, что завоевал голоса большинства сомневавшихся. Но тут раздался голос Ремигиуса:

– Должен обратить ваше внимание, братья, еще на одно обстоятельство.

Филип взглянул на лицо помощника приора. Оно выражало отчаяние и решимость. Он взглянул на ризничего и надзирателя и заметил, что они удивлены. Значит, происходило нечто незапланированное. Может, Ремигиус намеревался умолять братьев о поддержке?

– Большинство из вас знают, что епископ имеет право предлагать нам своих кандидатов, – начал он. – Епископ также может отказаться утвердить наш выбор. Такое разделение властей способно привести к спору между монастырем и его преосвященством, и старшие из нас знают это на собственном опыте. В конце концов, епископ не может заставить нас принять его кандидата, но и мы не должны настаивать на своем, а посему в случае возникновения конфликта он будет решаться путем переговоров. В таком случае исход в значительной мере зависит от вашей, братья, твердой позиции и вашего единства. Особенно единства.

Филип почуял недоброе. Ремигиус, подавив в себе ярость, вновь был спокоен и высокомерен. Филип все еще не понимал, что последует за этими словами, но его победное настроение улетучилось.

– Причиной, побудившей меня напомнить вам обо всем этом, послужили два известия, которые я узнал только сегодня, – продолжал Ремигиус. – Первое – от нас, похоже, будет больше одного претендента. – «Это всем известно», – подумал Филип. – И второе – епископ тоже назначит своего кандидата.

Наступило тягостное молчание. Эта новость встревожила обе соперничавшие стороны. Кто-то спросил:

– А знаешь ли ты, кого хочет предложить епископ?

– Знаю, – ответил Ремигиус, и Филип почувствовал, что он лжет. – Ставленником епископа будет брат Осберт из Ньюбери.

От изумления некоторые монахи даже рты раскрыли. Все были потрясены. Они прекрасно знали Осберта, который какое-то время служил в Кингсбридже надзирателем. Он был незаконным сыном епископа и рассматривал служение Богу исключительно как средство жить в праздности и достатке. Он и не пытался держать обеты, а лишь притворялся, целиком полагаясь на покровительство отца. Перспектива иметь такого приора ужасала даже сторонников Ремигиуса. Только смотритель гостевого дома да парочка его дружков, безнадежно погрязших в грехе, могли приветствовать назначение Осберта в предвкушении дальнейшего ослабления дисциплины.

– Братья, – напирал Ремигиус, – если мы назовем двух претендентов, епископ может сказать, что у нас нет единства и мы не можем прийти к согласию, а посему он должен решить за нас, и тогда нам придется согласиться с его выбором. Если мы не хотим допустить избрания

Осберта, нам следует выдвинуть единого кандидата, и кроме всего прочего, это должен быть человек, которого трудно упрекнуть в том, что он, к примеру, слишком молод или неопытен.

Послышался гул одобрения. Всего минуту назад Филип был уверен в своей победе, но она от него ускользнула. Теперь все монахи приняли сторону Ремигиуса, видя в нем наиболее надежного кандидата, человека, способного объединить братьев, дабы противостоять Осберту. Филип не сомневался, что насчет последнего Ремигиус солгал, но это уже не имело значения. Напуганные монахи наверняка поддержат Ремигиуса, а это означало, что Кингсбриджский монастырь ожидала незавидная участь.

Не успели братья опомниться, как помощник приора подвел черту:

– А сейчас давайте разойдемся и будем думать и молить Господа Бога, чтобы Он наставил нас на путь истинный. – Реминиус встал и вышел в сопровождении Эндрю, Пьера и Джона, выглядевших ошарашенными, но довольными.

Как только они удалились, все разом заговорили.

– Не думал, что Ремигиус способен выкинуть такой номер, – сказал Милиус.

– Уверен, что он лжет, – с горечью отозвался Филип.

Подошедший к ним Катберт слышал слова Филипа.

– Какая разница, лжет он или нет? Достаточно пригрозить.

– В конечном итоге правда обнаружится, – не унимался Филип.

– Не обязательно, – покачал головой Милиус. – Предположим, епископ не станет выдвигать Осберта. Ремигиус тут же заявит, что епископ отступил перед единой волей монастыря.

– Я не собираюсь сдаваться, – упрямо сказал Филип.

– Но что еще мы можем сделать?! – воскликнул Милиус.

– Мы должны узнать правду.

– Это невозможно.

Филип мучительно искал выход.

– А почему мы не можем просто спросить? – сказал он.

– Спросить? Что ты имеешь в виду?

– Спросить епископа, что он собирается делать.

– Но как?

– Пошлем в епископский дворец письмо, – вслух размышлял Филип. Он посмотрел на Катберта. Тот пребывал в задумчивости.

– Это можно. Я то и дело посылаю гонцов. Одного могу послать и во дворец.

– Спросить епископа о его намерениях, – скептически заметил Милиус.

Филип нахмурился.

– Епископ нам ничего не скажет, – согласился с Милиусом Катберт.

Внезапно Филипа осенило, и, найдя решение, он взволнованно ударил кулаком о ладонь.

– Верно! – сказал он. – Епископ не скажет. А архидиакон скажет.

В ту ночь Филипу снился брошенный младенец, которого они называли Джонатаном. Ребенок лежал на паперти часовни обители Святого-Иоанна-что-в-Лесу, и Филип служил в ней заутреню, когда из чащи вынырнул волк и крадучись стал пробираться к малышу через поляну. Филип боялся пошевелинуться, чтобы не нарушить торжественный ход службы и не вызвать нареканий со стороны присутствовавших там Ремигиуса и Эндрю (хотя на самом деле ни один из них не бывал в его обители). Он хотел закричать, но, как ни старался, из раскрытого рта не вырывалось ни звука. Наконец он сделал такую отчаянную попытку, что проснулся. Дрожа всем телом, Филип лежал в темноте и слушал дыхание спящих монахов. Не сразу он понял, что увиденное было лишь сном.

С тех пор как Филип добрался до Кингсбриджа, он ни разу не вспомнил о Джонатане. Он принялся думать, как поступит с малышом, если станет приором. Тогда все будет иначе. Мла-

денец, живущий в маленьком, затерянном в лесу монастыре, не привлекает особого внимания. Если же его привезти в Кингсбридж, это вызовет переполох. С другой стороны, что в том плохого? А люди пусть чешут языки. Будь Филипп приором, он был бы волен поступать, как заблагорассудится: мог бы взять в Кингсбридж Джонни Восемь Пенсов, чтобы тот ухаживал за малюткой. Эта мысль ему чрезвычайно понравилась. «Я непременно так и сделаю», – подумал было Филипп, но тут же вспомнил, что, скорее всего, стать приором ему не удастся.

Дрожа как в лихорадке, он до рассвета лежал с открытыми глазами. Помочь себе он уже ничем не мог. Говорить с монахами было бесполезно, ибо страх перед Осбертом затмил их разум. Некоторые из них даже подходили к Филиппу и, словно выборы уже состоялись, выражали свое сочувствие по поводу его поражения. Ему стоило немалых усилий сдерживаться и не называть их продажными трусами. Он лишь улыбался в ответ и говорил, что всякое еще может случиться. Но его вера была поколеблена. Может статься, архидиакона Уолерана не окажется в епископском дворце или он будет там, но по каким-либо причинам не захочет раскрывать перед Филиппом планы епископа, или – что наиболее вероятно, принимая во внимание характер архидиакона, – у него на этот счет имеются собственные соображения.

Когда забрезжил рассвет, Филипп вместе с другими монахами встал и отправился в церковь на заутреню. Зайдя в трапезную, он намеревался позавтракать, но Милиус перехватил его и незаметно поманил на кухню. Нервы Филиппа были напряжены. Должно быть, гонец уже вернулся. Как скоро! Наверное, он сразу же получил ответ и еще вчера пустился в обратный путь. Даже если так, все равно странно. Едва ли в монастырской конюшне есть хоть одна лошадь, способная с такой скоростью совершить это путешествие. Но каков же ответ?

Но на кухне его поджидал не гонец, а сам архидиакон Уолеран Бигод.

Изумленный Филипп уставился на него. Худой, в черном архидиаконском облачении, тот сидел на табуретке, словно ворон на старом пне. Кончик длинного носа покраснел от холода. Чаша горячего вина согревала его белые костлявые руки.

– Хорошо, что ты приехал! – выпалил Филипп.

– Я рад, что ты написал мне, – невозмутимо сказал Уолеран.

– Это правда? – нетерпеливо спросил Филипп. – Епископ назначит Осберта?

Уолеран поднял руку:

– Я разберусь. Катберт как раз рассказывает мне о вчерашних событиях.

Филипп постарался не показывать, что разочарован, не получив прямого ответа. Он изучал лицо архидиакона, пытаясь прочесть его мысли. Определенно у Уолерана были собственные планы, но что это за планы, догадаться он не мог.

Катберт, которого Филипп сначала не заметил, сидел у огня, макая черствый хлеб в пиво, чтобы размочить его для своих старых зубов, и излагал подробности вчерашней службы. Филипп нервно ерзал, пытаясь угадать цель визита Уолерана. Он взял было кусочек хлеба, который оказался слишком черствым, затем, чтобы хоть чем-то занять руки, выпил несколько глотков разбавленного пива.

– Таким образом, – подвел наконец черту Катберт, – единственное, что нам оставалось, – это выяснить действительные намерения епископа. К счастью, Филипп решился воспользоваться своим знакомством с тобой, и мы направили тебе письмо.

– Ну, теперь ты можешь ответить на наш вопрос? – нетерпеливо спросил Филипп.

– Да, могу. – Уолеран поставил чашу, так и не отведав вина. – Епископ хотел бы, чтобы его сын стал приором Кингсбриджа.

У Филиппа замерло сердце.

– Значит, Ремигиус сказал правду.

– Однако, – продолжал Уолеран, – епископ не хочет ссориться с монахами.

Филипп нахмурился. Это было весьма похоже на то, что предсказывал Ремигиус, но что-то здесь все-таки не так.

– Но ведь ты проделал весь этот путь не для того, чтобы сказать нам это.

Уолеран с уважением взглянул на Филипа, и тот понял, что его догадка верна.

– Да, – произнес архидиакон. – Епископ поручил мне изучить настроение монахов. И уполномочил меня сделать назначение от его имени. Епископская печать при мне, и я вправе написать указ о назначении, который станет официальным, обязательным для выполнения документом.

Филип обдумывал услышанное. Уолеран был уполномочен издать указ о назначении и скрепить его епископской печатью. Это означало, что решение вопроса о новом приоре епископ отдал в руки Уолерана, который сейчас говорил от его имени.

Филип глубоко вздохнул и сказал:

– Ты согласен с тем, что только что говорил Катберт: назначение Осберта вызовет ссору, которой епископ хотел бы избежать?

– Да, я это понимаю, – ответил Уолеран.

– Значит, ты не назначишь Осберта?

– Нет.

Этому известию монахи будут так рады, что с готовностью проголосуют за любого, кого только предложит Уолеран.

– Тогда кого же?

– Тебя... – сказал архидиакон, – или Ремигиуса.

– Способности Ремигиуса управлять монастырем...

– Я знаю его способности, – перебил Филипа Уолеран, снова подняв свою белую руку, – и твои тоже. Я знаю, кто из вас мог бы стать лучшим приором. – Он замолчал на время. – Но дело не в этом.

«Что еще?» – недоумевал Филипп. Что еще обсуждать, если не вопрос о том, кто может стать лучшим приором? Он посмотрел на присутствовавших. Милиус также был заинтригован, а по лицу Катберта пробежала легкая улыбка, словно ему было известно, что к чему.

– Как и ты, – сказал Уолеран, – я озабочен тем, чтобы столь важные посты в нашей Церкви занимали энергичные и способные люди, независимо от возраста, и чтобы эти посты не передавались в качестве награды за долгую службу старикам, чья набожность гораздо выше, чем способность управлять.

– Конечно, – поспешно кивнул Филипп, считая эту лекцию не вполне уместной.

– А посему вы трое и я должны действовать сообща.

– Не понимаю, к чему ты клонишь, – заговорил Милиус.

– А я понимаю, – заметил Катберт.

Уолеран улыбнулся ему и вновь повернулся к Филиппу.

– Буду откровенным, – сказал он. – Сам епископ уже стар. Наступит день, когда он умрет и нам понадобится новый епископ, так же, как сегодня нам нужен новый приор. Монахи Кингсбриджа будут избирать его, ибо епископ Кингсбриджский одновременно является аббатом монастыря.

Филипп насупился. Все это к делу не относилось. Они выбирали приора, а не епископа.

Но Уолеран продолжил:

– Конечно, у монахов не будет полной свободы выбора, так как и у архиепископа, и у короля могут быть свои виды, но, в конце концов, именно монахи утверждают такое назначение. И когда придет время, вы трое сможете повлиять на это решение.

Катберт кивал, словно его догадка подтвердилась, но и до Филиппа начало доходить, о чем говорил архидиакон.

– Ты хочешь, чтобы я сделал тебя приором Кингсбриджа. А я хочу, чтобы ты сделал меня епископом, – закончил Уолеран.

Вот в чем дело!

Не говоря ни слова, Филип смотрел на Уолерана. Все оказалось очень просто: архидиакон хотел заключить сделку.

Филип был потрясен. Конечно, это не совсем то, что покупка или продажа духовного сана, но и здесь чувствовалось что-то неприятное, торгашеское.

Он постарался трезво взглянуть на предложение Уолерана. Он станет приором! При этой мысли его сердце учащенно забилося. Ему не хотелось думать ни о чем другом.

Возможно, в какой-то момент Уолеран сделается епископом. Какой из него выйдет епископ? Конечно же, весьма авторитетный. Похоже, у него нет серьезных недостатков. Возможно, он слишком по-светски, практично подходит к служению Господу, но тогда это же можно сказать и о Филипе. Однако Филип чувствовал, что, в отличие от него, Уолеран мог быть довольно жестоким, но он также чувствовал, что жестокость эта была вызвана решимостью архидиакона защищать и лелеять интересы Церкви.

Кто еще мог бы претендовать на епископское кресло, когда епископ умрет? Вполне вероятно, Осберт. Случаи, когда, несмотря на официальное требование к священникам соблюдать обет безбрачия, духовный сан переходил от отца к сыну, были отнюдь не редки. Разумеется, будучи епископом, Осберт принесет Церкви гораздо больше вреда, чем в качестве приора. Поэтому стоило поддержать даже и худшего, чем Уолеран, кандидата, лишь бы быть уверенным, что Осберт не станет епископом.

А другие претенденты? Бесполезно гадать. Возможно, пройдут годы, прежде чем старый епископ отойдет в лучший мир.

– Мы не можем гарантировать, что ты будешь избран, – сказал Катберт Уолерану.

– Я знаю, – отозвался тот. – Я только прошу, чтобы вы назвали меня кандидатом. Соответственно то же самое я предлагаю взамен.

Катберт кивнул.

– На это я согласен, – торжественно произнес он.

– И я тоже, – сказал Милиус.

Двое монахов и архидиакон посмотрели на Филипа. Терзаемый сомнениями, он колебался, понимая, что негоже так выбирать епископа, но сейчас в руках Уолерана находилась судьба монастыря. Может быть, неправильно выменивать одну церковную должность на другую – это не базар, – но если он откажется, Ремигиус станет приором, а Осберт – епископом!

Однако разумные доводы сейчас казались слишком абстрактными. Он не мог устоять перед желанием стать приором, несмотря на все «за» и «против». Он вспомнил, как молился накануне Богу и как поведал ему о своем намерении бороться за это место. Сейчас он снова поднял к небесам глаза и в мыслях своих обратился к Всевышнему: «Но, Господи, если не желаешь ты, чтобы сие случилось, сделай неподвижным мой язык, и сомкни мои уста, и сдержи дыхание мое, и пусть онемею я».

Затем он посмотрел на Уолерана и сказал:

– Я согласен.

Кровать приора имела гигантские размеры, в три раза шире любой из тех, на которых когда-либо приходилось спать Филипу. Деревянное ложе находилось на высоте в половину человеческого роста, а сверху лежал пуховый матрас. Чтобы уберечь спящего от сквозняков, кровать была задрапирована пологом, на котором терпеливыми руками набожных женщин были вышиты сцены из библейской жизни. Филип смотрел на ложе не без опаски. Даже то, что у приора была собственная спальня, казалось ему излишней расточительностью – сам он никогда не имел своей спальни, – а сегодня впервые будет спать один. Но такая кровать – это уж слишком. Он бы предпочел матрас, набитый соломой, как в общей опочивальне, а этой кровати место в больнице, где на ней смогли бы упокоить свои старые кости больные монахи. Правда, по-настоящему эта кровать предназначалась не для Филипа. Когда в монастыре оста-

новится особо знатный гость – епископ, лорд или даже сам король, – он займет эту спальню, а приор найдет себе местечко где-нибудь еще. Так что избавиться от нее Филипу будет не с руки.

– Сегодня ты выступишь наконец, – сказал Уолеран не без некоторой неприязни.

– Надеюсь, что да, – с сомнением ответил Филип.

Все произошло очень быстро. Там же, на кухне, Уолеран написал послание, в котором монахам приказывалось незамедлительно провести выборы, а кандидатом назывался Филип. Это послание он подписал именем епископа и скрепил его епископской печатью. Затем все четверо отправились в часовню.

Как только Ремигиус их увидел, он понял, что борьба проиграна. Уолеран зачитал послание, а когда прозвучало имя Филипа, монахи радостно приветствовали его. У Ремигиуса хватило ума отказаться от голосования и признать свое поражение.

И Филип стал приором.

Конец службы Филип провел словно в бреду, а затем направился через лужайку к дому приора, располагавшемуся в юго-восточной части монастыря, дабы вступить во владение своей резиденцией.

Увидев кровать, он понял, что жизнь его изменилась окончательно и бесповоротно. Теперь он стал другим, особенным, и от других монахов его многое отделяло. Он получил власть и привилегии. Но и ответственность. Он один должен был сделать так, чтобы эта маленькая монастырская община не просто смогла выжить, но начала процветать. Если они будут голодать, то по его вине; если предадутся пороку, ответственным за это будет он; если они опозорят святую Церковь, Бог спросит с него. Но Филип отдавал себе отчет, что сам и взвалил на себя это бремя и теперь должен его нести.

Первым делом следовало собрать монахов в церкви и отслужить торжественную мессу. Был двенадцатый день Рождества, праздник Крещения Господня. На службу придут жители Кингсбриджа и множество народу из окрестных селений. Отремонтированный кафедральный собор с крепкой монашеской общиной и зрелищными богослужениями мог бы привлечь тысячу людей и даже больше. Даже сейчас сюда съедутся многие местные дворяне, так как служба – это еще и возможность встретиться с соседями, поговорить о делах.

Но прежде Филипу нужно было поговорить с Уолераном.

– Те сведения, что я тебе передал... – начал он, когда они остались одни. – О графе Ширинге...

– Я не забыл, – кивнул архидиакон, – они могут оказаться поважнее, чем вопрос о том, кто станет приором или епископом. Граф Бартоломео уже прибыл в Англию. Завтра его ожидают в Ширинге.

– И что ты собираешься делать? – с тревогой спросил Филип.

– Попробую использовать сэра Перси Хамлея. Честно говоря, я надеюсь, что он будет сегодня в храме.

– Слышал о нем, но никогда не видел.

– Толстый лорд с безобразной женой и довольно привлекательным сыном. Жену-то ты не пропустишь – она как бельмо на глазу.

– Почему ты думаешь, что они встанут на сторону короля Стефана?

– Они страстно ненавидят графа Бартоломео.

– За что?

– Их сынок, Уильям, посватался к графской дочери, но она ему отказала, и свадьба расстроилась. Хамлеи чувствуют себя оскорбленными и готовы при малейшей возможности отплатить Бартоломео.

Филип удовлетворенно кивнул. Он был рад, что его это больше не касалось, – у него хватало забот в Кингсбриджском монастыре. А мирскими делами пусть занимается Уолеран.

Они вышли из дома и направились к церкви. Монахи уже ждали. Филипп занял свое место во главе, и процессия двинулась.

Наступил волнующий момент, когда он вошел в церковь под пение шедших за ним монахов. Он думал о том, что новое положение символизирует власть, данную ему, дабы творить добро, и душа его трепетала. Жаль, его не видел аббат Питер из Гуинедда – старик был бы за него горд.

Он провел монахов на хоры. Особо торжественные мессы, такие, как эта, нередко служились самим епископом. Сегодня ее проведет архидиакон Уолеран. Как только Уолеран начал, Филипп пробежал глазами по толпе прихожан, пытаясь отыскать семью, о которой ему рассказал архидиакон. В центральной части собора стояли около ста пятидесяти человек: те, что побогаче, в тяжелых зимних плащах и добротной кожаной обуви, а простые крестьяне в грубых куртках и валяной или деревянной обуви. Найти Хамлеев было проще простого. Они стояли в первых рядах, неподалеку от алтаря. Сначала Филипп увидел леди Хамлей. Уолеран не преувеличивал – вид у нее был действительно отталкивающий. Несмотря на поднятый капюшон, можно было разглядеть большую часть ее лица, покрытого отвратительными фурункулами, которые она беспрестанно трогала своими нервными руками. Рядом с ней стоял грузный мужчина лет сорока – очевидно, Перси. Его одежда свидетельствовала, что этот человек весьма богат и обладает властью, хотя и не принадлежит к высшей аристократии. Их сын прислонился к одной из массивных колонн нефа. Это был статный молодой человек с ярко-желтыми волосами и узкими надменными глазами. Женитьба на дочери графа позволила бы Хамлеям перешагнуть черту, отделявшую мелкопоместное дворянство от знати. Ничего удивительного, что они пришли в ярость из-за несостоявшейся свадьбы.

Филипп вновь сосредоточился на службе. На его взгляд, Уолеран вел ее, быть может, чуть скорее, чем следовало. Филипп вновь спросил себя, правильно ли поступил, согласившись поддержать кандидатуру Уолерана на пост нового епископа, когда нынешний умрет. Уолеран был человеком знающим, но, похоже, он недооценивал значения религиозных обрядов. Ведь процветание и могущество Церкви в конечном счете лишь средства для достижения главной цели – спасения человеческих душ. Однако Филипп решил, что не стоит особенно беспокоиться по поводу Уолерана. Дело сделано, и – кто знает? – старый епископ, возможно, разрушит честолюбивые планы архидиакона и проживет еще лет двадцать.

Прихожане вели себя шумно. Никто не знал слов богослужения, и лишь священники да монахи принимали в нем участие, остальные лишь подхватывали наиболее знакомые фразы да восклицали: «Аминь!» Одни в благоговейном молчании следили за службой, другие слонялись по храму, приветствуя друг друга и переговариваясь. «Это простые люди, – сказал себе Филипп, – и ты должен что-то сделать, чтобы привлечь их внимание».

Месса тем временем подошла к концу, и архидиакон Уолеран обратился к собравшимся: – Большинство из вас знает, что возлюбленный наш приор Кингсбриджский скончался. Его тело покоится здесь, в соборе, и будет погребено на монастырском кладбище сегодня вечером. Епископ и монахи избрали его преемника. Им стал брат Филипп из Гуинедда.

Он замолчал, и Филипп поднялся, чтобы вывести процессию из храма. Но Уолеран вновь заговорил:

– У меня есть для вас еще одно печальное известие.

Удивленный Филипп снова сел.

– Я только что получил письмо, – продолжал Уолеран.

Не получал он никаких писем. Это Филипп знал точно, поскольку утро они провели вместе. Что на этот раз задумал хитрый архидиакон?

– В этом письме говорится о потере, которая до глубины души вас огорчит. – Он снова сделал паузу.

Кто-то умер, но кто? Видно, Уолеран знал об этом еще до своего приезда, но держал в секрете, а теперь притворился, будто только что получил известие. Но почему?

Филип мог предположить только одно, и, если его подозрение верно, значит, Уолеран – человек гораздо более честолюбивый и вероломный, чем можно было вообразить. Неужели он обвел их вокруг пальца? Неужели Филип оказался простой пешкой в игре архидиакона?

Заключительные слова Уолерана подтвердили эту догадку.

– Горячо любимый епископ Кингсбриджский, – торжественно произнес он, – отошел в лучший мир.

Глава 3

I

– И эта сучка там будет, – шипела мать Уильяма, – я в этом уверена.

Уильям взглянул на маячивший вдали фасад Кингсбриджского собора со смешанным чувством страха и желания. Если леди Алина будет присутствовать на крещенской службе, всем им придется испытать болезненное смущение. Тем не менее его сердце учащенно забилося при мысли, что он снова ее увидит. Они рысью приближались к Кингсбриджу – Уильям и его отец на боевых конях, а мать на прекрасном жеребце.

За ними ехали три рыцаря и три конюха. Все вместе они составляли внушительный и грозный отряд, и Уильяму было это приятно. Шедшие по дороге крестьяне отскакивали в сторону перед их могучими конями, а мать все продолжала кипятиться.

– Всем известно, даже этим презренным рабам, – бубнила она сквозь слезы. – Они к тому же смеются над нами: «Когда невеста не невеста? Когда жених Уилька Хамлей!» Ну, выпорола я одного, не помогло. Добраться бы до этой суки! Я бы с нее с живой сняла шкуру и повесила на гвоздь, а саму ее бросила бы воронам.

Уильяму не хотелось, чтобы она продолжала. Семья опозорена, по его вине, – так считала мать, – но он не желал, чтобы ему об этом напоминали.

Они прогрохотали по расшатанному мосту и, хлестнув коней, устремились вверх по улице, ведущей к монастырю. Возле кладбища, к северу от собора, два-три десятка коней уже щипали редкую травку, но ни один не мог сравниться с конями Хамлеев. Подъехав к конюшне, они оставили своих красавцев на попечение монастырских конюхов.

Затем они проследовали через лужайку в том же порядке, в каком ехали: Уильям и его отец по обе стороны от матери, за ними рыцари, а замыкали шествие стремянные. Люди перед ними расступались, но Уильям, видя, как они подталкивают друг друга локтями и кивают, был уверен, что они сплетничают по поводу несостоявшейся свадьбы. Он рискнул украдкой взглянуть на мать и по бешеному выражению глаз понял, что мысли ее заняты тем же самым.

Они вошли в церковь.

Уильям ненавидел церкви. Даже в солнечную погоду в них было холодно и сумрачно, а в темных углах и низких проходах стоял затхлый запах. Но что хуже всего, церкви навевали на него мысли об адских мучениях, а ада он боялся.

Он окинул взглядом собравшихся. Вначале лица были едва различимы в полумраке, но через несколько минут глаза привыкли, однако Алины он не увидел. Они прошли боковым нефом, и он решил, что ее здесь нет. Уильям почувствовал одновременно облегчение и сожаление. И тут увидел ее, и его сердце замерло.

Алина стояла в южной части нефа, неподалеку от алтаря, а рядом с ней находился неизвестный Уильяму рыцарь. Они были окружены стражниками и фрейлинами. Уильям увидел ее со спины, но он знал, что эта копна темных выующихся волос могла принадлежать только ей. Она обернулась, и он смог разглядеть ее нежную щеку с ямочкой и гордый прямой нос. Ее почти черные глаза встретились с глазами Уильяма. Он затаил дыхание. Эти темные глаза – и без того большие – сделались еще больше, когда она увидела его. Он хотел было притвориться, будто не заметил ее, но не нашел в себе сил отвести взгляд. О, если бы она ему улыбнулась! Хотя бы незаметным движением уголков своих пухленьких губ – из вежливости, не более того. Он слегка наклонил голову – скорее кивнул, чем поклонился. Лицо Алины окаменело, и она отвернулась.

Уильям поморщился, словно от боли. Он чувствовал себя собакой, которую пинком убрали прочь с дороги, и теперь ему захотелось забиться в угол, подальше от посторонних глаз. Он посмотрел по сторонам, желая убедиться, что никто не заметил, как они обменялись взглядами. Продвигаясь вместе с родителями вдоль прохода, он видел, как прихожане, подталкивая друг друга и перешептываясь, посматривают то на него, то на леди Алину, то снова на него. Он сделал над собой усилие, стараясь идти с высоко поднятой головой и притворяясь, будто никого не замечает. «Да как она смела так поступить с нами? – думал он. – Ведь мы одно из достойнейших семейств Южной Англии, а она заставила нас почувствовать себя ничтожествами». При этой мысли он пришел в бешенство, его так и подмывало вытащить меч и наброситься на кого-нибудь.

Шериф Ширинга поздоровался с отцом Уильяма, и люди перестали обращать на них внимание, в поисках новых объектов для сплетен. Уильям все еще кипел. Молодые дворяне бесконечной вереницей подходили к Алине и раскланивались. Им она с готовностью улыбалась.

Началась служба. «Почему все получилось из рук вон плохо?» – недоумевал Уильям. У графа Бартоломео был сын, который наследует его титул, поэтому единственное, что могла дать дочь, – возможность заключить выгодный союз. Алина в свои шестнадцать явно не была расположена коротать век в монастыре, значит, само собой разумелось, что она будет рада выйти замуж за богатого девятнадцатилетнего дворянина. В конце концов политические соображения могли заставить Бартоломео выдать дочь за жирного, страдающего подагрой сорокапятилетнего графа или лысого лорда лет шестидесяти.

Посватавшись к дочери графа и получив согласие, Уильям и его родители растрезвонили об этом по всей округе. Знакомство Уильяма с невестой рассматривалось всеми как чистая формальность – кроме самой Алины.

Вообще-то, они были знакомы. Он помнил ее озорной маленькой девочкой с курносым носиком и коротко стриженными непослушными волосами. Своенравная, упрямая, задиристая и бесстрашная Алина становилась заводилой в ребячьих играх, сама решала, во что играть и кто в какой команде, разнимала ссоры и вела счет. Уильям был очарован ею, хотя и завидовал ее преимуществу в играх и нередко перехватывал инициативу, пытаясь затеять потасовку, но надолго его не хватало, и в конце концов она снова брала игру в свои руки, заставляя его чувствовать себя одураченным, проигравшим, униженным, разозленным... и замороженным. Так случилось и на этот раз.

После того как умерла ее мать, Алина много путешествовала с отцом, и Уильям встречал ее гораздо реже. Однако достаточно часто, чтобы заметить, что она превращается в восхитительную, неотразимую молодую девушку, и, когда ему сказали, что она станет его невестой, он почувствовал себя счастливым. Он был уверен в том, что, нравится он ей или нет, Алина выйдет за него, и продолжал искать встречи с ней, намереваясь сделать все возможное, чтобы дорога к алтарю была гладкой.

Очевидно, она была девственница. У него же имелся интимный опыт. Некоторые девицы, из тех, что он окрутил, выглядели почти так же мило, как Алина. Но ни одна из них не имела благородного происхождения. Девицы не могли устоять, глядя на его прекрасные одежды и горячих коней, на то, как небрежно он тратил деньги на сладкое вино и ленты. И коли уж ему удавалось заманить какую в сарай, обычно она более или менее охотно ему отдавалась.

С девушками Уильям обращался весьма бесцеремонно, поначалу делая вид, будто не испытывает к ним особого интереса. Но когда очутился наедине с Алиной, он не смог разгрызть безразличие. На ней было ярко-голубое шелковое платье свободного покроя, и единственное, о чем он мог думать в тот момент, это о теле, что скрывалось под ним, теле, которое очень скоро сможет видеть обнаженным, когда ему заблагорассудится. Он застал ее за чтением книги. Это занятие было свойственно благородным светским дамам. Уильям спросил, что это за книга, пытаясь не думать о том, как под голубым шелком колышутся ее груди.

– «Роман об Александре». Это о царе по имени Александр Великий, о том, как он завоевал дивные страны Востока, где на виноградных лозах растут драгоценные камни, а растения могут разговаривать.

Уильям и представить себе не мог, что кому-то нравится тратить время на такие глупости, но промолчал. Он принялся рассказывать ей о своих лошадях, собаках и успехах в охоте, о состязаниях по борьбе и рыцарских поединках. Однако это не произвело на нее впечатления. Тогда он заговорил о доме, который строил для них его отец и, чтобы было легче подготовиться к тому времени, когда Алина станет управлять хозяйством, в общих чертах описал, каким ему видится их будущее жилище. Уильям чувствовал, что его слова все меньше привлекают ее внимание, хотя и не понимал, почему. Он подсел к ней как можно ближе и хотел было обнять ее, чтобы убедиться, действительно ли эти сиськи такие большие, какими он их воображал, но Алина отпрянула, прижав к себе руки и скрестив ноги, и бросила на него такой грозный взгляд, что он вынужден был оставить свою затею и утешиться мыслью, что скоро сможет делать с ней все, что захочет.

Однако пока они находились вдвоем, Алина и виду не подала, что может передумать.

– Мне кажется, мы не очень подходим друг другу, – спокойно сказала она, но он воспринял ее слова как проявление очаровательной скромности и заверил, что она-то очень ему подходит. Уильям не мог себе представить, что, едва он покинет дом, Алина ворвется к отцу и заявит, что ни за что на свете не выйдет за него замуж и лучше уйдет в монастырь, а если ее потащат к алтарю в цепях, супружеской клятвы от нее все равно не добьются. «Сука, – думал Уильям. – Ну и сука». Но в этих словах не было злобы, что звучала в словах матери. Он вовсе не хотел сдирать с живой Алины кожу, он мечтал лежать на ее горячем теле и целовать ее губы.

Крещенская служба закончилась объявлением о кончине епископа. Уильям надеялся, что эта новость отодвинет на второй план разговоры о его несостоявшейся женитьбе. Процессия монахов покинула храм, и его своды наполнились шумом голосов направлявшихся к выходу прихожан. Многие из них были связаны с епископом не только духовно, но и материально – одни арендовали его земли, другие работали на него по найму, – и всех интересовало, кто станет его преемником и намерен ли этот преемник что-либо менять. Смерть господина всегда чревата неприятностями для находившихся под его властью людей.

Следовавший за своими родителями Уильям был немало удивлен, увидев идущего им навстречу архидиакона Уолерана. Тот лавировал в толпе прихожан, словно большой черный пес в стаде пасущихся коров; и, подобно коровам, люди обеспокоенно поглядывали на него и спешили уступить дорогу. Он шел, делая вид, будто не замечает крестьян, местных же дворян удостаивая двумя-тремя словами. Подойдя к Хамлеям, Уолеран поздоровался с Перси и, не взглянув на Уильяма, заговорил с матерью:

– Какой позор с этой свадьбой!

Уильям вспыхнул. Разве этот дурак не понимает, что подобное соболезнавание звучит неприлично?

Мать не больше Уильяма была расположена говорить на эту тему.

– Я не из тех, кто держит на других злобу, – сказала она.

Уолеран пропустил ее слова мимо ушей.

– Я узнал о графе Бартоломео кое-что такое, что может вас заинтересовать. – Он понизил голос, чтобы не быть услышанным посторонними, и Уильяму пришлось напрячь слух. – Похоже, граф не собирается изменять своей клятве покойному королю.

– Бартоломео всегда был упрямым лицемером, – сказал Перси Хамлей.

Уолеран поморщился. Он хотел, чтобы они слушали, а не комментировали.

– Бартоломео и граф Роберт Глостер не признают короля Стефана, которого, как вам известно, поддерживают Церковь и лорды.

Уильям не мог понять, почему архидиакона так волнует ссора при дворе. Эта же мысль занимала и его отца.

– Но эти два графа не смогут ничего сделать, – вставил он.

Однако мать Уильяма заинтересовалась словами Уолерана.

– Да подожди ты! – зашипела она на мужа.

– Мне известно, – проговорил архидиакон, – что они собираются поднять мятеж и посадить на трон Мод.

Уильям не поверил своим ушам. Здесь, под сводами Кингсбриджского собора, своим тихим спокойным голосом Уолеран сделал страшное, безрассудное заявление, за которое могут повесить, неважно, правда это, или нет.

Отец тоже до смерти перепугался, мать же задумчиво произнесла:

– Роберт Глостер – единокровный брат Мод... В этом что-то есть.

Как она могла столь невозмутимо рассуждать о таком страшном известии! Но мать была очень умной женщиной и почти никогда не ошибалась.

– Тот, кто сумел бы избавить нас от графа Бартоломео и предотвратить бунт, – продолжал архидиакон, – заслужил бы вечную благодарность короля Стефана и святой матери Церкви.

– В самом деле?! – изумился отец Уильяма, а мать понимающе кивнула.

– Ожидается, что завтра Бартоломео вернется домой. – При этих словах Уолеран кого-то увидел и, еще раз взглянув на мать Уильяма, поспешно закончил: – Я думаю, вас, как никого другого, это должно заинтересовать.

Он пошел прочь, а Уильям уставился ему вслед. Неужели это действительно все, что он хотел сказать?

Родители Уильяма двинулись к выходу, и, последовав за ними, он вышел через массивную дверь на открытый воздух. Все трое молчали. Уильям уже вдоволь наслушался разговоров по поводу того, кто же станет королем, но, когда за три дня до Рождества в Вестминстерском аббатстве короновали Стефана, решил, что дело это уже окончательно решенное. Если Уолеран сказал правду, это не совсем так. Но почему он обратился именно к ним?

Через лужайку семейство направилось к конюшне. Едва толпа осталась позади, отец взволнованно сказал:

– Какой счастливый случай – тот человек, что нанес оскорбление нашей семье, уличен в государственной измене!

Уильям не вполне понимал, почему это счастливый случай, однако мамаша, очевидно, что-то смекнула, в знак согласия кивнув головой.

– Мы можем схватить его и повесить на первом же дереве, – продолжал отец.

Об этом Уильям не подумал, но теперь и ему стало ясно. Если Бартоломео предатель, он заслуживает смерти.

– Теперь-то мы отомстим! – воскликнул он. – И вместо наказания получим за это награду от самого короля! Хамлеи снова смогут держать головы высоко поднятыми и...

– Глупцы, – с внезапной злобой прошипела мать. – Вы просто слепые, безмозглые идиоты. Собрались повесить Бартоломео на первом же дереве. Хотите, скажу, что будет потом?

Они не ответили. Самое разумное – помалкивать, когда мать в таком настроении.

– Роберт Глостер, – сказала она, – начнет отпираться, упадет на грудь королю Стефану и поклянется в любви и преданности, и на том все кончится, если не считать того, что вас обоих вздернут на виселице.

Уильям задрожал. Перспектива быть повешенным приводила его в ужас. Такое только в дурном сне может присниться. Однако он понимал, что мать права: король вполне мог поверить – или притвориться, будто поверил, – что никто не осмеливался затевать против него мятеж, а для пущего правдоподобия, не задумываясь, принес бы в жертву парочку жизней.

– Верно, – согласился отец. – Мы свяжем его по рукам и ногам и живехонького доставим королю в Винчестер, а там все расскажем и потребуем награду.

– Ну почему ты такой дурак?! – презрительно воскликнула мать. Она была очень возбуждена. – Разве архидиакон Уолеран не хотел бы притащить связанного изменника к королю? Разве он не хотел бы сам получить награду? Или ты не знаешь, что он спит и видит, как стать епископом Кингсбриджским? Почему он предоставил тебе честь арестовать изменника? Почему предпочел встретиться с нами в церкви, как будто случайно, вместо того чтобы приехать к нам домой? Почему наша беседа была такой краткой и неопределенной?

Она сделала паузу, словно ожидая ответа, но и Уильям, и его отец знали, что в ответе она не нуждалась. Уильям вспомнил, что священники предпочитают держаться подальше от кровопролития, и, возможно, поэтому Уолеран не хочет участвовать в аресте Бартоломео, но подумав немного, пришел к выводу, что едва ли Уолерана можно заподозрить в подобной щепетильности.

– Я отвечу вам, – продолжала мать. – Он не уверен, что Бартоломео – предатель. Его сведения ненадежны. Не знаю уж, откуда он их взял – подслушал разговор пьяных, или перехватил письмо, содержавшее намеки на готовящийся заговор, или ему донес кто-то, кому он не больно верит. Как бы то ни было, он не горит желанием подставлять собственную шею. И не станет открыто обвинять графа Бартоломео в предательстве, не будучи уверен, что это не окажется пустым вымыслом и его не обвинят в клевете. Уолеран хочет, чтобы рисковали другие, сделав за него грязную работу, а уж потом, если измену удастся доказать, он будет тут как тут и не упустит случая присвоить себе основную часть заслуг. А если окажется, что Бартоломео невиновен, Уолеран никогда не сознается в том, что сказал нам о его измене.

Теперь, когда мать разложила ситуацию по полочкам, все стало ясно. Без нее Уильям и его отец непременно попались бы на удочку Уолерана. Они с готовностью бросились бы исполнять волю архидиакона, рискуя собственной шкурой. На политические махинации у мамыши был острый нюх.

– Ты хочешь сказать, что нам следует забыть об этом? – спросил отец.

– Конечно нет. – Глазки ее блеснули. – Несмотря ни на что, у нас есть шанс уничтожить наших обидчиков. – Слуга держал ее жеребца наготове. Мать взяла у него повод и взмахом руки велела убираться прочь. Задумчиво поглаживая шею грациозного животного, понизив голос, она продолжала: – Нам нужны доказательства заговора, чтобы уже никто не смог усомниться в них, когда мы выдвинем обвинение. Добыть эти доказательства надо потихому, незаметно. Вот тогда мы сможем схватить графа Бартоломео и доставить к королю. Припертый к стене фактами, он во всем признается и станет молить о пощаде. Ну а мы потребуем себе награду.

– И скажем, что Уолеран тут ни при чем, – добавил отец.

Мамаша покачала головой.

– Пусть и он получит свою долю славы и свою награду. Зато архидиакон будет нашим должником. Это нам на руку.

– Ну а как раздобыть доказательства? – засуетился Перси.

– Надо найти способ разнюхать обстановку вокруг графского замка, – нахмутив брови, сказала мать. – Дело это непростое. Никто не поверит, что мы приехали с дружеским визитом, – ведь всем известно, как нам ненавистен Бартоломео.

Уильяму в голову пришла мысль.

– Я мог бы поехать, – предложил он.

Родители были удивлены.

– Думаю, – проговорила мать, – ты действительно вызовешь меньше подозрений, чем твой отец. Но под каким предлогом ты собираешься ехать?

Об этом Уильям уже подумал.

– Я мог бы повидать Алину. – При мысли об этой девушке сердце его забилося сильнее. – Я мог бы попросить ее пересмотреть свое решение. В конце концов, она даже не знает меня по-настоящему. После нашей встречи она составила обо мне неправильное представление. Я мог бы стать для нее хорошим мужем. Возможно, она хочет, чтобы ее поговаривали. – Он постарался изобразить на лице циничную улыбку, чтобы родители не догадались, что он вполне серьезен.

– Отличный повод, – одобрила мать. Она пристально посмотрела на Уильяма. – Клянусь Богом, мальчик, кажется, унаследовал от своей мамочки немножко ума.

Когда на следующий день после Крещения Уильям отправился к замку Бартоломео, впервые за последние месяцы он был бодр и воодушевлен. Стояло холодное ясное утро. Северный ветер обжигал уши, а под копытами боевого коня хрустела замерзшая трава. Поверх алой туники на нем был серый плащ из прекрасной фландрской ткани, отделанный кроличьим мехом.

Он ехал в сопровождении своего слуги Уолтера. Когда Уильяму исполнилось двенадцать, Уолтер начал обучать его боевым искусствам: верховой езде, охоте, фехтованию и борьбе. Теперь Уолтер стал его слугой, товарищем и телохранителем. Это был громадный верзила лет на девять-десять старше Уильяма, еще достаточно молодой, чтобы участвовать в попойках и бегать за девками, но уже вполне рассудительный, чтобы в случае необходимости уберечь хозяйина от неприятностей. Короче, он был ближайшим другом Уильяма.

Предвкушение новой встречи с Алиной странным образом возбудило Уильяма, хотя он прекрасно понимал, что ему придется еще раз получить отказ и выслушать оскорбления. Мимолетная встреча в Кингсбриджском соборе, когда удалось заглянуть в ее черные-пречерные глаза, вновь зажгла в нем желание. Ему не терпелось заговорить с ней, подойти ближе, увидеть, как она встряхивает копной своих выющихся волос, как трепещет под платьем ее тело.

В то же время возможность отомстить обострила его ненависть. Волнение охватывало Уильяма при мысли о том, что, может быть, теперь ему удастся смыть позор и унижение, лежащие на нем и его семье.

Жаль только, что у него не было четкого плана действий. Он пребывал в абсолютной уверенности, что сможет выяснить, насколько достоверно все то, о чем поведал им Уолеран, так как в замке обязательно должны быть какие-то признаки приготовления к войне – оседланные кони, вычищенное оружие, припасенная провизия, – даже если все это будет выдаваться за что-либо еще, например, за сборы в дальнее путешествие. Однако убедиться в существовании заговора – это вовсе не то же самое, что найти его доказательства. А что может послужить таким доказательством, Уильям не знал. Он решил смотреть во все глаза и надеяться, что какие-нибудь улики появятся сами собой. И все же он очень беспокоился, что возможность отомстить в конце концов выскользнет из его рук.

Подъезжая, он все больше чувствовал напряжение. А могут ли его вообще не пустить в замок? Уильям чуть было не пришел в отчаяние, но тут осознал, что это едва ли возможно: замок в значительной мере являлся общественным местом, и закрыть его ворота было бы для графа равносильно объявлению о приближении вражеской армии.

Граф Бартоломео жил в нескольких милях от города Ширинга. Городской замок занимал шериф графства, а у Бартоломео имелся свой собственный, вокруг стен которого выросла небольшая деревенька, известная под названием Графский замок, Эрлскастл. Уильям прежде здесь бывал, но сегодня смотрел на замок глазами захватчика.

Он увидел широкий и глубокий ров, имеющий форму цифры «8», причем верхний круг этой «восьмерки» был меньше нижнего. Вырытая из рва земля образовывала валы, насыпанные вдоль внутренних берегов.

У основания «восьмерки» через ров был перекинут мост, а земляной вал разрывался – здесь находился вход в нижний круг. Единственный вход. Попасть в верхний круг можно было только пройдя через круг нижний и перебравшись через еще один мост, соединявший оба круга. Там-то и располагался дворец графа.

Когда Уильям и Уолтер ехали через окружавшее замок поле, они видели множество входивших и выходивших людей. Двое воинов на быстроногих конях переехали через мост и помчались в противоположных направлениях, а группа из четырех верховых въехала в замок перед самым носом Уильяма и его слуги.

От внимания молодого Хамлея не ускользнуло, что последняя секция моста могла подниматься из массивной сторожевой башни, которая служила входом в замок. Вдоль земляного вала на равных расстояниях располагались надежные башни, так что в случае нападения пространство между ними легко простреливалось обороняющимися лучниками. Уильям мрачно подумал: чтобы штурмом овладеть замком, потребуется много времени и крови, да и не собрать Хамлеям достаточное для такого дела войско.

Но теперь замок был открыт. Уильям назвал караульному свое имя и без дальнейших расспросов был пропущен. Внутри нижнего круга «восьмерки», спрятавшись от внешнего мира за земляными стенами, находились обычные хозяйственные постройки: конюшни, кухни, мастерские ремесленников, внутренняя башня и часовня.

Конюхи, оруженосцы, слуги и служанки – все суетились, разговаривая во весь голос, приветствуя друг друга, отпуская шуточки. Ничего не подозревающему человеку всеобщее возбуждение и беготня могли показаться обычной реакцией челяди на возвращение хозяина, но Уильям видел в этом нечто большее.

Он оставил Уолтера с конями, а сам прошел через двор, где, напротив сторожевой башни, был еще один мост. Там его снова остановил караульный. На этот раз его спросили, по какому делу он явился.

– Я пришел повидать леди Алину, – сказал Уильям.

Стражник его не признал, но, оглядев с головы до ног, обратил внимание на дорогой плащ и алую тунику и решил, что это очередной поклонник.

– Ты сможешь найти молодую госпожу в большом зале, – ухмыльнулся он.

В центре двора стояло квадратное трехэтажное здание с толстыми стенами. Это и был дворец. Как обычно, первый этаж занимали подсобные помещения. Большой зал находился на втором этаже. В него вела внешняя деревянная лестница, которую в случае необходимости можно было поднять. На верхнем этаже, очевидно, были расположены графские покои. Там будет последнее укрытие Бартоломео, когда Хамлеи придут за ним.

Вся внутренняя территория замка представляла собой целый набор всевозможных препятствий для неприятеля. Конечно, это производило впечатление, но сейчас, когда Уильям старался понять, каким образом можно эти преграды одолеть, он легко разгадывал те или иные ухищрения. Даже если нападающие овладеют мостом и переправятся через ров, им предстоит прорваться через еще один мост и сторожевую башню и уж затем штурмовать этот надежно укрепленный дворец. Каким-то образом надо будет попасть на второй этаж – предположим, с собственной лестницей, – и даже тогда, по всей вероятности, придется выдержать еще один бой, чтобы из зала добраться до графских покоев. Этот замок можно взять только хитростью – к такому выводу пришел Уильям и стал так и сяк прикидывать разные варианты.

Поднявшись по ступенькам, он вошел в зал, полный людей, но графа среди них не было. В дальнем левом углу виднелась лестница, ведущая наверх, а возле нее сидели пятнадцать или двадцать рыцарей и воинов, которые тихо переговаривались. Это выглядело необычно, так как рыцари и воины представляли разные общественные сословия. Рыцарями были землевладельцы, жившие за счет доходов от сдачи в аренду земли, в то время как воинам платили деньги за службу. Эти люди сближались только тогда, когда в воздухе пахло войной.

Некоторых Уильям знал: вот Жильбер Кэтфейс, старый вояка со старомодной бородой и длиннющими бакенбардами, еще крепкий, хотя ему было уже за сорок; вот Ральф из Лайма, любитель принарядиться, одетый сегодня в голубой плащ с красной шелковой подкладкой; вот Джек Фитц Гильом, уже рыцарь, хотя едва ли старше Уильяма, и некоторые другие, чьи лица казались знакомыми. Уильям кивнул им, но на это не обратили внимания – его знали, но он был слишком молод, чтобы относиться к нему всерьез.

Он стал оглядывать зал и увидел Алину.

Сегодня она выглядела иначе. Вчера в соборе на ней была одежда из шелковых, шерстяных и льняных тканей, ее украшали кольца и ленты, на ногах – остроносые ботиночки. Сегодня она – в короткой тунике, какие обычно носят крестьянки или дети, а на ногах нет даже сандалий. Алина сидела на скамье, сосредоточившись над игровой доской, на которой лежали разноцветные фишки. Приподняв тунику, она положила ногу на ногу, открыв колени, и, нахмурившись, сморщила носик. Вчера Алина была ужасно важная, сегодня превратилась в беззащитного ребенка, и Уильям находил ее еще более привлекательной. Неожиданно он почувствовал себя уязвленным, что это дитя смогло причинить ему столько неприятностей, и он мучительно искал возможность продемонстрировать ей свое превосходство. Это было чувство, похожее на страсть.

Она играла с юношей года на три моложе ее. Он никак не мог усидеть на месте, не испытывая энтузиазма от своего занятия. Уильям заметил у игравших семейное сходство. Действительно, мальчишка был похож на Алину, какую с детства помнил Уильям, с курносый носом и коротко стриженными волосами. Кажется, это ее младший брат Ричард, графский наследник.

Уильям подошел ближе. Ричард мельком взглянул на него и снова уставился на доску. Алина вся погрузилась в игру. Доска, за которой они играли, по форме напоминала крест и была разделена на квадраты разных цветов. На ней стояли фишки из слоновой кости, черные и белые. Похожа на разновидность игры в «девять камешков» и, возможно, привезена из Нормандии отцом в подарок детям. Но Уильяма интересовала только Алина. Когда она склонилась над доской, ворот ее туники оттопырился, и он увидел ее груди. Они оказались именно такими, какими он их себе представлял. У него пересохло во рту.

Ричард сделал ход.

– Нет, – сказала Алина, – так нельзя.

– Почему нельзя? – разозлился мальчишка.

– Потому что не по правилам, глупый.

– А мне наплевать на правила! – капризно заявил Ричард.

– Ты обязан их соблюдать! – вспыхнула Алина.

– Почему это?

– Потому!

– А я не хочу, – сказал он и смахнул доску на пол. Фишки полетели в разные стороны.

Рванувшись с быстротой молнии, Алина влепила ему пощечину. Он вскрикнул. Его гордость была уязвлена столь же сильно, сколь жарко горела щека.

– Ты... – Он подбирал слова. – Ты чертова потаскуха! – заорал он и, повернувшись, бросился прочь, но не успел пробежать и трех шагов, как врезался в Уильяма.

Тот одной рукой подхватил его и приподнял.

– Смотри, чтобы священник не услышал, какими словами ты называешь свою сестру.

– Больно! – завизжал извивающийся Ричард. – Отпусти!

Уильям еще некоторое время подержал его на весу. Ричард перестал сопротивляться и расплакался. Уильям опустил его на пол, и он убежал, обливаясь слезами.

Алина, широко раскрыв глаза, смотрела на Уильяма – игра забыта, брови от удивления поползли вверх.

– Почему ты здесь? – Ее голос прозвучал тихо и ровно, голос умудренного жизнью человека.

Уильям уселся на скамью, чувствуя удовлетворение оттого, что так по-хозяйски разделался с Ричардом.

– Пришел повидать тебя, – сказал он.

Ее лицо выражало недоверие.

– Зачем?

Уильям устроился так, чтобы можно было наблюдать за лестницей. Он увидел спускавшегося в зал человека лет сорока, одетого как старший слуга – круглая шапочка, короткая туника из дорогой ткани. Слуга сделал кому-то знак рукой, и рыцарь, а за ним воин пошли наверх. Уильям снова взглянул на Алину:

– Хочу поговорить с тобой.

– О чем?

– О нас с тобой. – Через ее плечо он увидел, что слуга приближается к ним. В походке этого мужчины было что-то женское. В одной руке он держал конической формы кусок сахара грязно-коричневого цвета, в другой – скрученный корень, похожий на имбирь. Без сомнения, это был управляющий, который взял драгоценные приправы, хранившиеся в графских покоех в запертом на замок шкафу, и теперь нес их повару: сахар, чтобы, по всей вероятности, подсластить пирог из диких яблок, и имбирь, чтобы придать аромат миногам.

Алина проследила за взглядом Уильяма.

– А, Мэттью, привет.

Управляющий улыбнулся и отколол для нее кусочек сахара. Уильям увидел, что Мэттью обожает свою госпожу. Должно быть, что-то в ее поведении насторожило управляющего, улыбка исчезла, он нахмурил брови и мягко спросил:

– Все в порядке?

– Да, благодарю.

Мэттью взглянул на Уильяма, и на его лице отразилось удивление.

– Молодой Уильям Хамлей, не так ли?

Уильям смутился оттого, что слуга его узнал, но иначе и быть не могло.

– Прибереги свой сахар детям, – проворчал он, хотя сахара ему никто и не предлагал. – Это не для меня.

– Хорошо, господин. – Взгляд Мэттью говорил, что он не собирался связываться с сыном из местных дворян. Он повернулся к Алине: – Твой отец привез чудесного шелка. Потом покажу.

– Спасибо, – кивнула она.

Мэттью ушел.

– Женоподобный дурак, – зло сказал Уильям.

– Почему ты с ним так груб?

– Я не позволяю слугам называть меня «молодой Уильям». – Он с досадой понял, что выбрал не лучшее начало беседы с дамой, которую намеревался уговорить стать его женой. Надо быть обаятельным. Улыбнувшись, он добавил: – Если бы ты была моей женой, слуги называли бы тебя «леди».

– Ты пришел сюда, чтобы говорить о женитьбе? – спросила Алина, и Уильям заметил, что в ее голосе прозвучало недоверие.

– Ты ведь меня совсем не знаешь, – возразил он, повысив голос и с отчаянием сознавая, что не может спокойно вести беседу. Ведь он собирался немножко поболтать, а уж затем приступить к главному, но она оказалась столь пряма и откровенна, что он был вынужден сразу выложить причину своего прихода. – У тебя сложилось неверное представление обо мне. Уж

не знаю, чем я так не угодил во время нашей прошлой встречи, за что ты меня невзлюбила, но, какие бы ни были причины, твои выводы слишком поспешны.

Глядя в сторону, Алина обдумывала свой ответ. Уильям увидел, как позади нее в зале показались спустившиеся из графских покоев рыцарь с воином и с озадаченным видом поспешили к выходу. Через минуту вниз сошел одетый в церковные одежды человек – очевидно, секретарь графа – и кого-то поманил. Два рыцаря, поднявшись, пошли наверх. Одним из них был Ральф из Лайма, полыхавший алой подкладкой своего плаща, другим – человек постарше, лысый. Стало ясно, что ожидавшие в зале приглашены на аудиенцию к графу. Но зачем?

– И это теперь? – говорила Алина. Она старалась сдержаться. Возможно, ее переполнял гнев, но у Уильяма возникло мерзкое ощущение, что ей просто смешно. – После всех этих неприятностей, и злобы, и скандала, когда наконец все стало успокаиваться, ты говоришь, что я совершила ошибку?

Уильям понял, что надеяться не на что.

– Успокаиваться?! Да все только об этом и говорят, моя мать все еще в бешенстве, а, появляясь на людях, втягивает голову в плечи! – яростно закричал он. – Для нас все осталось по-прежнему.

– Может, хватит о репутации семьи?

В ее голосе прозвучала угроза, но Уильям не придавал этому значения. Он вдруг понял, зачем граф вызвал всех этих людей: рассылает гонцов с посланиями.

– О репутации семьи? – рассеянно переспросил он. – А, да.

– Я знаю, мне следовало подумать и о репутации, и о семейных связях, и о прочих вещах, – сказала Алина. – Но это не главное, когда речь идет о замужестве. – На мгновение она задумалась, затем решилась. – Может, стоит рассказать тебе о моей матери. Она ненавидела отца. Он вовсе не плохой человек, более того – он великий человек, и я люблю его, но он ужасно черствый и требовательный и никогда не понимал маму. По натуре она была веселой и беззаботной, любила смеяться, болтать, слушать музыку, а он сделал ее несчастной. – Уильяму показалось, что на глаза у нее навернулись слезы, но мысли его были заняты графскими посланцами. – Поэтому она и умерла – именно потому, что он не позволил бы ей быть счастливой. Я это знаю. И отец тоже знает. И он обещал, что никогда не выдаст меня замуж за нелюбимого человека. Теперь понимаешь?

«Эти послания – приказы, – размышлял Уильям. – Приказы друзьям и союзникам графа быть готовыми к битве. А гонцы – доказательство того, что моя догадка верна».

Пристальный взгляд Алины заставил его встрепенуться.

– Замуж за нелюбимого человека? – повторил он ее последние слова. – Но разве я совсем тебе не нравлюсь?

В ее глазах вспыхнул гнев.

– Да ты не слушал меня! – возмущенно воскликнула она. – Ты такой эгоист, что и на минуту не способен проникнуться сочувствием к другому. Что ты делал, когда пришел сюда в прошлый раз? Ты только и болтал о собственной персоне и даже не задал мне ни единого вопроса!

Она перешла на крик, а когда остановилась, Уильям заметил, что собравшиеся в зале прекратили разговоры и уставились на них. Он почувствовал себя неловко.

– Не так громко, – произнес он.

– Ты хочешь знать, почему я не люблю тебя? – продолжала она, не обращая внимания на его замечание. – Хорошо, я скажу. Я не люблю тебя, потому что ты грубый и невоспитанный. Я не люблю тебя, потому что ты с трудом читаешь. Я не люблю тебя, потому что тебя интересуют только твои собаки, твои лошади и твоя особа.

Жильбер Кэтфейс и Джек Фитц Гильом захохотали. Уильяма бросило в жар. Эти мужчины смеялись над ним, сыном лорда Перси Хамлея. Он встал.

– Хватит уже! – махнул он рукой, пытаясь остановить Алину.

Но было поздно.

– Я не люблю тебя, потому что ты самовлюбленный, угрюмый и тупой! – вопила она. Теперь уже смеялись все. – Я тебя не люблю. Я тебя презираю, ненавижу, и ты мне противен. Вот поэтому я не выйду за тебя никогда!

Рыцари наградили ее одобрительными возгласами. Уильям весь сжался. Их смех заставил его почувствовать себя слабым и беспомощным, как в детстве, когда он вечно всего пугался. Он повернулся и, стараясь справиться с выражением лица, под громкий смех собравшихся быстро пошел к выходу. Добравшись наконец до двери, он распахнул ее и, зацепившись ногой за порог, вывалился наружу. С грохотом захлопнув за собой дверь, он помчался вниз по лестнице. Его душил стыд, и всю дорогу, пока шел до ворот, ему слышался этот издевательский смех.

На расстоянии около мили от Эрлскастла дорогу на Ширинг пересекал тракт. У этого перекрестка путник мог повернуть либо на север – в Глостер, к уэльсской границе, либо на юг – в Винчестер, к побережью. Уильям и Уолтер повернули на юг.

Обида Уильяма вылилась в ярость. Он был готов ударить Алину, а рыцарей просто прикончить. С каким удовольствием он вогнал бы свой меч в каждый смеющийся рот, а потом бы еще и протолкнул – дальше, в глотку! В голове его уже созрел план, как отомстить за себя хотя бы одному из них. А если получится, он еще и добудет требуемое доказательство. Это давало и утешение.

Прежде всего надо схватить графского гонца. Когда дорога пошла лесом, Уильям спешился и повел коня на поводу. Уолтер молча ехал следом, не решаясь заговорить. Дорога сузилась, Уильям остановился и повернулся к Уолтеру.

– Кто лучше владеет ножом, ты или я?

– В ближнем бою сильнее я, – осторожно ответил слуга. – А метаеть точнее ты, милорд. – Когда у Уильяма было скверное настроение, все называли его милордом.

– Ты сможешь сбить с ног несущегося коня? – продолжал Уильям.

– Если у меня будет хорошая крепкая жердь, то да.

– Тогда выбери небольшое дерево, выдерни его и обломай ветки. Вот и будет у тебя крепкая жердь.

Уолтер отправился выполнять приказание.

Уильям провел коней через заросли к небольшой поляне на приличном расстоянии от дороги и там привязал, затем расседлал и запасся веревками и ремнями от сбруи достаточной длины, чтобы хватило связать человека по рукам и ногам. Его план не был обдуман до мелочей, но и времени для этого не оставалось, и приходилось лишь надеяться на удачу.

На обратном пути к дороге он подобрал обломок ветви старого дуба, сухой и тяжелый, который можно использовать как дубину.

Уолтер уже ждал его, жердь была готова. Уильям указал место, где должен спрятаться слуга, за толстым стволом бука у дороги.

– Смотри, не брось жердь раньше времени, а то конь успеет перепрыгнуть, – предупредил он. – Но и не прозевай – если зацепишь только за задние ноги, конь не свалится. И постарайся вогнать конец в землю – так надежнее.

– Мне уже случалось видеть, как это делается, – кивнул Уолтер.

Уильям вернулся ярдов на тридцать назад по дороге. Его задачей будет заставить коня понести, чтобы он уже не смог увернуться от жерди Уолтера. Притаившись у самого края леса, он присел и стал ждать. Рано или поздно один из гонцов графа Бартоломео должен здесь проехать. Уильям надеялся, что ждать придется недолго. У него не было уверенности, что план сработает, и ему не терпелось побыстрее осуществить его.

«Когда рыцари смеялись надо мной, они и понятия не имели, что я за ними шпионил, – думал он. – Но очень скоро один из них это поймет. И горько пожалеет, что смеялся, вместо того чтобы упасть на колени и целовать мне ноги. Он примется рыдать, и просить, и умолять, чтобы я простил его, а я-то уж постараюсь, чтобы раны получились особенно болезненными».

Но не только мысль о расправе утешала его. Если все получится, это может привести к падению графа Бартоломео и возвышению Хамлеев. Тогда уж те, кто хихикал по поводу несостоявшейся свадьбы, задрожат от страха, а кое-кому будет и похуже.

Падение Бартоломео решит участь Алины, и эта мысль доставляла Уильяму особое удовольствие. Ей придется расстаться со своим высокомерием, когда отца вздернут как изменника. И если она так любит шелка и сахар, то, чтобы получить их, ей придется выйти за Уильяма. Он вообразил ее – робкая и кающаяся, вот она несет ему из кухни горячий пирог, глядя на него снизу вверх своими огромными черными глазами, готовая услужить ему, надеющаяся на ласку, с чуть приоткрытым нежным ртом, жаждущим поцелуев...

Полет его фантазии прервал топот копыт, ударявшихся о скованную зимними холодами дорожную грязь. Он вытащил нож и взвесил его в руке, приноравливаясь к тяжести и пропорциям клинка. Острие было заточено с обеих сторон, дабы легко входило в плоть. Уильям встал, прижался спиной к дереву, за которым прятался, и, держа нож за лезвие, чуть дыша, стал ждать. Нервы были на пределе. Он боялся, что может промахнуться, или конь устоит на ногах, или всадник удачным ударом убьет Уолтера, и ему придется драться в одиночку...

В приближавшемся топоте что-то все больше настораживало Уильяма. Он увидел, как, озабоченно нахмутив брови, смотрит на него Уолтер – он тоже услышал. И тут Уильям понял, в чем дело. Конь был не один. Надо быстро принять решение. Нападать на двоих? Но он не собирался вести честный бой. Уильям решил пропустить всадников и дожждаться одинокого гонца. Жаль, конечно, но в этой ситуации разумнее поступить именно так. Он сделал Уолтеру знак, тот кивнул и исчез в зарослях.

Через мгновение показались всадники. Уильям увидел, как вспыхивает огненно-красный шелк – Ральф из Лайма, а за ним его лысый товарищ. Они рысью пролетели мимо и скрылись из виду.

Напряжение спало, и Уильям рад был удостовериться, что граф действительно рассылает гонцов. Однако теперь он начал беспокоиться, вдруг все они будут теперь разъезжать парами. Это было бы вполне естественной предосторожностью. Но, с другой стороны, Бартоломео необходимо отправить много писем, а число людей, имевшихся в его распоряжении, было ограничено, и ему могло показаться излишней роскошью использовать двух рыцарей для доставки одного письма. Более того, рыцари – люди отчаянные, они определенно способны дать разбойникам жестокий бой, от которого, правда, немного проку, ибо красть у рыцарей нечего, если не считать меча, который не так просто продать без лишних расспросов, да коня, которого чаще всего калечат во время нападения. Пожалуй, рыцарь мог чувствовать себя в лесу в большей безопасности, чем кто-либо другой.

Уильям рукояткой кинжала почесал затылок. Все может быть.

Он снова уселся и стал ждать. В лесу было тихо. Выглянуло слабое зимнее солнце, пробиваясь своими дрожащими лучами сквозь густые кроны, и снова спряталось. Желудок Уильяма напомнил ему, что он еще не обедал. Совсем рядом дорогу перебежал олень, не подозревавший, что за ним наблюдает голодный человек. Уильям уже терял терпение.

Если в следующий раз гонцов тоже будет двое, решил Уильям, придется на них напасть. Рискованно, но его преимущество заключалось во внезапности, и еще у него был Уолтер, в драке просто дьявол. А кроме того, возможно, это его последний шанс. Он понимал, что его могут убить, но это лучше, чем жить в постоянном унижении. В конце концов, умереть в бою – достойный финал любой жизни.

Но лучше всего, думал Уильям, если бы появилась Алина, в полном одиночестве, верхом на белой лошади. Уж она бы у них грохнулась и – руки-ноги в синяках – покатилась в ежевику. Колючки до крови разодрали бы ее нежную кожу, а Уильям бы набросился на нее и прижал к земле. Ох уж и поиздевался бы он над ней!

Он в подробностях воображал ее раны, представлял, как будет вздыматься ее грудь, когда он будет сидеть на ней, и какой непередаваемый ужас застынет на ее лице, когда она поймет, что целиком в его власти... Но тут он снова услышал топот копыт.

И на этот раз всадник был один.

Уильям выпрямился, достал нож, прислонился к дереву и прислушался.

Это был добрый, быstroногий конь, не боевой, но вполне приличный. Он нес на себе не слишком тяжелого всадника без доспехов, и приближался ровной, размеренной рысью. Уильям взглянул на Уолтера и кивнул: вот оно, доказательство. Затем поднял правую руку, в которой держал за лезвие нож.

Вдали заржал конь Уильяма.

Несмотря на легкую дробь копыт приближавшегося коня, ржание было отчетливо слышно в тихом лесу. Рысак замедлил бег. Всадник крикнул: «Тпру!» – и перевел его на шаг. Уильям, затаив дыхание, проклинал все на свете. Теперь гонец будет начеку, что сильно усложнит дело. Но было уже поздно, и Хамлею-младшему оставалось лишь пожалеть, что он не отвел своего коня подальше.

Рысак, на котором сидел графский посланник, шел шагом, и Уильям не мог определить, как велико оставшееся между ними расстояние. Все получалось не так, как надо. Трудно было подавить искушение высунуться из-за дерева. Он напрягся и изо всех сил вслушивался. Внезапно совсем рядом раздался конский храп, и в ярде от места, где стоял Уильям, появился конь. Заметив незнакомого человека, животное отпрянуло, а хозяин удивленно вскрикнул.

Уильям выругался: конь мог с испугу понести не в ту сторону. Он нырнул обратно и, обойдя дерево, выскочил с другой стороны, сзади, с занесенной для броска рукой. Мельком взглянув на бородатого всадника, который, нахмутив брови, натягивал поводья, Уильям увидел старого вояку Жильбера Кэтфейса. Уильям метнул нож.

Бросок получился отменный. Острие ножа вонзилось в крестец животного и на дюйм, а то и глубже вошло в плоть. Конь подскочил и, прежде чем Жильбер успел среагировать, рванул бешеным галопом прямо в засаду к Уолтеру.

Уильям побежал следом. В мгновение ока конь пролетел расстояние до того места, где засел слуга. Жильбер изо всех сил старался удержаться в седле. Они поравнялись с Уолтером. «Ну же, Уолтер, давай!» – подумал Уильям.

Уолтер отлично все рассчитал, и Уильям даже не заметил вылетевшую из-за дерева жердь. Он только увидел, как передние ноги коня подкосились, словно силы неожиданно его оставили. Затем задние и передние ноги перепутались, голова опустилась, зад приподнялся, и бедное животное тяжело рухнуло на землю.

Жильбер вылетел из седла. Бежавший за ним Уильям резко остановился подле лежавшего поперек дороги коня.

Приземлился Жильбер удачно. Он перевернулся через голову и встал на колени. Уильям испугался, что тот может вскочить и убежать. Но в этот момент из зарослей выскочил Уолтер, который, бросившись вперед, накинулся на Жильбера сбоку и вместе с ним покатился по земле.

Но очень скоро им удалось обрести равновесие, и Уильям увидел, как в руке у вставшего на ноги Жильбера блеснул клинок. Он перепрыгнул через коня и, когда Жильбер уже поднял кинжал, что было сил ударил его дубиной. Удар пришелся по голове.

Жильбер зашатался, но устоял. Проклиная стойкость противника, Уильям замахнулся для очередного удара, но Жильбер опередил его и успел сделать выпад. Уильям был одет для

визита, не для боя, поэтому отточенное лезвие кинжала без труда рассекло тонкую ткань шерстяного плаща, и лишь благодаря тому, что резко отскочил назад, он избежал ранения. Жильбер продолжал наступать, заставляя Уильяма пятиться и не давая взмахнуть дубиной. Яростно орудуя клинком, он наседали. Уильям уже не на шутку испугался за свою жизнь, но тут сзади к Жильберу подбежал Уолтер и сбил его с ног.

Уильям с облегчением перевел дух. В какой-то момент он понял, что жизнь его висела на волоске, и теперь благодарил Бога, что тот ниспослал ему Уолтера.

Жильбер сделал отчаянную попытку встать, но Уолтер ударил его по лицу, а подоспевший Уильям пару раз огрел – для пушей верности – дубиной.

Они перевернули рыцаря на живот, и Уолтер сел несчастному на голову, а Уильям связал ему руки за спиной. Затем Уильям стянул с Жильбера высокие черные сапоги и обмотал его щиколотки крепким кожаным ремнем от сбруи.

Теперь, когда хитрый старый вояка был связан по рукам и ногам, можно было вздохнуть. Следующий шаг – заставить Жильбера признаться.

Он начал приходить в себя. Уолтер перевернул его на спину. Когда Жильбер увидел Уильяма, по его лицу было видно, что он узнал молодого Хамлея и вначале удивился, а затем испугался. Уильям был доволен. «Жильбер уже жалеет, что смеялся надо мной, – подумал он. – Скоро он еще больше пожалеет».

Конь Жильбера уже поднялся на ноги. Он отбежал на несколько ярдов, но остановился и оглянулся, тяжело дыша и вздрагивая каждый раз, когда ветер шелестел листвою в кронах деревьев. Уолтер отправился его ловить, а Уильям подобрал нож, выпавший из тела раненого животного.

Уолтер без особых трудностей поймал коня, они положили пленника поперек и отвезли в глубь леса, где Уильям оставил собственных лошадей, которые заволновались, почуяв запах крови, сочившейся из раны коня Жильбера.

Уильям огляделся, подыскивая подходящее для задуманного дерево, остановив свой выбор на старом вязе с крепкой веткой на высоте восьми-девяти футов.

– Вот на этом суку я хочу подвесить Жильбера, – сказал он Уолтеру.

Слуга расплылся в садистской улыбке.

– Что ты собираешься делать с ним, господин?

– Увидишь.

Обветренное лицо Жильбера побелело от страха. Уильям пропустил у него под мышками веревку, завязал ее за спиной и перебросил через ветку.

– Поднимай, – приказал он Уолтеру.

Уолтер подхватил Жильбера, но тот стал извиваться и, вырвавшись, упал на землю. Тогда дубиной Уильяма Уолтер принялся колотить несчастного по голове, пока он не потерял сознание. Уильям подтянул свободный конец веревки, несколько раз перебросил его через ветвь и надежно закрепил. Уолтер отпустил Жильбера, и его слегка обмякшее тело повисло в ярде от земли.

– Принеси-ка дровишек, – сказал Уильям.

Они сложили дрова под ногами Жильбера, и Уильям, достав огниво, запалил их. Через несколько минут языки пламени начали подниматься, а жар заставил Жильбера очнуться.

Когда понял, что происходит, он застонал от ужаса.

– Прошу тебя, – взмолился Жильбер, – прошу, отпусти! Прости, что я смеялся над тобой! Смилуйся!

Уильям молчал. Стенания Жильбера тешили его самолюбие, но не этого он добивался.

Когда огонь начал обжигать пятки Жильбера, спасаясь от жара, он подогнул колени. По его лицу струился пот. От тлеющей одежды тянуло паленым. Уильям решил, что пора приступить к допросу, и заговорил:

– Зачем ты явился сегодня в замок?

Жильбер уставился на него широко открытыми глазами.

– Засвидетельствовать почтение графу. Разве это возбраняется?

– С какой стати?

– Граф только что вернулся из Нормандии.

– И ты не получал приказа приехать?

– Нет.

«Может быть, это так и есть», – размышлял Уильям. Допрос пленного оказался не таким простым делом, как ему представлялось. Он задумался.

– Что сказал тебе граф, когда ты появился в его покоях?

– Поприветствовал меня и поблагодарил за мой визит.

Уильяму показалось, что глаза Жильбера подозрительно забегали.

– Что еще? – спросил он.

– Он поинтересовался, как моя семья и имение.

– Больше ничего?

– Ничего. Почему тебя интересует, что он сказал?

– А говорил ли он что-нибудь о короле Стефане и королеве Мод?

– Ничего. Поверь мне!

Жильбер не мог больше держать колени поджатыми, и его ноги стали опускаться в разгоравшийся костер. Через секунду он взвыл от нестерпимой боли, и его тело забилося в конвульсиях, а колени согнулись. Ему показалось, что он может ослабить свои страдания, если будет раскачивать ноги. Однако каждый раз, когда ступни оказывались в пламени, из его груди вырывался крик.

Уильяма мучили сомнения: может, Жильбер говорит правду? Поди узнай. Но ведь наступит момент, когда муки станут невыносимыми и, отчаявшись получить облегчение, старый вояка будет готов сказать все что угодно. Важно, чтобы он не догадался, чего от него хотят. Кто бы мог подумать, что пытать людей – такое трудное занятие.

Уильям заставил себя говорить спокойно.

– Куда же ты теперь направлялся?

– Тебе-то что?! – завопил Жильбер от боли и досады.

– Так куда?

– Домой.

Похоже, способность быстро соображать покидала его. Уильям знал, где он живет: на север отсюда. Жильбер ехал не в том направлении.

– Куда ты направлялся? – снова спросил Уильям.

– Что тебе от меня надо?

– Я знаю, что ты врешь, и хочу, чтобы ты сказал правду. – Уильям услышал, как Уолтер одобрительно хрюкнул, и подумал: «А ведь у меня получается». – Итак, куда ты направляешься? – снова повторил он.

Жильбер был слишком измучен, чтобы продолжать раскачиваться. Завывая от боли, он висел над костром, поджав ноги. Но разгоревшееся пламя поднялось уже слишком высоко. Уильям почувствовал показавшийся знакомым запах, от которого его слегка замутило, и через минуту он понял, что это был запах жарящегося мяса. Волосы, покрывавшие ноги Жильбера, обгорели, кожа начала чернеть и трескаться, а выступивший жир с шипением капал в костер. Уильям как зачарованный смотрел на мучения пленника. Крики несчастного приводили его в блаженный трепет. Ему было приятно ощущать власть над этим человеком. Это чем-то напоминало ощущение, которое он испытывал, когда подкарауливал в укромном месте девушку и, повалив на землю, задирает ей юбку, зная, что никто не услышит ее крики и ничто уже не сможет его остановить.

Почти с сожалением он снова произнес:

– Куда ты направлялся?

– В Шерборн! – завизжал Жильбер.

– Зачем?

– Во имя Иисуса Христа, умоляю, сними меня! Я все расскажу.

Уильям чуял близкую победу. Его сердце радостно забилося. Осталось только чуть поднажать. Он повернулся к Уолтеру:

– Убери-ка его ноги из огня.

Схватив Жильбера за тунику, Уолтер потянул в сторону так, чтобы языки пламени больше не доставали до его ног.

– Ну, – сказал Уильям.

– В Шерборне и его окрестностях у графа Бартоломео пятьдесят рыцарей, – начал Жильбер, давясь от рыданий. – Я должен собрать их и привести в Эрлскастл.

Уильям улыбнулся. Ему было лестно сознавать, что его догадки подтвердились.

– И зачем граф понадобились эти рыцари?

– Этого он не сказал.

– Пусть еще немного поджарится, – сказал Уильям Уолтеру.

– Нет! – взвизгнул Жильбер. – Я скажу!

Уолтер колебался.

– Только быстро! – предупредил Уильям.

– Они собираются воевать за королеву Мод, против Стефана, – выложил Жильбер.

Вот оно – доказательство! Уильям наслаждался своим успехом.

– А если я спрошу тебя об этом перед моим отцом, подтвердишь ли ты сказанное только что? – спросил он.

– Да, да!

– А когда мой отец спросит тебя об этом перед самим королем, ты скажешь правду?

– Да!

– Богом поклянись.

– Клянусь Господом, скажу правду!

– Аминь, – удовлетворенно произнес Уильям и начал затапывать костер.

Они привязали Жильбера к седлу и, ведя его коня в поводу, шагом тронулись в путь. Несчастный рыцарь был чуть живой, и Уильям, опасаясь, что он умрет, старался обращаться с ним не слишком грубо, ибо какой от мертвого прок. А когда они переправлялись через ручей, он даже плеснул холодной воды на обожженные ноги Жильбера. Тот сначала застонал от боли, но, похоже, в конце концов это несколько облегчило его страдания.

Уильяма переполняло чувство триумфа, к которому примешивалось нечто вроде досады. Он еще никогда никого не убивал и теперь жалел, что не может убить Жильбера. Ведь подвергнуть человека пытке и не убить его – это то же самое, что раздеть девчонку и не изнасиловать. И чем больше он об этом думал, тем больше хотел женщину.

Может, когда доберется до дома... нет, там времени не будет. Ему придется обо всем рассказать родителям, и они захотят, чтобы Жильбер повторил свое признание в присутствии священника, а возможно, и еще каких свидетелей, затем они обдумают план захвата графа Бартоломео, который следует осуществить завтра, пока Бартоломео не успел собрать слишком много воинов. Правда, Уильям еще не придумал, как овладеть замком без длительной осады...

Он с неудовольствием подумал, что, похоже, пройдет немало времени, прежде чем он хотя бы увидит привлекательную женщину. И тут прямо перед ним, на дороге, появилось то, о чем он мечтал.

Навстречу ему брела группка из пяти человек. И среди них находилась темноволосая женщина лет двадцати пяти, не девушка, но еще достаточно молодая. По мере ее приближения интерес Уильяма возрастал: оказалось, что это настоящая красавица с собранными вверх волосами и глубоко сидящими глазами насыщенного золотого цвета. У нее была стройная, гибкая фигурка и гладкая, загорелая кожа.

– Задержись, – сказал Уильям Уолтеру, – и загороди рыцаря, пока я буду с ними разговаривать.

Путники остановились и озабоченно смотрели на Уильяма. Это была семья: высокий мужчина, очевидно, муж, юноша, вполне взрослый, только без бороды, и две малявки. Мужчина показался Уильяму знакомым.

– Где-то мы уже встречались, – сказал он.

– Я знаю тебя, – отозвался мужчина. – И твоего коня знаю – вместе с ним вы чуть не убили мою дочь.

Уильям начал припоминать, как его конь пронесся рядом с девчонкой, чуть не растоптав ее.

– А-а-а, это ты строил мне дом. И когда я всех уволил, стал требовать расчета и чуть ли не угрожал.

Мужчина не стал отрицать. Он продолжал стоять, молча глядя на Уильяма.

– Ну сейчас ты не так дерзок, – ухмыльнулся Уильям. Было видно, что семья голодает. Похоже, день складывался удачно, чтобы свести счета со всеми, кто посмел оскорбить Уильяма Хамлея. – Есть хотите?

– Хотим, – сердито буркнул строитель.

Уильям снова взглянул на женщину. Она стояла, слегка расставив ноги, и, гордо вздернув подбородок, бесстрашно смотрела ему прямо в глаза. Алина разожгла в нем желание, и теперь ему нужна была эта женщина, чтобы утолить свою похоть. Он не сомневался, что уж она-то его потешит: будет извиваться и царапаться. Тем лучше.

– Ведь ты не женат на этой девке, а, строитель? – сказал Уильям. – Я помню твою жену – уродливую корову.

Страдание исказило лицо строителя.

– Моя жена умерла.

– Ну а с этой ты в церковь не ходил, не так ли? И у тебя нет ни пенни, чтобы заплатить священнику. – За спиной Уильяма кашлянул Уолтер, кони нетерпеливо били копытами. – Предположим, я дам тебе денег на еду, – продолжал Уильям, дразня строителя.

– Я с благодарностью возьму их, – ответил мужчина, хотя Уильям видел, что такое раболепство дается ему с огромным трудом.

– Я говорю не о подарке. Я хочу купить твою женщину.

Но женщина заговорила сама:

– Мальчик, я не продаюсь.

Презрение, звучавшее в ее словах, разозлило Уильяма. «Когда мы останемся наедине, – подумал он, – я тебе покажу, кто я». Он повернулся к строителю:

– Я дам тебе за нее фунт серебром.

– Она не продается.

Злость Уильяма закипала все сильнее. Какая глупость! Он предлагает голодному целое состояние, а тот отказывается!

– Если ты, дурак, не возьмешь деньги, – пригрозил он, – я просто разрублю тебя мечом и выебу ее на глазах у детей!

Рука строителя скользнула под плащ. «Должно быть, у него есть оружие, – мелькнуло в голове Уильяма. – Кроме того, он очень большой и, хоть тощий, как лезвие ножа, может устроить отчаянную драку, чтобы спасти свою бабу». Тем временем женщина распахнула плащ,

а ее ладонь легла на рукоятку длиннющего кинжала, висевшего на поясе. Юноша тоже был достаточно крупным, чтобы наделать неприятностей.

Тихим, но твердым голосом заговорил Уолтер:

– Господин, сейчас не время.

Уильям неохотно кивнул. Он должен доставить Жильбера в имение Хамлеев. Дело слишком важное и не может быть отложено из-за бабы. Придется потерпеть.

Он взглянул на эту семью, на этих оборванных, голодных людей, которые были готовы до конца сражаться с двумя здоровенными мужчинами, вооруженными мечами и сидящими на конях. Он не мог их понять.

– Ладно, подышайте! – бросил Уильям и, пришпорив коня, рысью помчался прочь.

II

Когда они прошли около мили от того места, где произошла встреча с Уильямом Хамлеем, Эллен сказала:

– Может, пойдем помедленнее?

До Тома наконец дошло, что он идет, делая немислимо большие шаги. Да, он испугался. В какой-то момент казалось, им с Альфредом не избежать схватки с двумя вооруженными всадниками. А у Тома даже не было оружия. Ведь потянувшись было к молотку, он тут же с досадой вспомнил, что давным-давно выменял его на мешочек овса. Он не знал, почему Уильям в конце концов отступил, но ему хотелось убраться как можно дальше от того места, не то, неровен час, молодой лорд передумает.

Тому не удалось найти работу ни во дворце епископа Кингсбриджского, ни в других местах. Однако неподалеку от Ширинга находилась каменоломня, где, в отличие от строительных площадок, работники требовались круглый год. Конечно, Том привык к более квалифицированной и высокооплачиваемой работе, но об этом не приходилось и мечтать. Он просто хотел прокормить семью. Каменоломня эта принадлежала графу Бартоломео, которого, как сказали Тому, можно найти в его замке, что в нескольких милях к западу от города.

Теперь, после того как он сошелся с Эллен, положение казалось ему еще более безвыходным, чем прежде. Он знал, она бросилась в его объятия из любви, не задумываясь о последствиях. Очевидно, она не представляла, как непросто Тому получить работу. Она не могла допустить и мысли, что им не удастся пережить зиму, и Том старался не разрушать ее иллюзий, ибо всем сердцем желал, чтобы она осталась с ним. Но в конечном счете для женщины дороже всего на свете ее ребенок, и Том боялся, что однажды она все же покинет его.

Вместе они были уже неделю – семь дней отчаяния и семь ночей радости. Каждое утро Том просыпался, чувствуя себя счастливым и сильным. Но наступал день, его начинал мучить голод, дети уставали, а Эллен впадала в уныние. Бывали дни, когда добрые люди подкармливали несчастных – как в тот раз, когда монах угостил их сыром, – но случалось, что им приходилось жевать лишь тонко нарезанные кусочки высушенной на солнце оленины из запасов Эллен. И все же это было лучше, чем ничего. Зато когда опускалась ночь, они укладывались спать, жалкие и замерзшие, и чтобы согреться, крепко прижимались друг к другу. Проходило несколько минут, и начинались ласки и поцелуи. Поначалу Том порывался как можно скорее овладеть Эллен, но она деликатно останавливала его: ей хотелось продлить любовную игру. Том старался удовлетворять ее желания, сам сполна переживая восхитительные мгновения любовной страсти. Отбросив стыд, он изучал тело Эллен, лаская такие ее места, до которых у Агнес никогда не дотрагивался: подмышки, уши, ягодицы. Одни ночи они проводили, накрывшись с головой плащами и весело хихикая, а в другие их переполняла нежность. Как-то, когда ночевали в монастырском гостевом доме, а изнуренные дети уже спали крепким сном, Эллен была особенно настойчива; она направляла Тома, показывая ему, как можно возбудить ее паль-

цами. Он подчинялся, словно в сладком дурмане, чувствуя, как ее бесстыдство зажигает в нем страсть. Насытившись любовью, они проваливались в глубокий, освежающий сон, в котором не было места страхам и мучениям прошедшего дня.

Был полдень. Том рассудил, что Уильям Хамлей уже далеко, и решил остановиться передохнуть. Из еды, кроме сушеной оленины, у них ничего не осталось. Правда, в то утро, когда на одном хуторе они попросили хлеба, крестьянка дала им немного пива в большой деревянной бутылки без пробки, разрешив взять бутылку с собой. Половину пива Эллен припасла к обеду.

Том уселся на краю большущего пня. Рядом пристроилась Эллен. Сделав хороший глоток пива, она передала бутылку Тому.

– А мяса хочешь?

Он покачал головой и стал пить. Том легко мог бы выпить все до последней капли, но оставил немного детям.

– Прибереги мясо, – сказал он Эллен. – Может, в замке нас покормят.

Альфред поднес ко рту бутылку и мигом ее осушил.

Увидя это, Джек упал духом, а Марта расплакалась. Альфред же глупо осклабился.

Эллен посмотрела на Тома. Немного помолчав, она сказала:

– Не следует допускать, чтобы такие поступки оставались для Альфреда безнаказанными.

– Но ведь он большой, – пожал плечами Том, – ему и надо больше.

– Ему всегда достается львиная доля. А малыши тоже должны что-то получать.

– Вмешиваться в детские ссоры – только время тратить, – отмахнулся Том.

В голосе Эллен зазвенели металлические нотки:

– Ты хочешь сказать, что Альфред может как угодно издеваться над детьми, а тебе до этого и дела нет?

– Он не издевается над ними. Дети всегда ссорятся.

Она озадаченно покачала головой.

– Я не понимаю. Ты добрый и внимательный человек. И только там, где дело касается Альфреда, просто слепец.

Том чувствовал, что она преувеличивает, но не желая расстраивать ее, сказал:

– В таком случае дай малышам мяса.

Эллен развязала мешок. Все еще сердясь, она отрезала по кусочку сушеной оленины для Марты и Джека. Альфред тоже протянул руку, но Эллен даже не взглянула на него. Том подумал, что ей все же следовало бы дать и ему кусочек – ничего страшного Альфред не сделал. Просто Эллен его не понимает. Он большой парень, с гордостью размышлял Том, и аппетит у него волчий. Ну вспыльчив немного, но если это грех, то он ведь свойствен доброй половине подростков.

Они немного отдохнули и снова двинулись в путь. Джек и Марта побежали вперед, все еще пережевывая жесткое, как подошва, мясо. Несмотря на разницу в возрасте – Марте было семь, а Джеку, должно быть, одиннадцать или двенадцать, – дети здорово подружились. Марта находила Джека чрезвычайно привлекательным, а Джек радовался совершенно новой для него возможности играть с другим ребенком. Жаль только, что он не нравился Альфреду. Это удивляло Тома: он-то надеялся, что Джек, еще совсем мальчишка, будет слушаться Альфреда, однако этого не случилось. Да, Альфред был сильнее, зато маленький Джек умнее.

Но большого значения Том этому не придавал. Какие проблемы у мальчишек! Его голова забита другими вещами, ему недосуг тревожиться еще и из-за этого. Порой он вообще переставал надеяться, что ему когда-нибудь удастся получить работу. Так можно день за днем шататься по дорогам, пока один за другим они все не перемерут: однажды морозным утром они обнаружат замерзшее безжизненное тело кого-то из детей, остальные тоже ослабнут и не смогут перебороть лихорадку, Эллен изнасилует и убьет какой-нибудь проезжий головорез вроде Уильяма

Хамлея, а Том совсем исхудает, в один прекрасный день не сможет подняться и останется лежать среди леса, пока сознание не его покинет.

Эллен, конечно, бросит его прежде, чем все это случится. Она вернется в свою пещеру, где осталась кадушка с яблоками и мешок орехов, которых хватит на двоих, чтобы дотянуть до весны... Но если она уйдет, его сердце не выдержит.

Он подумал о своем младенце. Монахи называли его Джонатаном. Тому нравилось это имя. Монах, угостивший их сыром, сказал, что оно означает Дар Божий. Том представил себе маленького Джонатана таким, каким он родился: розовым, лысеньким, все тело в складочках. Он ведь теперь совсем другой, ведь для новорожденного неделя – большой срок. Должно быть, подрос, и глазищи стали огромными. Научился уже реагировать на окружающий мир: вздрагивает от громких звуков и успокаивается, когда ему поют колыбельную. А чтобы отыгнать, выпячивает губки. Монахам-то, поди, невдомек, что это, и они принимают эту гримасу за улыбку.

Том надеялся, что они хорошо заботятся о малыше. Судя по монаху, что вез сыр, люди они добрые и умелые. Да что там говорить, они смогут лучше ухаживать за малышом, чем Том, у которого ни дома, ни пенса за душой. «Если когда-нибудь мне доверят большое строительство и я буду зарабатывать по четыре шиллинга в неделю плюс питание, я непременно пожертвую деньги этому монастырю», – подумал он.

Они вынырнули из леса, и вскоре впереди показался графский замок.

Том воспрянул духом, но заставил себя умерить энтузиазм: позади были месяцы разочарований, и теперь он точно знал, что чем больше надежд питаешь, тем больше переживать отказ.

По дороге, что пролегла через голые поля, они подошли к замку. Марта и Джек наткнулись на подбитую птицу, взрослые тоже остановились посмотреть. Это был воробышек, такой маленький, что они запросто могли его и не заметить. Когда Марта над ним наклонилась, он метнулся в сторону, не в силах взлететь. Марта поймала и подняла его, бережно держа это крошечное создание в своих сложенных лодочкой ладошках.

– Дрожит! – прошептала она. – Я чувствую, как он дрожит. Испугался, должно быть.

Птичка перестала вырываться и спокойно сидела в руках Марты, уставившись своими блестящими глазками на окружающих ее людей.

– Похоже, у нее сломано крыло, – предположил Джек.

– Дай-ка посмотреть, – сказал Альфред и взял воробья из ручек сестры.

– Мы могли бы ухаживать за ним, – пролепетала Марта. – Может, он еще поправится.

– Не поправится, – отрезал Альфред и быстрым движением своих больших рук свернул птице шею.

– О Боже! – воскликнула Эллен.

Марта заплакала. Уже во второй раз за этот день.

Альфред рассмеялся и бросил воробья на землю.

Джек подхватил его.

– Мертвый! – вздохнул он.

– Да что с тобой, Альфред? – взорвалась Эллен.

– С ним все в порядке, – вмешался Том. – Все равно птица была обречена.

Он двинулся дальше, остальные последовали за ним. Эллен опять рассердилась на Альфреда, и это вывело Тома из себя. Ну стоит ли нервничать из-за воробья? Том помнил, что значить быть четырнадцатилетним мальчишкой с телом мужчины: все на свете раздражает. Эллен говорит: «Там, где дело касается Альфреда, ты просто слепец». Нет, она не понимает.

Деревянный мост, перекинутый через ров к воротам замка, был ветхим и ненадежным, однако, возможно, этого и хотел граф, ибо для нападающих мост служит проходом, и чем скорее он рухнет, тем целее будет замок. На земляных насыпях на равных расстояниях стояли

каменные башни, а сразу за мостом возвышались две надвратные башни, соединенные между собой галереей. «Каменных работ более чем достаточно, – подумал Том, – не то что все эти замки, построенные из глины и дерева. Завтра я мог бы уже работать». Он вспомнил, как лежит в руке хороший инструмент, когда он обрабатывает поверхность каменного блока и шлифует его лицевую сторону, как пересыхает от пыли в горле. «Завтра вечером, может быть, я наймусь до отвала – едой, которую заработаю, а не выпрошу».

Подойдя ближе, Том наметанным глазом заметил, что бойницы надвратных башен пришли в негодность. В некоторых местах камни вывалились, оставив парапет без защиты. Да и в арке ворот многие блоки едва держались.

При входе в замок стояли двое часовых, очень настороженных с виду. Один из них спросил Тома, чем тот занимается.

– Я каменщик, надеюсь получить работу на графской каменоломне.

– Поищи управляющего графа, – подсказал часовой. – Его зовут Мэттью. Скорее всего, ты найдешь его в большом зале.

– Спасибо, – кивнул Том. – А каков он из себя?

Часовой ухмыльнулся, бросив взгляд на своего напарника.

– Ни мужик, ни баба, – и оба засмеялись.

Том вошел в ворота, за ним Эллен и дети. Внутренние постройки были, главным образом, деревянные, хотя некоторые стояли на каменных основаниях, а одно здание было целиком каменным – очевидно, часовня. Проходя по двору, Том обратил внимание на то, что стоящие вдоль рва башни нуждаются в ремонте, бойницы повреждены. Они пересекли еще один ров и остановились у вторых ворот, что преграждали вход на верхний остров. Том сказал стражнику, что ищет управляющего Мэттью. Когда они подошли к квадратному каменному дому, то увидели дверь, которая, по всей вероятности, вела в подземелье. Наверх же вела деревянная лестница.

Поднявшись по лестнице, они вошли в зал и сразу увидели и графа, и его управляющего. О том, кто они, Том догадался по одеждам. Граф Бартоломео был одет в вышитую по краям длинную туннику с широкими манжетами на рукавах. На Мэттью была короткая туника того же покроя, что и на Томе, но из более тонкой материи, а на голове красовалась маленькая круглая шапочка. Граф сидел у очага, рядом стоял управляющий. Том приблизился и остановился на почтительном расстоянии, ожидая, когда его заметят. Граф Бартоломео был высоким человеком лет пятидесяти, с седыми волосами и бледным, худым лицом, жестким и высокомерным. Управляющий выглядел моложе. При виде его женоподобной фигуры Том невольно вспомнил брошенные стражником слова.

В зале находились еще несколько человек, но ни один не обратил внимания на Тома. Он ждал со страхом и надеждой. Беседе графа с управляющим, казалось, не будет конца. Наконец она завершилась, и, поклонившись, управляющий повернулся. Том сделал шаг вперед и с замирающим сердцем спросил:

– Не ты ли будешь Мэттью?

– Я.

– Меня зовут Том. Я мастер-каменщик. Я хороший работник, а мои дети голодают. Я слышал, здесь есть каменоломня. – Он затаил дыхание.

– Каменоломня есть, но не думаю, что нам нужны туда работники, – сказал Мэттью. Он оглянулся на графа, который почти незаметно покачал головой. – Нет. Мы не можем тебя нанять.

Сердце Тома разрывалось оттого, с какой скоростью принималось решение. Если бы люди были более серьезны, как следует думали над его предложением и отказывали с сочувствием, ему легче было бы это снести. Том видел, что Мэттью не жесток, просто у него слишком

много забот, а Том с его голодной семьей – всего лишь очередная забота, от которой управляющий постарался как можно скорее отделаться.

В отчаянии Том сказал:

– Я бы мог заняться ремонтом замка.

– У нас есть мастер, который делает все, что требуется.

Подобные мастера на все руки обычно были плотниками.

– Я каменщик, – не унимался Том. – Я умею складывать надежные стены.

Этот спор начал раздражать Мэттью, и он было собрался сказать что-нибудь грубое, но взглянул на детей, и его лицо смягчилось.

– Я бы рад дать тебе работу, но мы не нуждаемся в тебе.

Том кивнул. Теперь ему оставалось только смиренно принять то, что сказал управляющий, и с несчастным видом попросить Христа ради поесть да пустить на ночлег. Но с ним была Эллен, и, боясь, что она повернется и уйдет, он решил сделать еще одну попытку и заговорил так громко, чтобы его услышал и граф:

– В таком случае, надеюсь, в ближайшее время вам не придется воевать.

Его слова произвели такой эффект, какого он не ожидал. Мэттью вздрогнул, а граф, вскочив на ноги, резко спросил:

– Почему ты так говоришь?

Том понял, что задел за живое.

– Потому что оборонительные сооружения замка пришли в негодность, – сказал он.

– Что именно? – всполошился граф. – Говори по существу!

Граф был явно раздражен, но заинтересован в его ответе. Том глубоко вздохнул. Другого шанса ему не представится.

– В кладке сторожевой башни осыпался раствор и образовались щели, в которые можно просунуть лом. Враг может запросто при помощи рычага вытащить один-два блока, а когда в стене появятся бреши, очень легко ее разрушить. Кроме того... – Он говорил на одном дыхании, боясь, что его прервут или начнут с ним спорить. – Кроме того, бойницы разрушены до самого парапета, в результате твои лучники и рыцари окажутся незащищенными от...

– Я знаю, для чего предназначены бойницы, – перебил его граф. – Что-нибудь еще?

– Да. Твой дворец имеет подвальное помещение, в которое ведет деревянная дверь. Если бы я решил напасть на замок, я взломал бы эту дверь и поджег склад.

– А если бы ты был графом, как бы ты поступил?

– Я бы заранее подготовил каменные блоки и достаточное количество песка и извести для раствора, да поставил бы каменщика, готового в случае опасности быстро замуровать дверь.

Граф Бартоломео уставился на Тома. Его светло-голубые глаза прищурились, а бледное чело нахмурилось. Трудно было понять по его лицу, о чем он думает. Уж не обиделся ли на Тома за то, что тот так отозвался об оборонительных сооружениях замка? Лучше было не высовываться и предоставить господам самим совершать свои ошибки, но Том находился на пределе.

Наконец граф принял решение. Он повернулся к Мэттью и сказал:

– Найми этого человека.

Том заставил себя подавить подкативший к горлу крик радости. Он не мог поверить своим ушам. На губах Эллен сияла счастливая улыбка. «Папочка, милый папочка!» – закричала Марта, которая не обладала сдержанностью взрослых.

Граф Бартоломео отвернулся и заговорил со стоявшим неподалеку рыцарем. Мэттью улыбнулся Тому.

– Вы сегодня обедали? – спросил он.

Том проглотил слюну. Он чуть не плакал.

– Нет еще.

– Я провожу вас на кухню.

С готовностью последовав за управляющим, они покинули зал и, пройдя по мосту, вернулись в нижний двор. Кухня представляла собой большую деревянную постройку, стоявшую на каменном основании. Мэттью велел подождать на улице. В воздухе висел сладковатый аромат: очевидно, пекли пирожные. У Тома текли слюнки и от голода свело живот.

Через минуту появился Мэттью, держа в руках кувшин с пивом, который он передал Тому.

– Сейчас вам вынесут хлеба и холодной свинины, – сказал он и ушел.

Том сделал глоток и протянул кувшин Эллен. Она дала немного Марте, попила сама и передала пиво Джеку. Прежде чем тот начал пить, Альфред попытался выхватить кувшин, но Джек отвернулся, держа его подальше от Альфреда. Тому не хотелось, чтобы между детьми разгорелась новая ссора, тем более сейчас, когда все складывалось так хорошо. Он уже было собрался вмешаться и тем самым нарушить свое правило не обращать внимания на ребячьи склоки, но тут Джек снова повернулся и покорно передал кувшин Альфреду.

Тот, схватив сосуд, принялся жадно пить. Том, который сделал только глоток, думал, что кувшин пройдет по кругу еще разок, но Альфред, похоже, собрался его осушить. И в этот момент случилось нечто непонятное. Когда Альфред перевернул кувшин, чтобы прикончить последние капли, что-то похожее на маленькую зверушку упало ему на лицо.

Он заорал от испуга, бросил кувшин и, смахнув мохнатый комочек, отпрыгнул назад.

– Что это?! – завопил он. Непонятный предмет шлепнулся на землю. Побледнев и дрожа от омерзения, Альфред уставился на него.

Это был мертвый воробей.

Том поймал взгляд Эллен, и они оба посмотрели на Джека.

Тот мирно стоял и смотрел на ошарашенного Альфреда, а на его умном полудетском-полувзрослом лице играла чуть заметная улыбка.

Джек знал, что поплатится за это.

Альфред отомстит. Предположим, пока остальные не видят, ударит в живот. Это был его излюбленный удар, очень болезненный и не оставлявший следов. Джек уже несколько раз видел, как Альфред проделывал это с Мартой.

Но ради того чтобы понаблюдать за перепуганным Альфредом и послушать его визг, стоило стерпеть даже удар в живот.

Альфред его ненавидел. Дотоле это чувство было не знакомо Джеку. Мать всегда его любила, а других людей он не знал. Для враждебности у Альфреда не существовало видимых причин. Казалось, точно так же он относился и к Марте. Он вечно ее щипал, таскал за волосы, толкал и с наслаждением ломал всякую безделушку, которой она дорожила. Мать Джека видела это и не одобряла, но отец Альфреда, похоже, не усматривал в том ничего предосудительного, хотя сам был человеком добрым и ласковым и, без сомнения, очень любил Марту, и это одновременно и удручало, и трогало Джека.

Никогда в жизни Джеку не было так интересно. Все вокруг буквально очаровывало его. И, несмотря на стычки с Альфредом, постоянное чувство голода и то, как больно было ему видеть, что мать почти все внимание уделяет не ему, а Тому, Джека действительно ошеломила беспрестанная череда неизведанных ощущений и новых явлений.

Последним из чудес стал замок. До этого он лишь слышал о замках: в лесу длинными зимними вечерами мать учила его декламировать шансоны, героические французские поэмы о рыцарях и чародеях, – большинство из них были очень длинные, порой в несколько тысяч строк, – и в этих историях все события происходили как раз в замках. Никогда прежде не видев настоящего замка, Джек полагал, это что-то вроде пещеры, в которой он жил, только больших размеров. Действительность потрясла его воображение: замок оказался таким огром-

ным, а внутри было так много зданий и такая толпа людей, и все что-то делали: подковывали лошадей, таскали воду, кормили кур, пекли хлеб и перетаскивали с места на место самые разные вещи: сено для полов, дрова для очагов, мешки с мукой, тюки материи, мечи, седла, кольчуги... Том рассказал ему, что земляной вал и ров созданы не природой, а руками десятков людей, работавших сообща. Джек верил Тому, но ему казалось немыслимым, что все это действительно сделано человеком.

Ближе к вечеру, когда в темноте стало трудно работать, все устремились в большой зал. Зажгли свечи и подбросили в очаг поленьев. Собаки тоже прибежали погреться. Несколько мужчин и женщин взяли стоявшие в стороне доски и козлы и, соорудив столы, составили их в форме буквы «Т», затем к верхней перекладине «Т» придвинули стулья, а по обеим сторонам вертикальной линии поставили скамьи. Джек никогда не видел, как множество людей работают вместе, и был поражен тем, что это доставляло им удовольствие. Они улыбались и даже смеялись, поднимая тяжеленные доски, то и дело покрикивая «А-ап!», или «На меня давай, на меня!», или «Опускай помалу». Джек завидовал тому духу товарищества, что царил среди них, и спрашивал себя, сможет ли и он испытывать что-либо подобное.

Вскоре все уселись на скамьи. Слуга разложил на столе большие деревянные миски и деревянные же ложки, затем снова обошел вокруг стола и положил в каждую миску по широкому ломтю черствого ржаного хлеба. Другой слуга, принеся деревянные кружки, разливал в них пиво из нескольких больших кувшинов. И Джек, и Марта, и Альфред, сидевшие рядышком на самом дальнем конце стола, – все получили по кружке с пивом, так что воевать было не за что. Джек поднял свою кружку, но мать велела ему немного подождать.

Когда пиво было разлито, зал погрузился в тишину. Джек ждал, как всегда, заворуженно глядя, что произойдет. Минуту спустя на лестнице, ведущей в графские покои, появился Бартоломео. Он спустился в зал в сопровождении управляющего, трех или четырех богато одетых людей, мальчика и прелестного создания, красивее которого Джек никогда не видел.

Это была девушка или женщина – он точно не знал, – одетая в белую тунику с невероятно длинными рукавами, которые, пока она плавно скользила по ступенькам, змейкой стелились следом. У нее были густые темные вьющиеся волосы, обрамлявшие очаровательное личико, и темные-претемные глаза. Теперь Джек понял, что имелось в виду в *chansons*, когда в них шла речь о прекрасной принцессе, живущей в замке. Ничего удивительного, что все рыцари так безутешно плакали, когда принцесса умерла.

Когда девушка сошла вниз, Джек разглядел, что она совсем еще юная, всего на несколько лет старше его самого. Гордо держа свою изящную головку, она, словно королева, прошла во главу стола и села рядом с графом Бартоломео.

– Кто это? – зашептал Джек.

– Должно быть, графская дочка, – ответила Марта.

– А как ее зовут?

Марта пожала плечами, однако сидевшая рядом с Джеком чумахая девчушка шепнула ему:

– Ее имя Алина. Красавица!

Граф поднял свою чашу за Алину, затем медленно обвел глазами сидевших за столом и выпил. Это был сигнал, которого ждали. По примеру своего господина, прежде чем выпить, все подняли чаши в знак приветствия.

Ужин принесли в огромных дымящихся котлах. Сначала еду подали графу, затем его дочери, потом мальчику, сидевшим во главе стола знатным особам, и уже после них каждый накладывал себе сам. В тот день на ужин была тушенная со специями рыба. Джек сначала съел рыбу, а затем принялся за хлеб, обмакивая его в жирный соус, оставшийся на дне миски. Пережевывая, он неотрывно глядел на Алину, все в ней привлекало его: грациозные движения, которыми она накалывала на кончик ножа кусочки рыбы, властный голос, которым подзывала

слуг и отдавала приказания. Казалось, все они любили ее и тут же подходили на ее зов, с улыбкой слушали распоряжения и спешили исполнить ее желания. Джек заметил, что сидевшие за столом молодые люди то и дело поглядывали на нее и некоторые из них начинали рисоваться, когда им казалось, что она смотрит в их сторону. Но ее больше заботили пожилые гости отца, и она постоянно следила, чтобы у них было достаточно хлеба и вина, задавала им вопросы и внимательно выслушивала ответы. Джек пытался понять, что должен чувствовать человек, когда с ним говорит прекрасная принцесса, а затем, глядя своими огромными глазами, слушает его.

После ужина двое мужчин и женщина, взявши колокольцы, барабан и сделанные из костей животных и птиц дудочки, стали выводить протяжные мелодии. Граф закрыл глаза и весь, казалось, погрузился в музыку, но Джеку не понравился этот навязчивый, меланхолический мотив. Ему больше по душе были веселые песни, что пела мать. Да и остальные, сидевшие в зале, похоже, придерживались того же мнения, ибо они беспрестанно ерзали и шаркали ногами, а когда музыка закончилась, облегченно вздохнули.

Джек надеялся, что ему удастся поближе рассмотреть Алину, но едва музыканты кончили играть, она встала и пошла наверх, где, должно быть, находилась ее спальня.

Дети и кое-кто из взрослых, чтобы скоротать вечер, играли в шахматы и «девять камешков», а более трудолюбивые занялись изготовлением ремней, головных уборов, носков, перчаток, посуды, свистулек, игровых костей и прочих нужных вещей. Джек сыграл в шахматы несколько партий и все выиграл, но когда проигравший ему воин не на шутку рассердился, Эллен постаралась побыстрее увести сына. Джек бродил по залу, прислушиваясь к разговорам людей. Некоторые из них вполне разумно рассуждали о земледелии и домашней скотине или о епископах и королях, другие же шутили, хвастали или рассказывали забавные истории. Но Джеку все они одинаково интересны.

Свечи одна за другой стали гаснуть, граф удалился в свои покои, а оставшиеся шестьдесят или семьдесят человек, завернувшись в одежду, стали укладываться спать на покрытом сеном полу.

Как обычно, мать легла с Томом, накрывшись его широченным плащом и обняв его так, как она обнимала Джека, когда тот был совсем маленьким. Он с завистью смотрел на них, слушая, как они о чем-то шепчутся, и его мама время от времени тихо, игриво смеется. Чуть позже их тела начали ритмично двигаться под плащом. Когда Джек впервые увидел, как они это делают, он ужасно разволновался, думая, что, чем бы они ни занимались, должно быть, это очень больно, но они целовались, и, хотя его мать порой стонала, он чувствовал, что стонала она от удовольствия. Джек сам не понимал почему, но ему не хотелось спрашивать ее об этом. Сейчас же, при свете угасавшего в очаге огня, он увидел, как то же самое делает другая пара, и вынужден был признать, что, должно быть, это нормально. «Еще одна загадка», – подумал он и через минуту заснул.

Ни свет ни заря дети были уже на ногах, но завтрак подавали только после мессы, а мессу служили, когда встанет граф, и поэтому им пришлось ждать. Слуги, которые поднимались раньше всех, поручили им натаскать дров на весь день. Врывавшийся через открываемую дверь холодный воздух выстудил помещение, и взрослые начали просыпаться. Когда дети уже натаскали дров, они увидели Алину...

Как и накануне вечером, она спустилась в зал по лестнице, но сегодня выглядела совсем иначе. На ней была короткая туника, на ногах – валеные башмаки. Вьющиеся волосы, убранные назад и затянутые лентой, открывали изящную линию подбородка, маленькие ушки и белоснежную шею. Темные глаза, казавшиеся накануне серьезными и взрослыми, искрились весельем и радостью; на губах играла улыбка. Алину сопровождал тот самый мальчик, что во время ужина сидел рядом с ней и графом, на год-два старше Джека. Он с любопытством разглядывал незнакомых детей, но первой с ними заговорила Алина.

– Вы кто? – спросила она.

– Мой отец каменщик, который будет ремонтировать замок. Меня зовут Альфред, это моя сестра Марта, а это Джек.

Когда она подошла поближе, Джек с благоговением почувствовал запах лаванды. И как это человек может пахнуть цветами?

– Сколько тебе лет? – Алина продолжала разговаривать с Альфредом.

– Четырнадцать. – Джек видел, что Альфред тоже очарован ею.

– А тебе сколько? – набравшись смелости, выпалил Альфред.

– Шестнадцать. Есть хотите?

– Хотим.

– Пошли со мной.

Следом за ней дети вышли из зала и спустились по ступенькам.

– Но до мессы нам ничего не дадут, – снова заговорил Альфред.

– Здесь делают то, что велю я, – вскинув голову, сказала Алина.

Через мост она провела их в нижний двор и велела дожидаться у кухни, сама же вошла.

– Правда, хорошенечкая? – повернувшись к Джеку, прошептала Марта.

Он молча кивнул. Через несколько минут Алина вышла, держа в руках кувшин с пивом и буханку пшеничного хлеба. Разломив хлеб, дала каждому по куску и пустила по кругу кувшин.

– А где твоя мама? – робко спросила Марта.

– Моя мама умерла, – проговорила Алина.

– Тебе грустно?

– Было грустно, но это случилось давным-давно. – Она кивнула на стоящего рядом мальчика: – Ричард даже не помнит.

Джек понял, что Ричард, по всей вероятности, брат.

– Моя мама тоже умерла, – сказала Марта, и к ее глазам подступили слезы.

– Когда? – спросила Алина.

– Неделю назад.

Джек обратил внимание, что слезы Марты не тронули Алину, если только таким образом она не пыталась спрятать собственное горе.

– Постой, – она удивленно посмотрела на Марту. – Кто же тогда женщина, что пришла с вами?

– Моя мама, – подал голос Джек. Ему жуть как хотелось что-нибудь ей сказать.

Алина взглянула на него, словно впервые увидела.

– А где в таком случае твой отец?

– У меня его нет, – ответил Джек. Уже то, что она смотрела на него, заставляло его испытывать волнение.

– Он тоже умер?

– Нет, – сказал Джек. – У меня никогда не было отца.

С минуту все молчали, а потом Алина, Ричард и Альфред грохнули от смеха. Озадаченный Джек смотрел на них непонимающими глазами, а они заливались все сильнее. Он чувствовал себя оскорбленным. Что смешного, если у него никогда не было отца? Даже Марта улыбалась, забыв про слезы.

– Тогда откуда же ты появился, – язвительно спросил Альфред, – если у тебя не было отца?

– Из мамы. Все малыши появляются из своих мам, – сказал совершенно сбитый с толку Джек. – Отцы-то здесь при чем?

Они захохотали еще громче. Ричард весело прыгал, показывая на Джека пальцем, а Альфред, повернувшись к Алине, заявил:

– Да он ничего не понимает! Мы его в лесу нашли.

У Джека запыхались щеки. Он был так счастлив говорить с Алиной, а теперь она считает его законченным дураком, лесным дикарем, и, что еще хуже, он действительно не понимал, почему они смеялись. Хотелось плакать, а хлеб застрял в горле, и никак не мог его проглотить. Джек посмотрел на Алину. Ее милое личико покраснело от смеха. Это было невыносимо. Он бросил на землю хлеб и ушел.

Джек брел куда глаза глядят, пока не уткнулся в земляной вал. По его пологому склону он вскарабкался на вершину и сел на холодную землю, глядя вдаль, жалея себя и ненавидя и Альфреда, и Ричарда, и даже Марту с Алиной. «У принцесс нет сердца», – решил он.

Зазвонили к утренней мессе. Церковные службы стали для него еще одной загадкой. На языке, который не был ни английским, ни французским, священники пели гимны и разговаривали со статуями, картинами и даже существами, которые были вообще невидимы. По возможности, мать Джека старалась избегать посещения служб. Поскольку население Эрлскастла потянулось к часовне, Джек незаметно перебежал на другую сторону вала и притаился.

Замок окружали ровные голые поля, а вдаль начинался лес. Два ранних путника шагали по направлению к воротам. Небо было затянуто низкими серыми тучами. «Может, пойдет снег?» – подумал Джек.

Он увидел еще двоих гостей, приближавшихся к замку. Эти были верхом. Они скакали во весь опор, быстро настигая первую пару. Подъехав к деревянному мосту, перевели коней на шаг. Всем четверым придется дожидаться окончания мессы, прежде чем они смогут заняться делами, ибо службу посещали все, кроме стоявших на часах стражников.

Внезапно раздавшийся рядом голос заставил Джека подпрыгнуть.

– Ах, вот ты где! – То была его мать. Джек обернулся, и она поняла, что сын расстроен. – Что случилось?

Он хотел, чтобы она утешила его, но вместо этого заставил свое сердце ожесточиться и произнес:

– Скажи, мама, у меня был отец?

– Да. – Она опустила руку рядом. – У всех есть отцы.

Он отвернулся. Это она виновата в его унижении, так как никогда не рассказывала об отце.

– И где он теперь?

– Он умер.

– Когда я был маленьким?

– Еще до того, как ты родился.

– Но как же он мог быть моим отцом, если умер еще до моего рождения?

– Видишь ли... дети получают из семени. А семя выходит из мужского члена и сеется у женщины внутри. Затем у нее в животике из этого семени вырастает ребенок, а когда наступает срок, он выходит на свет Божий.

С минуту Джек молчал, переваривая услышанное. Он подозревал, что все это связано с тем, что мать и Том делают по ночам.

– Том собирается посеять в тебя семя?

– Может быть.

– И тогда у тебя будет еще один ребенок?

Она кивнула.

– Твой братишка. Ты хотел бы?

– Мне все равно, – сказал Джек. – Том уже отнял у меня тебя. Брат ничего не изменит.

Она обняла и прижала его к себе.

– Никто никогда не сможет отнять меня у тебя.

Ему стало немного лучше.

Они еще помолчали, потом она сказала:

– Холодно здесь. Пойдем посидим до завтрака у огня.

Джек кивнул. Они встали и, перебравшись через земляной вал замка, сбежали по его склону во двор. Тех четверых, что прибыли этим утром, видно не было. Возможно, они пошли в часовню.

Проходя по мосту в верхний двор, Джек спросил:

– А как звали моего отца?

– Так же, как и тебя, – Джек, – ответила она. – Джек Шербур.

Это было приятно. Он носил то же имя, что и отец.

– Значит, если появится еще один Джек, я могу говорить, что меня зовут Джек, сын Джека – Джексон.

– Можешь. Люди не всегда называют нас так, как нам хочется... Но можно попробовать.

Джек кивнул. Теперь он чувствовал себя гораздо лучше. Впредь он будет звать себя Джек Джексон. Ему уже не было так стыдно. В конце концов он узнал, что такое отцы. И еще он узнал имя своего.

Они подошли к сторожевой башне верхнего двора. Здесь часовых не было. Мать остановилась и нахмурилась.

– Чует мое сердце, что-то здесь не то, – сказала она.

Ее голос звучал спокойно и обыденно, но в нем слышалась тревожная нотка, от которой по спине Джека пробежал холодок и появилось предчувствие беды.

Мать направилась в сторожевую башню. Мгновение спустя Джек услышал ее сдавленный взглас. Он побежал за ней. Мать застыла от потрясения – ладони прижаты к губам, глаза уставились в пол.

Часовой лежал на спине, раскинув руки, с перерезанным горлом. Рядом с ним разлилась целая лужа крови. Без сомнения, он был мертв.

III

Уильям Хамлей и его отец выехали в полночь. С ними была почти сотня конных рыцарей и воинов. В арьергарде ехала мать. Все это войско, освещаемое пылающими факелами, их укутанные от морозного ночного воздуха лица, должно быть, наводили ужас на жителей деревень, через которые они проносились по пути в Эрлскастл. Когда домчались до перекрестка дорог, было еще совсем темно. Здесь они пустили коней шагом, чтобы дать им отдохнуть и не создавать лишнего шума. А когда забрезжил рассвет, войско Хамлеев укрылось в лесу, что окружал замок графа Бартоломео.

Уильям не сосчитал точного числа ратников, которых видел в замке, – за это упущение мать бранила его нещадно, несмотря на то что, как пытался он ей объяснить, многие из находившихся там воинов ждали, когда их пошлют с поручением, в то время как другие вполне могли прибыть и после его отъезда, так что на его подсчет все равно нельзя было бы положиться. Но как сказал отец, это все же лучше, чем ничего. По приблизительной оценке Уильяма, в замке собралось около сорока воинов. Таким образом, если за последние несколько часов не произошло серьезных изменений, Хамлеи будут иметь преимущество даже большее, чем два против одного.

Конечно, обложить замок им не удастся. Однако они разработали план, как его захватить, не прибегая к осаде. Трудность заключалась лишь в том, что дозорные непременно заметят приближение неприятеля и успеют закрыть ворота задолго до того, как отряд окажется у них. Нужно было найти способ сохранить ворота замка открытыми в течение того времени, которое потребуется войску, чтобы домчаться туда из своего лесного укрытия.

Только мать Уильяма могла разрешить эту проблему.

– Нужен отвлекающий удар, – сказала она, трогая фурункул на щеке. – Нечто такое, что посеет в них панику, и они заметят наше войско только тогда, когда будет слишком поздно. Что-нибудь вроде пожара.

– Если придет кто-то чужой, – возразил Перси Хамлей, – и устроит пожар, это тем более встревожит их.

– Нужно сделать по-хитрому, – подал голос Уильям.

– Именно так, – нетерпеливо сказала мать. – Этим займешься ты, когда они соберутся на мессу.

– Я?! – опешил Уильям.

В общем, начало операции было возложено на него.

Утреннее небо светлело невыносимо медленно, Уильям нервничал, теряя терпение. Ночью они внесли в план некоторые уточнения, но уверенности в том, что его удастся осуществить, не было: Уильяма с товарищами могли по каким-то причинам не пустить в замок, или они могли вызвать подозрение, и тогда было бы невозможно действовать исподтишка, или их могли схватить до того, как они успеют хоть что-нибудь сделать. Но даже если план удастся, предстоит сражение, первое настоящее сражение Уильяма. Будут раненые и убитые, и одним из этих неудачников вполне может оказаться он сам. От страха у него свело живот. Там будет и Алина, а случись ему потерпеть поражение, она, конечно же, об этом узнает. Но с другой стороны, если он станет победителем, то у нее на глазах. Уильям вообразил, как ворвется в ее спальню с окровавленным мечом в руке. Тогда-то она и пожалеет, что выставила его на посмешище.

Из замка донесся звон колокола, созывавшего прихожан на утреннюю мессу.

Уильям кивнул, и двое, отделившись от его группы, полем пошли по направлению к замку. Это были Раймонд и Рэннульф, воины с суровыми лицами и крепкими мускулами, всего на несколько лет старше Уильяма. Он сам их выбрал: отец наделил его полной свободой действий. Что до старшего Хамлея, то он возглавит остальной отряд.

Уильям смотрел, как Раймонд и Рэннульф быстро шагают по замерзшему полю. Когда до замка оставалось рукой подать, он взглянул на Уолтера, пнул его коня, и они рысью рванули вперед. Часовые на башнях должны были увидеть, что к замку приближаются четверо: двое пеших и два всадника. Все это выглядело абсолютно невинно.

Расчет Уильяма оправдался. Они с Уолтером обогнали Раймонда и Рэннульфа примерно в сотне ярдов от замка и спешили у моста. Сердце Уильяма замерло. Если он не справится с заданием, то и штурм сорвется.

У ворот стояли двое стражников, Уильям не мог отделаться от мысли, что в замке его ждет засада и, как только он подойдет, на него набросится дюжина воинов, которые изрубят его на куски. Однако стражники, хоть и выглядели настороженно, волнения не проявляли. Они были без доспехов, а у Уильяма с Уолтером под плащами были надеты кольчуги.

Страх буквально парализовал Уильяма, во рту пересохло. Один из стражников его узнал.

– Привет тебе, лорд Уильям! – весело крикнул он. – Снова пожаловал просить руки госпожи, а?

«Прости, Господи», – слабым голосом прошептал Уильям и вонзил ему в живот кинжал, резким движением направив лезвие вверх – под ребра, к сердцу.

Захрипев, тот изогнулся и широко раскрыл рот, словно собираясь закричать. Шум мог все испортить. Потеряв голову и не зная, что делать, Уильям рванул кинжал на себя и, ударив им в перекошенный от боли рот, пропихнул в горло. Крик умирающего захлебнулся в хлынувшей крови. Его глаза закатились. Когда он рухнул на землю, Уильям выдернул наконец кинжал.

Испуганный возней, конь Уильяма попятился. Уильям ухватил его за узду и взглянул на Уолтера, который только что расправился со вторым стражником. Слуга действовал более умело, одним движением перерезав жертве горло, так что тот умер, не издав ни звука. Про себя

Уильям решил, что это следует запомнить: может пригодиться, когда ему потребуется добить кого-то без лишнего шума. И тут его осенило. «Я сделал это! – восторженно подумал он. – Я убил человека!»

Он понял, что больше не испытывает страха.

Передав поводья Уолтеру, Уильям побежал по винтовой лестнице на самый верх сторожевой башни. Там находился механизм для подъема моста. Двух ударов мечом оказалось достаточно, чтобы разрубить толстый канат, конец которого Уильям выбросил в окно. Упав на берег рва, канат плавно и почти бесшумно сполз в воду. Теперь уже никто не сможет поднять этот мост, когда налетит отцово войско.

Раймонд и Рэннульф подошли как раз в тот момент, когда Уильям уже спускался. Первым делом им надо было сломать гигантские, обитые железом дубовые ворота, закрывавшие арку, под которой находился проход с моста на внутреннюю территорию замка. Они вытащили принесенные с собой деревянные молотки и зубила и принялись выбивать строительный раствор, в котором крепились мощные металлические петли. Ударявшиеся о зубила молотки производили глухой, тяжелый грохот, который казался Уильяму невыносимо громким.

Между тем он, не теряя времени, оттащил мертвых стражников в сторожевую башню. Поскольку местное население слушало мессу в храме, можно было надеяться, что тела убитых обнаружат, когда будет уже слишком поздно.

Он взял у Уолтера поводья своего коня, они вышли из-под арки и через двор направились к конюшне. Уильям старался идти спокойным, неторопливым шагом, тайком поглядывая на стоявших на сторожевых башнях часовых. Вдруг кто-нибудь из них видел, как упал в ров канат подъемного моста? Не смущает ли их стук молотков? Но они безразлично смотрели на шедших по двору незнакомцев, а стук молотков, уже не такой отчетливый в ушах Уильяма, похоже, наверху и вовсе был неслышим. Уильям чувствовал облегчение. Задуманный ими план осуществлялся.

Они вошли в конюшни и, не завязывая, набросили на жердь поводья своих коней, чтобы животные легко могли убежать. Затем Уильям достал огниво, высек искру и поджег лежавшее на полу сено. Оно было грязным, а местами и мокрым, но тем не менее начало медленно разгораться. Уильям запалил его еще в нескольких местах. Тем же самым был занят Уолтер. С минуту они стояли, глядя, как разгорается огонь. Почувявшие запах дыма лошади начали волноваться в своих стойлах.

Выбравшись из конюшен, они снова очутились посреди двора. Под аркой ворот Раймонд и Рэннульф все еще отбивали раствор вокруг петель. Уильям и Уолтер повернули в сторону кухни, делая вид, будто собираются попросить еды, что выглядело бы вполне естественно. Во дворе не было ни души – все молились. Словно бы мимоходом посмотрев на часовых, Уильям убедился, что они совсем не обращали внимания на то, что происходит в замке и внимательно глядели вдаль, через окружавшие замок поля, как, в общем-то, и должно быть. Тем не менее Уильям все ожидал, что кто-нибудь окликнет их, и им придется убить этого человека прямо посреди двора, а если так случится, их песенка будет спета.

Они обогнули кухню и направились к мосту, что вел в верхний двор. Проходя мимо часовни, они слышали приглушенные звуки церковной службы. Уильям с замиранием сердца подумал, что и граф Бартоломео сейчас там – ничего не подозревающий и не ведающий, что в миле от замка стоит войско, четверо врагов уже пробрались в крепость, а конюшни объаты пламенем. И Алина была там. Он представил себе, как она стоит на коленях, молится. «Скоро она будет ползать на коленях передо мной», – подумал Уильям, и кровь застучала у него в висках.

Они вступили на мост. Разрубив подъемный канат и сломав ворота, они обеспечили беспрепятственный проход своему войску по первому мосту. Но граф мог ускользнуть от них по

второму и отсидеться за стенами верхнего двора. Следующей задачей Уильяма было поднять этот мост и тем самым запереть графа в нижнем дворе.

Они подошли ко вторым воротам. Из сторожевой башни им навстречу вышел часовой.

– Рано пожаловали, – сказал он.

– Нас вызвал граф, – заявил Уильям.

Он приблизился к стражнику, но тот сделал шаг назад. Нельзя было допустить, чтобы он отступил слишком далеко, ибо тогда стражник выйдет из-под арки и его увидят часовые, охраняющие крепостной вал верхнего двора.

– Граф сейчас в часовне, – сказал стражник.

– Что ж, придется подождать.

Этого человека надо было убить быстро и без шума, а Уильям не знал, как к нему подойти. Он бросил на Уолтера вопросительный взгляд, но тот с невозмутимым видом ждал.

– Во дворце есть очаг, – предложил стражник. – Пойдите, обогрейтесь пока. – Уильям медлил, и стражник начал проявлять беспокойство. – Чего вы ждете? – с раздражением спросил он.

Уильям отчаянно искал, что бы такое сказать.

– А нельзя ли еще и подкрепиться? – нашелся он.

– Только после мессы, – ответил часовой. – Завтрак подают во дворце.

Уильям увидел, как Уолтер незаметно отходит в сторону. Если бы стражник немного повернулся, Уолтер смог бы подобраться к нему сзади. Уильям сделал несколько шагов, якобы собираясь пройти мимо и при этом говоря:

– Я не в восторге от гостеприимства твоего графа. – Часовой, следя за ним глазами, поворачивался. – Мы приехали издали...

Уолтер сделал прыжок.

Он набросился на часового, левой рукой резко запрокинул ему голову, а правой, сжимавшей нож, полоснул по горлу. Уильям облегченно выдохнул. Все было сделано мгновенно.

За это утро они вдвоем уже убили трех человек. Уильям ощущал себя чуть ли не всемогущим. После сегодняшнего никто уже не посмеет смеяться над ним.

Уолтер оттащил убитого в башню. Ее конструкция была точно такой же, что и у первой: винтовая лестница вела в помещение, где находился механизм подъема моста. Уильям побежал наверх, Уолтер за ним.

Вчера Уильяму не удалось разнюхать, что из себя представляет это помещение. Да он и не думал этого делать, а если бы захотел, трудно было бы найти подходящий предлог. Он предполагал, что там находится подъемное колесо или крутящийся барабан с ручкой, но никакого механизма не было и в помине – только канат да ворот. Единственный способ поднять мост – тянуть канат. Уильям и Уолтер ухватились за него и что было сил потянули, но мост даже не скрипнул. Для такого дела требовался десяток здоровых мужиков.

Некоторое время Уильям пребывал в растерянности. Странно. У первого моста имелось здоровенное подъемное колесо, с которым они с Уолтером могли легко справиться. И тут он понял, что внешний мост поднимается каждую ночь, в то время как этот – только в случае нападения.

Так что сколько голову ни ломай, ничего придумать не удастся. Оставалось решить, что делать дальше. Хотя им не удалось поднять мост, они могли все же закрыть ворота, и это на какое-то время задержит здесь графа.

Они поспешили вниз. Когда Уильям находился уже у подножия лестницы, он остановился, словно пораженный громом. Похоже, не все были в часовне. Он увидел, как из башни выходят женщина и ребенок.

Ноги Уильяма задрожали. Он сразу узнал эту женщину. Это была жена строителя, которую он пытался накануне купить за фунт серебра. Она тоже узнала его, и ее сверлящие, медо-

вого цвета глаза словно заглянули ему внутрь. Уильям и не рассчитывал, что ему удастся притвориться невинным посетителем, ожидающим графа; он знал: ее не провести. Сейчас главное было не дать ей поднять тревогу. А сделать это можно было, только убив ее, быстро и тихо, так, как они убили стражников.

Ее всевидящие глаза читали его мысли. Схватив ребенка, она бросилась прочь. Уильям рванулся за ней, но она оказалась проворней. Со всех ног она побежала в сторону дворца. Уильям и Уолтер мчались следом.

Женщина бежала легко, словно летела, а на них были тяжелые кольчуги, да и оружие стесняло движения. Добежав до лестницы, что вела в большой зал дворца, она с визгом понеслась вверх по ступенькам. Уильям, подняв глаза, оглядел крепостной вал. По крайней мере двое часовых услышали ее крики. Игра закончилась. Тяжело дыша, Уильям и Уолтер остановились у подножия лестницы. Два, три, затем четыре стражника уже спешили с крепостного вала вниз. Женщина вместе с мальчиком скрылась за дверью большого зала. Больше она их не интересовала: теперь, когда часовые подняли тревогу, какой смысл за ней гоняться?

Уильям и его верный слуга вытащили мечи и, встав плечом к плечу, приготовились драться за свои жизни.

Когда священник поднял над алтарем гостию³, Том почувствовал, что с лошадьми что-то случилось. Он отчетливо слышал, как они тревожно ржали и били копытами. А через минуту кто-то, прервав монотонное пение священника, громко сказал:

– Пахнет дымом!

Теперь уже все ясно почувствовали запах гари. Том был выше других, и, встав на цыпочки, он выглянул из окна часовни. В конюшнях бушевало пламя.

– Пожар! – крикнул он, и прежде чем успел сказать что-либо еще, его голос утонул в криках собравшихся. В дверях образовалась давка. Служба прервалась. Том задержал Марту, опасаясь, что в толчее ее могли покалечить, и велел Альфреду тоже оставаться со всеми. Его беспокоило, где сейчас Эллен и Джек.

Не прошло и минуты, а в часовне, кроме них троих да раздосадованного священника, уже никого не осталось.

Том вывел детей на улицу. Кругом бегали возбужденные люди: одни спасали лошадей, другие таскали воду, заливая огонь. Эллен видно не было. Уцелевшие лошади носились по двору, обезумев от огня и царившей в замке суматохи. Слышен был ужасный топот. Прислушавшись на мгновение, Том нахмурился: слишком ужасный топот – словно не два-три десятка, а сотни лошадей неслись во весь опор. Внезапно ему в голову пришла страшная мысль.

– Марта, постой здесь минутку! – приказал он. – Посмотри за ней, Альфред.

Он подбежал к крепостному валу и начал карабкаться по насыпи. Склон был крутой. С трудом добравшись до вершины, тяжело дыша, он посмотрел вдаль.

Догадка подтвердилась, и он почувствовал, как страх, словно ледяными тисками, сжал его сердце. Конное войско, человек под сто, мчалось через грязное поле по направлению к замку. Вид его был ужасен. Том смог разглядеть металлический блеск кольчуг и обнаженных мечей. Кони неслись во весь опор, из их ноздрей вырывались струи горячего пара, окутывая войско словно туманом. Седоки пригнулись, устремленные вперед, суровые и беспощадные. Не было слышно ни гиканья, ни криков, лишь оглушительный грохот сотен ударявшихся о землю копыт.

Том оглянулся. Почему никто не слышит, что приближается вражеское войско? Понятно: топот копыт глушит крепостной вал и еще он сливается с шумом царящей во дворе паники.

³ Гостия – «жертва» (лат.), маленькая лепешка из пресного пшеничного теста с изображенным на ней распятием или агнцем, употреблявшаяся в обряде причастия.

Но почему часовые ничего не заметили? Потому что они покинули башни и бросились тушить пожар. Да, тот, кто осуществил нападение, должно быть, очень умен. Только Том мог предупредить всех о приближении врага.

Но где же Эллен?

Топот копыт становился все слышнее, а его глаза шарили по двору, большую часть которого покрывал густой белый дым. Эллен видно не было.

Неподалеку от пруда он разглядел графа Бартоломео, который пытался организовать доставку воды для тушения пожара. Сбежав с насыпи, Том кинулся туда. Схватив графа за плечо и пытаясь перекрыть всеобщий шум, он завопил ему прямо в ухо:

– Это нападение!

– Что?!

– Нас атакуют!

Мысли графа были заняты пожаром.

– Атакуют?! Кто?!

– Сам послушай! – закричал Том. – Сотня всадников!

Граф насторожился. Том видел, как менялось выражение его бледного лица.

– Клянусь Богом, ты прав! – Граф был встревожен. – Ты видел их?

– Видел.

– Кто... Впрочем, какая разница! Сотня, говоришь?

– Да...

– Петер! Ральф! – призвал граф рыцарей, отвернувшись от Тома. – Это набег. Пожар устроен, чтобы отвлечь внимание. Нас атакуют! Велите воинам приготовить мечи! Живей, живей! – приказал граф и повернулся к Тому. – Пойдешь со мной, каменщик. Ты крепкий, сможешь закрыть ворота. – Он побежал через двор, Том поспешил за ним. Если бы им удалось вовремя закрыть ворота и поднять мост, враг был бы остановлен.

Добравшись до сторожевой башни, сквозь арку они увидели приближавшееся войско. Оно опасно приблизилось – оставалось меньше мили от замка – и, как заметил Том, начало постепенно растягиваться: впереди неслись самые быстроногие кони, а те, что похуже, отстали.

– Посмотри на ворота! – закричал граф.

Том посмотрел. Две огромные, обитые железом дубовые створки лежали на земле. Петли были вырваны из стены.

Оглянувшись, Том посмотрел во двор, все еще стараясь отыскать Эллен. Но ее нигде не было видно. Что это могло означать? Вдруг что случится, он должен быть рядом, чтобы защитить ее.

– Мост! – крикнул граф.

Том знал, что лучший способ защитить Эллен – остановить врага. Граф кинулся вверх по винтовой лестнице, и Том с усилием последовал за ним. Если они поднимут мост, нескольких воинов будет достаточно, чтобы удержать врага у въезда в замок. Но когда он взглянул на подъемный механизм, его сердце упало. Трос был обрублен.

Граф Бартоломео проклинал все на свете.

– Чтобы придумать такое, надо быть коварным, как дьявол! – с горечью сказал он.

Тому стало ясно, что те, кто сломал ворота, обрубил канат подъемного моста и устроил пожар, все еще в замке. Он озираясь, пытаясь угадать, где могли спрятаться незваные гости.

Граф посмотрел в узкое окошко бойницы.

– О Боже! Они уже почти здесь, – и побежал вниз по лестнице.

Том следовал за ним по пятам. Под аркой ворот несколько рыцарей торопливо застегивали пряжки ремней, на которых висели мечи, и надевали шлемы. Граф Бартоломео принялся отдавать приказы:

– Ральф и Джон! Отгоните на ту сторону моста несколько лошадей и перегородите ими дорогу. Ричард, Петер, Робин! Возьмите еще кого-нибудь и займите позицию здесь. – Проход был узким, поэтому несколько воинов могли некоторое время сдерживать нападающих. – Ты, каменщик, уводи слуг и детей в верхний двор.

Том обрадовался возможности поискать Эллен. Прежде всего он побежал к часовне. Испуганные Альфред и Марта стояли там, где он оставил их несколько минут назад.

– Идите во дворец! – крикнул он. – Встретите других детей и женщин, скажите, чтобы шли с вами – приказ графа. Живо!

Они убежали.

Том огляделся вокруг. Чуть позже и он последует за ними: в нижнем дворе оставаться нельзя. Но сейчас у него оставалось несколько минут, чтобы исполнить поручение графа. Он бросился к конюшням.

– Прекратите тушить огонь, замок атакуют! – заорал он что было мочи. – Уводите детей во дворец!

От едкого дыма на глаза выступили слезы. Он подбежал к небольшой кучке людей, смотревших, как пламя пожирает конюшни, и передал приказание графа. Затем – к конюхам, окружавшим метавшихся лошадей. Эллен нигде не было.

Задыхаясь в дыму и кашляя, Том помчался через двор назад, к мосту, перекинутому на верхний остров. Там он остановился, хватая ртом воздух. Людской поток устремился через мост. Том был почти уверен, что Эллен и Джек уже в замке, но все же оставалось опасение, что они не успели скрыться, и это приводило его в ужас. Он видел, как небольшой отряд рыцарей бился в рукопашном бою под аркой нижних ворот. Только это и можно было разглядеть – все остальное заволгло дымом. Внезапно рядом с ним, словно из-под земли, вырос граф Бартоломео.

– Спасайся! – крикнул он Тому, и в этот момент нападавшие хлынули в ворота замка, расшвыривая обороняющихся рыцарей. Том повернулся и побежал через мост.

Пятнадцать или двадцать графских воинов стояли у вторых ворот, готовые защищать верхний двор. Они расступились, чтобы пропустить графа и Тома. Когда их ряды снова сомкнулись, Том услышал, как сзади по деревянному мосту застучали копыта. Шансов у оборонявшихся не было никаких. Это был хитро спланированный и отлично осуществленный набег. Сотня кровожадных, до зубов вооруженных головорезов с минуты на минуту могла прорваться и наброситься на беззащитных женщин и детей. Том кинулся ко дворцу.

На середине деревянной лестницы, что вела в большой зал, он оглянулся. Рыцари, оборонявшие ворота, были сметены нападшими всадниками. Граф Бартоломео бежал по ступенькам вслед за Томом. Им оставались считанные минуты, чтобы оказаться во дворце и поднять лестницу. В мгновение ока Том преодолел оставшееся расстояние и влетел в зал... и тут он убедился, что нападавшие оказались еще умнее, чем он думал.

Вражеские лазутчики, что сломали ворота, перерезали трос подъемного моста и подожгли конюшни, пробрались во дворец и теперь нападали на тех, кто пытался найти в нем убежище.

Сейчас они стояли в большом зале дворца, четыре страшных воина, одетых в кольчуги. Вокруг лежали окровавленные тела мертвых и раненых рыцарей, которые были безжалостно зарезаны, едва вошли в зал. Потрясенный, Том увидел, что главарем этой банды был Уильям Хамлей, который словно опьянел от крови. Том собрался было попрощаться с жизнью, но тут один из людей Уильяма отшвырнул его в сторону.

Вот оно что, Хамлеи напали на замок графа Бартоломео. Но почему?

Перепуганные слуги и дети сбились в кучу в дальнем конце зала. Том пошарил глазами и вознес хвалу Господу, увидев и Альфреда, и Марту, и Эллен с Джеком среди графской челяди, до смерти напуганных, но целых и невредимых.

Прежде чем он успел к ним подбежать, у двери начался бой. Ввалившиеся в зал Бартоломео и два его рыцаря были встречены поджидавшими их врагами. Одного из людей графа тут же убили, но другой, подняв меч, бросился защищать своего господина. На помощь Бартоломео прибежали еще несколько рыцарей, и на маленьком пятачке завязалась отчаянная схватка, а поскольку орудовать мечами было невозможно, в ход пошли кинжалы и кулаки. В какой-то момент показалось, что защитники графа начали одерживать верх, но тут на них напали с тыла, ибо прорвавшиеся в верхний двор воины Хамлеев уже взбирались по лестнице дворца.

– Довольно! – заревел чей-то могучий голос.

Противники замерли, и бой прекратился.

Тот же самый голос произнес:

– Бартоломео, граф Ширинг! Ты сдаешься?

Том увидел, как повернулся граф и взглянул на дверь. Рыцари расступились.

– Хамлей, – неуверенно прошептал граф. Затем повысил голос: – Обещаешь ли, что не тронешь мою семью и моих слуг?

– Обещаю.

– Поклянись.

– Клянусь Богом.

– Я сдаюсь, – проговорил граф Бартоломео.

Том обернулся. Через весь зал к нему бежала Марта. Он подхватил ее на руки, а затем подошел и обнял Эллен.

– Мы спасены! – воскликнула она со слезами на глазах. – Мы все спасены.

– Спасены! – грустно сказал Том. – Но снова нищие.

Только что ликовавший Уильям вдруг посерьезнел и замолчал. Ведь он сын лорда Перси, и не к лицу ему вопить и улюлюкать, словно простому воину. Он придал лицу выражение надменного удовлетворения.

Они победили. Он справился со своей задачей, нападение стало столь успешным главным образом благодаря его вылазке. Он потерял счет своим жертвам, а сам уцелел. Внезапно он почувствовал, что его лицо в крови. Он вытер ее, но она выступила снова. Это была его кровь. Уильям провел рукой по лицу, по голове. Нащупал рану. Он не надел шлем, чтобы не вызывать подозрений, и только теперь, поняв, что ранен, ощутил боль. Но Уильям не расстроился. Раны, полученные в бою, – признак доблести.

Его отец остановился в дверях напротив графа Бартоломео. Жестом побежденного граф протянул ему свой меч – рукояткой вперед. Перси взял его, и вновь раздались победные крики воинов.

Когда они смолкли, Уильям услышал голос Бартоломео:

– Почему ты это сделал?

– Ты замыслил мятеж против короля.

Осведомленность лорда изумила графа, и на его лице читался страх. Уильям, затаив дыхание, гадал, признает ли перед всем народом граф Бартоломео свое участие в заговоре. Но тот, вновь обретя самообладание, расправил плечи и гордо произнес:

– Я буду защищать свою честь перед королем.

Отец кивнул:

– Как хочешь. Вели своим людям сложить оружие и покинуть замок.

Тихим голосом граф отдал своим рыцарям распоряжение, и они один за другим начали подходить к Перси, бросая к его ногам мечи. «Вы только посмотрите, как покорны они моему отцу!» – с гордостью думал он.

– Окружи графских лошадей и привяжи, – приказал Перси одному из своих рыцарей. – Возьми еще людей, пусть разоружат мертвых и раненых.

Оружие и лошади побежденных им теперь не принадлежали: воинов Бартоломео отпустят на все четыре стороны безоружных и, естественно, пешком. Люди Хамлея опустошат графские закрома. Награбленное погрузят на отобранных лошадей и отправят в Хамлей, деревню, чье имя носила эта семейка.

Отец сделал знак подойти другому рыцарю и сказал:

– Собери тех, кто работал на кухне, и вели им готовить обед. Всех остальных – вон.

После битвы воины проголодались, и теперь им предстоял пир. Прежде чем войско отправится восвояси, лучшее из запасов графа Бартоломео будет съедено, а отборные вина выпиты.

Минутой позже рыцари, окружавшие отца Уильяма и графа Бартоломео, расступились, образовав проход, и в зале появилась его мамаша.

Среди всех этих здоровенных вояк мать выглядела крошечной, а когда она размотала закрывавший лицо шарф, те, кто видел леди Хамлей впервые, содрогнулись от ее уродства.

– Большая победа, – проговорила она довольным голосом, посмотрев на отца.

Уильяму хотелось сказать: «Все это благодаря мне. Правда, маменька?» – но он прикусил язык, а вместо него заговорил отец:

– Это Уильям постарался. Молодец!

Мать повернулась к сыну, с нетерпением ожидавшему ее одобрения.

– В самом деле?

– Да, – сказал отец. – Мальчик неплохо поработал.

– Возможно, так оно и есть, – кивнула мать.

Обрадованный материнской похвалой, Уильям глупо осклабился.

Она взглянула на графа Бартоломео.

– Графу следовало бы поклониться мне.

– Этому не бывать! – возмутился Бартоломео.

– Притащите-ка сюда его дочь, – велела мать.

Уильям осмотрелся. На какое-то время он совсем позабыл об Алине. Он пробежал глазами по лицам слуг и детей и сразу увидел Алину, стоявшую рядом с Мэттью, женоподобным управляющим своего отца. Уильям подошел, взял ее за руку и подвел к матери. Мэттью последовал за ними.

– Отрежьте ей уши, – велела мать.

Алина пронзительно закричала.

Уильям почувствовал, как по его бедрам пробежало странное волнение.

Лицо графа Бартоломео сделалось серым.

– Ты обещал, что не тронешь ее, если я сдамся, – сказал он, обращаясь к Перси.

– Все будет зависеть от твоего послушания, – проговорила мать.

«Это разумно», – согласился Уильям.

По лицу Бартоломео было видно, что он не готов к покорности.

«Интересно, – думал Уильям, – кому маменька поручит отрезать Алине уши?» Может быть, ему? Эта мысль его взволновала.

– На колени! – приказала мать графу.

Бартоломео медленно опустился на колени и склонил голову.

Уильям почувствовал легкое разочарование.

– Посмотрите! – воскликнула мать, обращаясь к собравшимся. – Вот что ожидает человека, который посмеет оскорбить Хамлеев! – Она вызывающе обвела взглядом зал. Сердце Уильяма трепетало. Честь его семьи была восстановлена.

Мать замолчала, и теперь заговорил отец:

– Отведите его в спальню и хорошенько охраняйте.

Бартоломео встал.

– Девчонку туда же, – добавил отец.

Уильям крепко схватил Алину за руку. Ему доставляло удовольствие ее касаться. Он отвел ее в спальню, и неизвестно, что может там случиться. Если их оставят наедине, он может сделать все что угодно: сорвать с нее одежды и любоваться ее наготой или...

– Разреши и Мэттью пойти с нами. Он позаботится о моей дочери, – попросил граф.

Отец мельком взглянул на Мэттью.

– Кажется, его можно не опасаться, – с ухмылкой сказал он. – Ладно.

Уильям взглянул на Алину. Она была бледна, но, напуганная, казалась еще прекрасней. Ее незащищенный вид так возбуждал! Ему хотелось подмять под себя это, словно яблочко, налитое тело и, раздвигая ей ляжки, увидеть в ее глазах страх. В порыве страсти он приблизил к ней лицо и прошептал:

– Я все еще хочу на тебе жениться.

Отшатнувшись, Алина громким, полным презрения голосом воскликнула:

– Жениться?! Да я лучше умру, чем выйду за тебя замуж! Мерзкая самодовольная жаба!

Ее слова вызвали у рыцарей улыбку, а кое-кто из челяди даже хихикнул. Уильям почувствовал, как краснеет.

Неожиданно подскочившая мамаша вlepилa Алине звонкую пощечину. Бартоломео рванулся было, чтобы защитить ее, но рыцари крепко его держали.

– Заткнись! – рявкнула леди Хамлей. – Ты больше не знатная дама – ты дочь заговорщика и очень скоро будешь подыхать с голоду в нищете. Ты уже не подходишь моему сыну. Убирайся прочь с моих глаз! И чтобы я больше не слышала от тебя ни слова!

Алина отвернулась. Уильям отпустил руку девушки, и она пошла вслед за отцом. Провожая ее взглядом, Уильям почувствовал, что сладость победы вдруг приобрела горький привкус.

Джек подумал, что она вела себя как настоящая принцесса из старинной баллады. Благодарен от восторга, он смотрел, как с высоко поднятой головой она поднималась по лестнице, и, пока не скрылась за дверью, в зале стояла полная тишина. Казалось, погасло небесное светило. Широко раскрытыми глазами Джек уставился на то место, где только что находилась Алина.

– Кто здесь повар? – словно очнувшись, спросил один из рыцарей.

Перепуганный повар не смел пошевелиться, но кто-то указал на него.

– Приготовишь обед, – велел ему рыцарь. – Возьми своих помощников и ступай на кухню. – Повар и еще с полдюжины человек вышли из толпы. Рыцарь повысил голос. – Все остальные выметайтесь! Проваливайте из замка. И если вам дороги ваши жизни, не пытайтесь прихватить с собой того, что вам не принадлежит. Живо! Наши мечи залиты кровью, но если что, мы их не пожалеем. Шевелитесь!

Все поспешили к выходу. Мать взяла Джека за руку, Том нес Марту. Альфред держался рядом. Они были в плащах, а кроме одежды и ножей для еды, у них ничего и не было. Вместе с остальными они спустились по лестнице, перешли по мосту в нижний двор, пересекли его и, ступая по валявшимся у сторожевой башни створкам ворот, без промедления покинули замок. Когда, перебравшись через ров, они ступили на поле, напряженное молчание оборвалось, словно обрезанная тетива, и все разом, громкими, взволнованными голосами, заговорили о выпавшем на их долю испытании. Джек просто шел и слушал. Каждый вспоминал, какую храбрость он проявил, защищая замок. Джек храбрости не проявил – он убежал. По правде говоря, храброй оказалась одна Алина. Когда она пришла во дворец и обнаружила, что там западня, она прежде всего проявила заботу о слугах и детях: велела им сидеть смирно, подальше от сражавшихся воинов, кричала на рыцарей Хамлея, когда те слишком грубо обращались со своими пленниками или поднимали мечи на безоружных мужчин и женщин, и вообще вела себя бесстрашно.

– О чем задумался? – спросила мать, взъерошив Джеку волосы.

– Хотелось бы узнать, что теперь будет с принцессой.

Мать понимала, что он имел в виду леди Алину.

– Ведь она как принцесса из поэмы, живущая в замке. Вот только рыцари не такие благородные.

– Это правда, – согласилась мать.

– А что с ней станет?

Она покачала головой.

– Я действительно не знаю.

– Ее мама умерла.

– Тогда ее ждут тяжелые времена.

– Мне тоже так кажется. – Джек помолчал. – Она смеялась надо мной, потому что я не знал, зачем нужен отец. Но она мне понравилась.

Мать положила руку ему на плечо.

– Прости, что я не рассказала тебе раньше.

Он коснулся ее руки, как бы принимая извинения. Они молча шли вдоль дороги. Время от времени одна из семей отделялась от идущих и направлялась через поле к дому родственников или знакомых, у которых можно было хотя бы ненадолго получить приют. Но большинство гурьбой дошли до перекрестка дорог, где одни повернули на север, другие на юг, а третьи продолжили свой путь в город Ширинг. Мать отошла от Джека и, взяв под руку Тома, остановила его.

– Куда пойдем? – спросила она.

Казалось, он удивился, словно считал, что все должны идти туда, куда он поведет, и не задавать лишних вопросов. Джек уже замечал, что Том часто делал такое удивленное лицо. Должно быть, его предыдущая жена была совсем другая.

– Мы идем в Кингсбриджский монастырь, – ответил Том.

– Кингсбриджский монастырь! – Похоже, мать была потрясена. Почему, Джек не знал.

Но Том ничего не заметил.

– Вчера я слышал, там теперь новый приор, – продолжал он. – А новый настоятель обычно хочет подремонтировать или перестроить церковь.

– А старый приор умер?

– Да.

Эта новость почему-то успокоила мать. «Наверное, она знала старого приора, – решил Джек, – и не любила его».

Наконец и Том услышал тревожную нотку в ее голосе.

– Ты не хочешь идти в Кингсбридж? – спросил он.

– Мне уже приходилось там бывать. Отсюда до него больше дня пути.

Джек-то знал, что длинных путешествий мать не боялась и это никак не могло послужить причиной ее беспокойства.

– Даже немного больше, – сказал ни о чем не догадывавшийся Том. – Мы сможем добраться туда только завтра к полудню.

– Ладно, – согласилась мать, и они двинулись дальше.

У Джека вдруг заболел живот. Он не мог понять, отчего. Во время нападения на замок он не пострадал, да и Альфред уже два дня его пальцем не трогал. И тут до него дошло.

Он снова хотел есть.

Глава 4

I

Кингсбриджский собор имел неприветливый вид. Это было низкое, словно припавшее к земле, массивное строение с толстыми стенами и крошечными оконцами, построенное задолго до рождения Тома, во времена, когда строители еще не понимали значения архитектурных пропорций. Поколение Тома уже знало, что пусть и более тонкие, но прямые, идеально ровные стены могут быть прочнее толстых и что в таких стенах можно делать большие окна, имеющие форму арки, которую венчает идеальный полукруг. Издалека собор выглядел кривобоким, и, когда Том подошел ближе, он увидел, что одна из башен западного фасада разрушена. Это обрадовало его. Очень вероятно, что новый приор захочет ее восстановить. Надежда подгоняла Тома. Получить наконец работу, а затем, как случилось в Эрлскастле, быть свидетелем разгрома и пленения нового хозяина – это было ужасно. Он чувствовал, что второго такого удара судьбы ему уже не снести.

Том взглянул на Эллен. Он боялся, что однажды она решит, что они скорее умрут с голоду, чем он найдет работу, и бросит его. Она ему улыбнулась, но, обратив лицо к нечетким контурам Кингсбриджского собора, снова нахмурилась. Том уже заметил, что в присутствии священников и монахов она всегда чувствовала себя неудобно. Ему оставалось лишь строить догадки: может, это потому, что перед лицом Церкви они еще не женаты?

Монастырский двор жил деятельной жизнью. Тому приходилось видеть разные монастыри, но Кингсбридж был особенным. Он выглядел так, будто уже три месяца в нем шла генеральная уборка. Возле конюшни двое монахов чистили лошадей, а третий драил сбури, в то время как молодые послушники выгребали из стойла навоз. Еще несколько монахов мели и скребли гостевой дом по соседству с конюшней, и тут же стоял воз сена, которое постелят на чистый пол.

Зато у разрушенной башни никто не работал. Том внимательно осмотрел груды камней у подножия. Было ясно, что башня развалилась несколько лет назад, ибо под действием дождей и морозов осколки камней сгладились, строительный раствор с них смыла вода, а сама куча просела на дюйм-два в мягкую землю. Странно, что в течение столь долгого срока башню не восстановили – ведь это кафедральный собор. Должно быть, старый приор был либо ленив, либо бездарен, либо и то и другое. Кажется, Том оказался здесь как раз вовремя.

– Никто меня не узнает, – сказала Эллен.

– А когда ты здесь была? – спросил Том.

– Тринадцать лет назад.

– Ничего удивительного, что тебя забыли.

Проходя мимо западного фасада церкви, Том открыл большую деревянную дверь и заглянул внутрь. Неф был темным и мрачным, с толстыми колоннами и деревянным потолком. Однако здесь несколько монахов белили длинными кистями стены и подметали утоптаный земляной пол. Новый приор явно собирался привести в порядок монастырь. Это вселяло надежду. Том прикрыл дверь.

За церковью, на подсобном дворе, стайка послушников, собравшихся вокруг корыта с грязной водой, острыми камнями соскребала сажу и жир с котлов и разной другой утвари. От ледяной воды костяшки пальцев у них покраснели. Увидев Эллен, они захихикали и отвернулись.

У одного из послушников Том спросил, где можно найти келаря. Строго говоря, ему нужно было обратиться к ризничему, в обязанности которого входило следить за состоянием

церкви, но до келаря было проще добраться. В конце концов, решение все равно будет принимать приор. Послушник указал ему на подвал одного из зданий, окружавших подсобный двор. Том вошел в открытую дверь. Эллен и дети последовали за ним. Остановившись, они стали вглядываться в полумрак.

Том сразу определил, что это здание – более новое и построено значительно добротнее, чем церковь. Воздух был сухим, и запаха гнили не чувствовалось. От целого букета ароматов хранившихся здесь продуктов у Тома свело живот, ведь с тех пор, как он ел последний раз, прошло два дня. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел, что в помещении хороший каменный пол, а потолок поддерживают низкие толстые колонны. Через минуту он заметил высокого лысого человека с венчиком седых волос на голове, который ложкой насыпал из бочки соль.

– Ты келарь? – спросил Том, но монах поднял руку, делая ему знак помолчать, и Том увидел, что он считает.

– Два по двадцать и девятнадцать, три по двадцать, – закончил наконец монах и положил ложку.

Том снова заговорил:

– Я Том, мастер-строитель, хотел бы восстановить северо-западную башню собора.

– А я Катберт, по прозвищу Белобрысый, келарь, и я хотел бы посмотреть, как ты это сделаешь. Но нам надо спросить об этом приора Филипа. Слышал, у нас теперь новый приор?

– Слышал. – Катберт показался Тому дружелюбным и добродушным. Он явно был не прочь поболтать. – Судя по всему, новый приор намерен подновить монастырь?

Катберт кивнул.

– Но он не очень-то расположен платить за это. Заметил, всю работу выполняют монахи? И он не хотел еще нанимать работников – говорит, в монастыре и так их слишком много.

Это была неприятная новость.

– А что думают по этому поводу монахи? – осторожно спросил Том.

Катберт рассмеялся, и его лицо покрылось морщинами.

– А ты тактичный человек, Том Строитель. Ты не стал говорить, что не часто можно увидеть монахов, работающих усердно. Но новый приор никого и не заставляет. Просто он трактует завет Святого Бенедикта таким образом, что те, кто трудится физически, могут есть мясо и пить вино, те же, кто только читает и молится, должны питаться лишь соленой рыбой и разбавленным пивом. Он может продемонстрировать тебе и детальное теоретическое подтверждение этого, однако добровольцев у него хоть отбавляй, особенно среди молодежи. – Похоже, Катберт не осуждал нового приора, а просто был несколько озадачен.

– Но как бы хорошо ни питались монахи, – сказал Том, – они не смогут построить каменную стену. – Говоря это, он вдруг услышал плач младенца. Эти звуки словно тронули струны его сердца. Странно услышать такое в монастыре.

– Что ж, поговорим с приором, – согласился Катберт, но Том едва ли его слышал. Похоже, кричавший малыш был совсем маленький – неделя или две от роду. И крик этот приближался. Том поймал взгляд Эллен. Она тоже была взволнована. В дверях появилась чья-то тень. У Тома пересохло в горле. Вошел монах, держа на руках младенца. Том посмотрел на лицо малютки и тут же его узнал. Это был его сын.

Том с трудом сдерживал себя. Детское личико покраснело, кулачки сжаты, в открытом ротике виднелись беззубые десны. Малыш плакал явно не от боли или слабости – он требовал пищи. Это был здоровый, сильный крик нормального младенца, и, убедившись, что с его сыном все хорошо, Том почувствовал облегчение и слабость.

Монах, что держал на руках Джонатана, оказался веселым малым лет двадцати с непослушными волосами и глупой ухмылкой. В отличие от большинства монахов, он никак не отреагировал на присутствие женщины, а улыбнувшись всем, заговорил с Катбертом:

– Джонатану нужно еще молочка.

Тому хотелось взять ребенка на руки. Он старался сделать каменное лицо, чтобы не выдать того, что творилось в душе. Незаметно глянул на детей. Они знали только то, что брошенного младенца подобрал священник. Но им не было известно, что священник отвез его в маленький лесной монастырь. И сейчас на их лицах не отражалось ничего, кроме любопытства.

Катберт взял черпак и небольшой кувшин и налил в него молока из стоявшей здесь же бадьи.

– Можно, я подержу ребенка? – попросила Эллен.

Она протянула руки, и он передал ей малыша. Том с завистью глядел на нее, всем сердцем стремясь прижать к себе этот теплый комочек. Эллен покачала младенца, и он на некоторое время успокоился.

– Ага, Джонни Восемь Пенсов – хорошая нянька, но у него нет женских рук, – заметил келарь.

Эллен улыбнулась монаху:

– Почему тебя зовут Джонни Восемь Пенсов?

Вместо него ответил Катберт.

– Потому что до шиллинга у него не хватает восьми пенсов, – сказал он, постучав по голове пальцем, как бы говоря, что у Джонни не все дома. – Но он, кажется, понимает, что нужно бессловесным созданиям, лучше, чем любой нормальный человек. Воистину, на все воля Божия...

Эллен придвинулась к Тому и протянула ему ребенка, словно прочтя его мысли. Том взглянул на нее полными благодарности глазами и взял крохотное дитя в свои большие руки. Через одеяльце, в которое был завернут малыш, он чувствовал, как бьется его сердце. Материя была дорогой, и Том недоумевал, где удалось монахам раздобыть такую мягкую шерсть. Он прижал ребенка к груди и покачал его. Это получалось у него не так хорошо, как у Эллен, и малыш снова заплакал. Что ж, пусть поплачет: этот громкий, напористый крик словно музыка звучал в его ушах, ибо означал, что брошенный им сын крепок и здоров. Том вынужден был признать, что поступил верно, оставив ребенка в монастыре.

– А где он спит? – спросила у Джонни Эллен.

На этот раз Джонни ответил сам:

– В нашей опочивальне у него есть своя кровать.

– Наверное, он постоянно будит вас по ночам?

– Мы все равно встаем в полночь на заутреню, – сказал Джонни.

– Конечно! Я совсем забыла, что у монахов такие же бессонные ночи, как и у матерей.

Катберт вручил Джонни кувшин с молоком. Тот привычным движением одной руки взял у Тома ребенка. Расставаться с маленьким сынишкой Тому ни за что не хотелось, но ему пришлось уступить. Через минуту Джонни с ребенком вышел, и Том с трудом подавил желание броситься вслед и крикнуть: «Постой! Это мой сын. Верни мне его». Стоявшая рядом Эллен сочувственно сжала ему руку.

Теперь у Тома появилась еще одна причина желать остаться в монастыре. Если он будет здесь работать, он сможет каждый день видеть маленького Джонатана, и получится так, что он его как будто и не бросал. Но это казалось слишком чудесным, чтобы быть правдой. Он не смел надеяться на такой исход.

Своими пронизательными глазами Катберт смотрел на Марту и Джека, у которых при виде наполненного жирным молоком кувшина, что забрал Джонни, глаза чуть не вылезли из орбит.

– Не хотят ли ребяташки молочка? – спросил он.

– О да, спасибо, отче, хотят, – с готовностью ответил Том. Он и сам бы не отказался.

Катберт, зачерпнув молока, разлил его в две деревянные кружки и протянул их Марте и Джеку. Они выпили залпом; вокруг ртов остались большие белые круги.

– Хотите еще? – предложил Катберт.

– Да! – хором ответили они. Том взглянул на Эллен, зная, что, должно быть, ее переполняет то же чувство, что и его: бесконечная благодарность за то, что малышей наконец покормили.

Вновь наполнив кружки, Катберт мимоходом спросил:

– Откуда же вы, люди добрые, пришли?

– Из Эрлскастла, что неподалеку от Ширинга, – ответил Том. – Мы ушли оттуда вчера утром.

– Ели что-нибудь с тех пор?

– Нет, – признался Том.

Он знал, что Катберт спрашивал от чистого сердца, но ему было неприятно признаваться в том, что сам он не смог накормить своих детей.

– Возьмите яблок, подкрепиться до ужина, – сказал келарь, указывая на стоящую у двери бочку.

Альфред, Эллен и Том подошли к бочке, в то время как Марта и Джек допивали свое молоко. Альфред, накинувшись на яблоки, старался набрать их столько, сколько мог удержать, но Том, стукнув его по рукам, тихо сказал:

– Возьми два или три.

Альфред взял три.

С чувством искренней благодарности Том съел свои яблоки, и боль в животе немного утихла; но он не мог не думать о том, скоро ли ужин, и обрадовался, припомнив, что, экономя свечи, монахи имеют обыкновение есть до темноты.

Катберт внимательно рассматривал Эллен.

– Уж не знаю ли я тебя? – в конце концов спросил он.

– Не думаю, – смутилась Эллен.

– Ты кажешься мне знакомой.

– Я жила неподалеку, когда была ребенком.

– Ах вот оно что. У меня-то чувство, что ты выглядишь старше, чем должна бы.

– Наверное, у тебя очень хорошая память.

– Видно, недостаточно хорошая, – нахмурился он, глядя на нее. – Уверен, здесь что-то не так... Ну да ладно. А почему вы ушли из Эрлскастла?

– Вчера на рассвете на него напали и захватили, – ответил Том. – Граф Бартоломео обвиняется в измене.

Катберт был потрясен.

– Господи, спаси и сохрани! – воскликнул он и вдруг стал похож на старую деву, испугавшуюся быка. – Измена!

За дверью раздались шаги. Том обернулся и увидел входящего монаха. Катберт сказал:

– А вот и наш новый приор.

Том сразу его узнал. Это был Филип, тот самый, которого они встретили, направляясь в епископский дворец, и который угостил их вкуснейшим сыром. Теперь все встало на свои места: новый приор Кингсбриджа – бывший приор лесной обители, и, когда перебрался сюда, он привез с собой и маленького Джонатана. Сердце Тома забилося с надеждой. Филип человек добрый, и Том, кажется, понравился ему. Наверняка новый приор даст ему работу.

Филип тоже узнал Тома.

– Привет тебе, мастер-строитель, – сказал он. – Не больно-то удалось подзаработать в епископском дворце, а?

– Да вовсе не удалось, отче. Архидиакон мне отказал, а епископа в это время там не было.

– Воистину не было – он был на небесах, хотя мы тогда этого не знали.

– Епископ умер?

– Да.

– Это уже не новость, – нетерпеливо вмешался в их разговор Катберт. – Том и его семья только что пришли из Эрлскастла. Граф Бартоломео схвачен, а его замок разграблен!

Филип словно застыл.

– Уже, – прошептал он.

– Уже? – повторил Катберт. – Почему ты говоришь «уже»? – Было видно, что он души не чаял в Филипе, но беспокоился о нем, как беспокоится отец о сыне, который был на войне и вернулся домой с мечом на поясе и жутковатым блеском в глазах. – Ты знал, что это должно случиться?

Филип растерялся.

– Н-нет, не совсем. До меня доходили слухи, что граф Бартоломео занял враждебную королю Стефану позицию, – уже спокойно продолжил он. – Все мы можем благодарить Господа за содеянное. Стефан обещал защитить Церковь, в то время как Мод, возможно, стала бы притеснять нас, как это делал ее покойный отец. Да, конечно... Это хорошая новость. – Он выглядел таким удовлетворенным, словно это было дело его собственных рук.

Но Тому не хотелось продолжать разговор о графе Бартоломео.

– Для меня в ней нет ничего хорошего, – сказал он. – Днем раньше граф нанял меня, чтобы я укрепил оборонительные сооружения замка. Я не успел проработать и одного дня.

– Какой позор! – проговорил вдруг Филип. – Кто же захватил замок?

– Лорд Перси Хамлей.

– А-а, – кивнул Филип, и Том почувствовал, что новость, которую он сообщил, его ничуть не удивила.

– Ты, я вижу, наводишь здесь порядок, – начал Том, стараясь направить разговор в нужное русло.

– Пытаюсь, – проговорил Филип.

– Уверен, ты хотел бы восстановить башню.

– Восстановить башню, отремонтировать крышу, наместить пол – да, все это я хочу сделать. А ты, конечно же, хочешь получить работу, – добавил он, очевидно только сейчас поняв, зачем Том здесь. – Я рад бы тебя нанять, но, боюсь, мне нечем будет заплатить. Монастырь нищ.

Тому показалось, будто его ударили кулаком. Он почти поверил, что найдет здесь работу, – все говорило за это. Думая, что ослышался, он уставился на Филипа. Просто невероятно, что у монастыря нет денег. Правда, келарь сказал, что всю дополнительную работу монахи делали сами, но даже если так, монастырь всегда мог одолжить денег у евреев-ростовщиков. Том чувствовал: здесь его дорога подошла к концу. Неизвестно, что придавало ему силы на протяжении всей зимы странствовать в поисках работы, но теперь этот источник иссяк – и силы и воля покинули его. «Все. Больше не могу, – подумал он. – Я выдохся».

Видя его страдания, Филип сказал:

– Могу предложить тебе ужин, место для ночлега и завтрак.

Злость и отчаяние переполняли Тома.

– Благодарю тебя, – раздраженно произнес он, – но я бы предпочел все это заработать.

Услышав в голосе Тома злые нотки, Филип приподнял брови, но голос его прозвучал мягко:

– Проси у Господа. Молитва – не попрошайничество. – Он повернулся и вышел.

Семейство Тома выглядело испуганным, и ему стало неловко, что он не смог скрыть своей досады. Он выскочил во двор вслед за Филипом и остановился, уставившись на махину старой церкви и пытаясь справиться со своими чувствами.

Через минуту к нему подошли Эллен и дети. Желая успокоить его, Эллен положила голову ему на плечо. Сновавшие вокруг послушники начали толкать друг друга локтями и перешептываться. Том не обращал на них внимания.

– Я буду молиться, – мрачно сказал он. – Я буду молиться, чтобы молния ударила в эту церковь и сровняла ее с землей.

За последние два дня Джек научился бояться будущего.

В своей короткой жизни ему не приходилось задумываться о том, что будет послезавтра, но если бы и пришлось, он бы наверняка знал, чего следует ожидать. В лесу один день был похож на другой, а времена года сменялись медленно. Теперь же он понятия не имел, где окажется завтра, что будет делать и будет ли у него еда.

Самым худшим из всего был голод. Джек потихоньку ел траву и листья, стараясь облегчить приступы боли в животе, но желудок все равно болел, только по-другому. Марта, с которой они все время ходили вместе, так оголодала, что часто плакала. Она жалобно смотрела на него, и то, что он не мог облегчить ее страдания, переживалось даже хуже собственного голода.

Если бы они все еще жили в пещере, он бы знал, куда пойти, чтобы убить утку, или набрать орехов, или стащить яиц; но в городах, деревнях и на незнакомых дорогах он чувствовал себя в полной растерянности. Все, что он знал, – это то, что Том должен найти работу.

До вечера они сидели в гостевом доме, где была всего одна комната с земляным полом и очагом посередине, точно такая, в каких жили крестьяне, но Джеку, который всю жизнь провел в пещере, этот дом показался прекрасным. Его интересовало, как его строили, и Том рассказал. Надо свалить два молодых дерева и, обрубив ветки, соединить под углом, затем еще два обработать таким же образом и установить на расстоянии четырех ярдов от первых, верхушки двух получившихся треугольников соединить коньковым брусом. Параллельно этому брусу крепятся легкие планки, которые соединяют стороны треугольников и образуют скаты упирающейся в землю крыши. Из плетеного тростника делают квадратные решетки и укладываются на планки, а чтобы не протекала вода, их обмазывают глиной. Стены строятся из воткнутых в землю палок, щели между ними замазывают той же глиной. В одной из стен есть дверь, а окон в таком доме нет.

Мать Джека постелила на пол свежее сено, и Джек при помощи огнива, которое он всегда носил при себе, разжег огонь. Когда рядом никого не было, он спросил мать, почему приор не нанял Тома, ведь совершенно очевидно, что работа для него есть.

– Кажется, он предпочитает экономить деньги, пока церковь еще можно пользоваться, – ответила она. – Вот если бы церковь рухнула, им бы пришлось ее отстраивать, а поскольку развалилась только одна башня, они думают, что и так проживут.

Когда дневной свет начал угасать, с кухни пришел служка и принес котелок с похлебкой да длиннющую – с человеческий рост! – буханку хлеба. Похлебку сварили на мясных костях, с овощами и приправами, и на ее поверхности блеснул жир. Хлеб был приготовлен из смеси ржи, ячменя и овса, да еще в муку были добавлены сушеный горох и фасоль. Альфред сказал, что это самый дешевый хлеб, но для Джека, который несколько дней назад впервые попробовал вкус хлеба, он казался просто волшебным. Джек ел, пока не заболел живот. Альфред ел, пока не доел все до последней крошки.

Когда они уселись у огня, переваривая съеденное, Джек спросил Альфреда:

– А почему башня разрушилась?

– Возможно, молния ударила, – ответил Альфред, – или случился пожар.

– Но там нечему гореть, – удивился Джек. – Ведь она каменная.

– Тупица, крыша-то не каменная, – презрительно сказал Альфред. – Крыша деревянная. Джек на минуту задумался.

– А если крыша загорится, все здание рухнет?

– Когда как, – пожал плечами Альфред.

Какое-то время они сидели молча. По другую сторону очага Том и мать Джека о чем-то тихо разговаривали.

– Забавно получается с этим ребенком, – сказал вдруг Джек.

– Что забавно? – буркнул Альфред.

– Ну, ваш малыш пропал в лесу, далеко-далеко отсюда, и вот теперь в монастыре живет ребенок.

Но ни Альфред, ни Марта не находили в таком совпадении ничего странного, и Джек выбросил эти мысли из головы.

Сразу после ужина монахи отправились спать, а поскольку таким голодранцам, как семья Тома, свечи не полагались, они просто сидели и смотрели на огонь, пока он не угас, а потом улеглись на сене.

Джеку не спалось, он думал. Ему в голову пришла мысль, что, если бы сегодня ночью собор сгорел, все их проблемы могли бы разом разрешиться. Приор нанял бы Тома отстраивать церковь, все они жили бы в этом прекрасном доме и на веки вечные были бы обеспечены мясной похлебкой и хлебом.

«Будь я на месте Тома, – размышлял он, – я бы сам поджег церковь. Я бы тихонько встал, пока все спят, и, прошмыгнув туда, запалил бы огонек, а потом, пока он разгорится, проскользнул бы обратно и притворился спящим, когда поднимут тревогу. А когда все стали бы заливать пламя водой, как это делали во время пожара в замке графа Бартоломео, я бы присоединился к ним, якобы желая помочь поскорее потушить огонь».

Альфред и Марта крепко спали – Джек слышал их ровное дыхание. Том и Эллен сначала, как обычно занимались *этим* под плащом Тома, а затем тоже заснули. Судя по всему, идти поджигать собор Том не собирался.

Но на что же он рассчитывал? Или они будут бродить по дорогам, пока не помрут с голоду?

Джек слышал, как все четверо медленно и ровно дышат, предаваясь крепкому и безмятежному сну. И тут его осенило, что он и сам может поджечь собор.

При этой мысли сердце Джека заколотилось от страха.

Встать ему надо очень тихо. Чтобы сохранить тепло, да и для безопасности, дверь была закрыта на задвижку, но, возможно, ему удастся открыть ее и выскользнуть на улицу, никого не разбудив. Двери церкви могут быть закрыты, но наверняка найдется какой-нибудь лаз, достаточный для того, чтобы в него протиснулся ребенок.

Только бы пробраться внутрь, там уже Джек доберется до крыши. За последние две недели он многое узнал, ведь Том все время рассказывал Альфреду, как строятся дома, и хотя Альфреду это было неинтересно, Джек слушал, затаив дыхание. Среди прочего он выяснил, что во всех больших церквях имеются встроенные в стены лестницы, чтобы во время ремонта можно было легко добраться до верхней части здания. Вот по такой лестнице он и залезет под крышу.

Он сел, прислушиваясь к дыханию спящих. Он различал хриплое дыхание Тома, вызванное (так сказала мать) тем, что он годами вдыхал каменную пыль. Альфред было захрапел, но перевернулся на другой бок и затих.

Устроив пожар, Джеку надо будет быстро вернуться в гостевой дом. А что сделают монахи, если его поймут? В Ширинге он видел связанного мальчика его возраста, которого порол за то, что тот украл из лавки кусок сахара. Мальчик ужасно визжал, а упругий хлыст оставлял на его попке кровавые следы. Это выглядело даже страшнее, чем когда рыцари убивали друг друга во время битвы в Эрлскастле, и вид истекающего кровью мальчика долго потом преследовал Джека. Его ужасала мысль, что такое могло случиться и с ним.

«Если я сделаю это, – подумал он, – я никогда никому не скажу».

Он снова лег, закутался в плащ и закрыл глаза.

Он лежал и гадал, закрыта дверь церкви или нет. Если закрыта, он сможет забраться в окно. Никто его не увидит, если он пойдет к собору с севера. Опочивальня монахов располагалась с южной стороны, скрытая галереей, а на северной стороне было кладбище.

Джек решил сначала посмотреть, возможно ли то, что он задумал.

Сено зашуршало под его ногами. Он прислушался к дыханию спящих. Все было тихо: даже мыши перестали копошиться. Он сделал еще шаг и снова прислушался. Никто не проснулся. Потеряв терпение, быстро шагнул к двери. Когда остановился, мыши, решив, что больше нечего бояться, снова принялись скрестись, а люди продолжали спать.

Кончиками пальцев нащупал дверь, опустил руки на засов. Это был дубовый брус, лежавший на паре скоб. Джек ухватил его снизу и приподнял. Брус оказался тяжелее, чем он ожидал. Он снова опустил его. Брус с грохотом лег на скобы. Джек застыл, превратившись в слух. Хриплое дыхание Тома прервалось. «Что я скажу, если меня поймают? – растерянно думал Джек. – Я скажу, что хотел выйти... хотел выйти... пописать». Придумав отговорку, он облегченно вздохнул. Том заворочался. Джек ждал, когда раздастся его глубокий, хриплый голос, но так и не дождался: дыхание Тома вновь стало ровным.

Дверная щель отливала серебряным светом. «Должно быть, луна», – смекнул Джек. Взявшись за брус, он глубоко вдохнул и с силой попытался его поднять, зная его вес. Приподняв, потянул засов на себя, но скобы не пускали. Джек поднатужился, поднял брус еще на дюйм и наконец освободил его. Затем прижал к груди, чтобы ослабить напряжение рук, и начал медленно опускаться – сначала на одно колено, потом на другое. Положив брус на пол, на минуту замер, успокаивая дыхание.

Джек осторожно приоткрыл дверь. Скрипнула железная петля, и в щель ворвался холодный воздух. Он поежился. Плотнее запахнув плащ, выскользнул на улицу и прикрыл за собой дверь.

На тревожном небе сквозь рваные тучи проглядывала луна. Дул холодный ветер. Джеку захотелось вернуться в тепло дома. Неясные очертания громадной церкви с ее разрушенной башней поднимались над остальными постройками монастыря, чернея и серебрясь в лунном свете; мощные стены и крохотные окна делали ее похожей на какой-то зловещий замок.

Кругом ни души. Только в деревне, за монастырскими стенами, у камелька засиделись за кружкой пива крестьяне, да их жены – за рукоделием при свечах, здесь же ничто не нарушало ночного покоя. Джек в нерешительности смотрел на церковь, а она, словно насупившись, смотрела на него, как будто догадываясь, что у него на уме. Передернув плечами, он стряхнул страх и пошел через лужайку к западному фасаду.

Дверь была заперта.

Он зашел за угол, на северную сторону, и взглянул на окна собора. Нередко, чтобы внутрь не проникал холод, окна церковью затягивали полупрозрачными холстами, но здесь, похоже, этого не делали. Размер окон оказался достаточным для того, чтобы Джек смог пролезть, но располагались они слишком высоко. Он потрогал пальцами каменную кладку, пощупал трещины, из которых давно уже осыпался строительный раствор, однако они были чересчур малы, чтобы за них зацепиться. Нужно было найти что-то вроде лестницы.

Он хотел было притащить камни, что лежали у разрушенной башни, чтобы взобраться по ним, но уцелевшие блоки оказались неподъемными, а бесформенные осколки для такой цели не годились. Джека не оставляло ощущение, что днем ему на глаза попадалось нечто такое, что идеально бы подошло, и он изо всех сил старался вспомнить. Он чувствовал, что это «нечто» где-то совсем рядом и просто ускользает из памяти. Но взглянув через залитое лунным светом кладбище на конюшню, он понял: то, что он искал, было небольшой деревянной подставкой, состоявшей из двух ступенек и использовавшейся для посадки на высоких лошадях. Джек видел, как на ней стоял монах, расчесывавший конскую гриву.

Он направился к конюшне. Вполне возможно, что подставку на ночь не убирали, ведь никакой ценности она не представляла. Он шел тихо, но лошади его почуяли, и одна-две обеспокоенно захрапели и зафыркали. Испугавшись, он остановился. Не исключено, что в конюшне спит конюх. С минуту Джек стоял неподвижно, вслушиваясь в темноту, но звуков, которые свидетельствовали бы о присутствии человека, не доносилось, да и лошади в конце концов успокоились.

Подставки не было. Возможно, она у стены. Джек всмотрелся, но разглядеть что-либо не удалось. Осторожно подойдя к конюшне справа, он пошел вдоль нее. Лошади снова почуяли его, и близость чужого человека их беспокоила. Одна лошадь даже заржала. Джек застыл. Мужской голос прикрикнул: «Тихо, тихо!» И тут он увидел подставку, стоявшую у него под носом, так близко, что, сделай он еще шаг, обязательно бы споткнулся. Он подождал, покуда стихнет возня в конюшне, наклонился и, подняв деревянные ступеньки, взвалил их на плечо. Стараясь не шуметь, повернулся и пошел к церкви. В конюшне было тихо.

Взобравшись на верхнюю ступеньку, Джек понял, что до окна все равно не достать. Какая досада! Он не мог даже заглянуть внутрь. То, что он был не в состоянии что-либо сделать по причинам чисто практическим, его раздражало: он еще ничего не решил, но ему не хотелось, чтобы его решение зависело от таких обстоятельств. Жаль, что Джек не такого роста, как Альфред.

Оставался, правда, еще один способ. Он отошел, разбежался и, оттолкнувшись одной ногой от подставки, подпрыгнул. Без труда достав до подоконника, Джек ухватился за каменную опору, рывком подтянулся и продвинул тело вперед. Но когда попытался пролезть в окно, его ожидал сюрприз: там была железная решетка, которую, возможно из-за ее черного цвета, он снизу не заметил. Стоя на коленях на подоконнике, Джек обеими руками обследовал ее. Она была надежной и предназначалась, очевидно, специально для того, чтобы, когда церковь закрыта, никто не мог в нее пробраться.

Разочарованный, он спрыгнул на землю, поднял деревянную подставку и отнес ее на место. На этот раз лошади не всполошились.

Джек посмотрел на развалины башни, черневшие слева от главного входа. С груды камней он хотел заглянуть в церковь, и теперь осторожно пробирался по этому беспорядочному нагромождению булыжников. Когда луна спряталась за тучу, дрожа от холода, он стал ждать ее появления. Джек опасался, что его вес, как бы он ни был мал, мог нарушить равновесие камней и вызвать обвал, который если не придавит его самого, то уж наверняка всех разбудит. Когда снова выглянула луна, Джек пробежал глазами по каменной кладке и решил рискнуть. С замирающим сердцем он начал карабкаться. В основном блоки надежно держались в стене, однако один или два раза камни под его весом угрожающе зашатались. Если бы он проделывал все это днем, когда рядом есть кто-то, в случае чего готовый помочь, и когда не о чем волноваться, ему наверняка было бы легче, но сейчас он слишком тревожился, и уверенность покинула его. Когда же нога соскользнула с гладкого булыжника и он чуть не грохнулся вниз, Джек решил прекратить это занятие.

Он находился достаточно высоко, чтобы видеть крышу бокового придела, который с северной стороны примыкал к нефу. Он надеялся, что в ней могла обнаружиться дыра или хотя бы зазор между крышей и каменной кладкой, но ничего похожего там не оказалось: крыша уходила прямо в развалины башни, и было совершенно очевидно, что здесь пролезть негде. Джек почувствовал одновременно и разочарование и облегчение.

Он начал осторожно спускаться, глядя через плечо вниз и тщательно выбирая, куда поставить ногу. Чем больше приближалась земля, тем уверенней он себя чувствовал. Когда наконец осталось всего несколько футов, он прыгнул и благополучно приземлился на траву.

Он решил обойти вокруг. За последние две недели Джек видел несколько церквей, и все они имели приблизительно одинаковую форму. Самой большой их частью был неф, который

всегда выходил на запад. С севера и юга к нефу примыкали пристройки, которые Том называл трансептами, или поперечными нефами. А восточная часть церкви называлась алтарем. Алтарь был не такой большой, как неф. Кингсбриджский собор отличался от остальных церквей тем, что по обеим сторонам западного входа у него имелись две башни, как бы в противовес поперечным нефам.

У северного трансепта имелась дверь. Джек попробовал ее открыть, но она оказалась запертой. Он пошел дальше: с востока двери не было вообще. Он остановился и посмотрел через поросший травой двор. В дальнем юго-восточном углу монастыря стояли два дома: больница и резиденция приора. В обоих было темно и тихо. Он завернул за угол и вдоль южной стены алтаря дошел до южного поперечного нефа, под прямым углом примыкавшего к основному зданию. Этот трансепт, как рука ладонью, заканчивался круглым зданием, которое все называли часовней. Между трансептом и часовней существовал узкий проход, ведущий к галерее. По этому-то проходу Джек и прошел.

Он очутился на квадратной соборной площади с лужайкой посередине и мощеной дорожкой по периметру. Светлый камень арок в сиянии луны казался призрачно-белым, а дорожку покрывала крошечная тьма. Джек подождал, пока привыкнут глаза.

Он стоял на восточной стороне площади. Слева была видна дверь в часовню, еще дальше слева, у самого конца дорожки, – другая дверь, которая, как ему казалось, вела в опочивальню монахов. Справа же Джек увидел дверь в южный трансепт церкви. Он потянул ее. Закрыта.

Джек направился по дорожке вдоль северной стороны площади и наткнулся на дверь церковного нефа. Тоже закрыта.

Западная дорожка упиралась в трапезную. Как много продуктов надо припаси, чтобы каждый день кормить всех этих монахов, подумал Джек. Тут же находился фонтанчик: в нем монахи мыли руки перед едой.

Джек продолжил путь по южной дорожке. Дойдя до середины, он увидел арку и, свернув, очутился в маленьком проходе. Справа от него была трапезная, слева – опочивальня. Он вообразил, как по другую сторону каменной стены крепким сном спят монахи. В конце прохода не оказалось ничего, кроме грязной тропинки, спускавшейся к реке. Джек некоторое время постоял, глядя на блестящую в сотне ярдов от него воду. Без всякой причины ему на память пришла история о рыцаре, которому отрубили голову, но он продолжал жить; и как-то непроизвольно Джек представил этого рыцаря без головы, выходящего из реки и идущего к нему по пологому склону. И хотя никого не было, он струсил и, повернувшись, заспешил к галерее, где чувствовал себя в большей безопасности.

Под аркой Джек остановился, глядя на освещенную луной лужайку. Чутье подсказывало ему, что в таком громадном здании где-то должна быть лазейка, но где – он не знал и в глубине души был этому рад. Ведь он намеревался сделать что-то ужасное, и если это оказалось невозможно, тем лучше. С другой стороны, его страшила мысль, что им придется покинуть монастырь и утром снова пуститься в путь, – их ждали бесконечные дороги, голод, разочарование, озлобленность Тома, слезы Марты. И всего этого можно было избежать благодаря одной лишь искре, высеченной из огнива, которое он носил в подвешенном у пояса маленьком мешочке.

Краешком глаза Джек заметил какое-то движение. Он вздрогнул, сердце забилося чаще. Он повернул голову и, к своему ужасу, увидел призрачную фигуру со свечой в руке, в молчании скользящую по направлению к церкви. Он с трудом подавил подступивший к горлу крик. За первой фигурой следовала вторая. Джек отступил в тень арки и, прижав ко рту кулак, впился в него зубами, чтобы заставить себя не расплакаться в голос. Он услышал какие-то жуткие стоны. В непередаваемом ужасе он вытаращил глаза. Затем сознание его начало проясняться: то, что он видел, было процессией монахов, шедших из опочивальни в церковь к полночной службе и певших псалом. Даже когда Джек понял, что к чему, паническое состояние еще какое-то время

его не оставляло, но затем схлынуло, уступив место облегчению, и его охватила безудержная дрожь.

Монах, шедший во главе процессии, огромным железным ключом отпер дверь церкви, и вереница черных фигур проследовала внутрь. Никто не обернулся, никто не взглянул в сторону Джека. Похоже, большинство из них пребывало в полусне. Дверь церкви осталась открытой.

Ноги Джека так ослабли, что он был не в состоянии двинуться с места.

«Я мог бы войти, – подумал он. – Я не должен ничего делать, когда буду в церкви. Просто посмотрю, можно ли забраться наверх. Я не собираюсь устраивать пожар. Только посмотрю и все».

Он глубоко вздохнул, затем вышел из-под арки и перебежал через лужайку. Возле открытой двери он помедлил и заглянул внутрь. На алтаре и на хорах, где расположились монахи, горели свечи, но их свет выхватывал из пустоты очень незначительное пространство, оставляя стены и боковые проходы погруженными во мрак. Возле алтаря один из монахов делал что-то странное, а другие время от времени монотонно бубнили какие-то непонятные фразы. Джеку казалось невероятным, что люди должны вылезать из своих теплых постелей посреди ночи и заниматься подобными вещами.

Он проскользнул в дверь и встал у стены.

Он находился внутри. Темнота его скрывала. Однако оставаться здесь было нельзя, в противном случае на обратном пути монахи увидели бы его. Бочком-бочком он продвинулся дальше. Колеблющиеся огоньки свечей отбрасывали дрожащие тени. Стоявший у алтаря монах мог увидеть Джека, если бы поднял глаза, но он был целиком поглощен своим занятием. Джек быстро перебежал от одной могучей колонны к другой, делая остановки, чтобы его продвижение было таким же хаотичным, как беспорядочно мечущиеся по стенам тени. По мере того как он приближался к центру собора, свет становился все ярче, и он испугался, что ведущий службу монах вдруг оторвется от своей книги, увидит постороннего, бросится к нему, схватит за шкуру и...

Джек добрался до угла и благополучно завернул в более темный неф.

Он постоял немного, чувствуя, как спадает волнение. Затем стал отходить по боковому проходу в западную часть церкви, по-прежнему время от времени делая остановки, как если бы он выслеживал оленя. Добравшись наконец до самого дальнего и самого темного конца церкви, он сел на цоколь колонны и стал ждать, когда закончится служба.

Опустив голову на грудь и укутавшись в плащ, он пытался согреть себя собственным дыханием. За последние две недели жизнь Джека так сильно изменилась, что ему казалось, будто прошли годы с тех пор, как он безмятежно жил в лесу со своей мамой. Он понимал, что больше ему уже никогда не будет покоя. Теперь, когда он познал голод, холод, опасности и отчаяние, он всегда будет их бояться.

Джек выглянул из-за колонны. Над алтарем, где горели самые яркие свечи, он мог различить высокий деревянный потолок. Ему было известно, что новые церкви имели каменные своды, но Кингсбриджский собор был старым. Этот деревянный потолок, похоже, будет хорошо гореть.

«Нет, я не сделаю этого», – подумал он.

Том был бы так счастлив, если бы сгорел собор... Джек не мог с уверенностью сказать, что ему нравится Том – он был слишком груб и привык всеми распоряжаться. Джеку же было больше по нраву мягкое обращение матери. Но Том внушал ему уважение и даже благоговение. Остальные мужчины, которых Джеку доводилось встречать, были разбойниками, опасными и жестокими людьми, уважавшими только силу и коварство, людьми, для которых высшим достижением было всадить человеку нож в спину. Том был другим – гордым и бесстрашным, даже тогда, когда не имел при себе оружия. Джек никогда не забудет, как смело Том встал на пути Уильяма Хамлея, когда тот предлагал продать ему маму. Больше всего поразило тогда

Джека то, что лорд Уильям испугался. Потом он признался матери, что и представить себе не мог, что бывают такие смелые люди, как Том, а она сказала: «Вот потому-то мы и ушли из леса. Тебе нужен мужчина, которого бы ты уважал».

Ее замечание озадачило Джека, но, честно говоря, он хотел бы совершить нечто такое, что произвело бы на Тома впечатление. Хотя, конечно, поджечь собор – не совсем то. И лучше, если об этом никто не узнает, по крайней мере, в течение многих лет. Но может, придет день, и Джек скажет Тому: «Помнишь ту ночь, когда сгорел Кингсбриджский собор и приор нанял тебя отстраивать его, а мы все получили еду и крышу над головой? Я хочу рассказать тебе кое-что о том, как начался пожар...» Какой же это будет чудесный день!

«Но я не посмею это сделать», – подумал он.

Пение прекратилось, и монахи, шаркая ногами, покинули свои места. Служба закончилась. Джек, притаившись, ждал, пока они гуськом выходили из церкви.

Уходя, они задули все свечи, кроме той, что горела на алтаре. Дверь захлопнулась. Джек еще немного подождал, прислушиваясь, не остался ли кто, потом вышел из-за колонны.

Он направился к алтарю. Непривычно и странно было находиться одному в этом огромном, холодном и пустом здании. Джек подумал, что, должно быть, так чувствуют себя мыши, когда разгуливают по дому. Подойдя к алтарю, он взял толстую, яркую свечу, и от этого ему сразу стало уютнее.

Со свечой в руках он принялся изучать церковь. Возле угла, где к нефу примыкал южный трансепт, – в том самом месте, где он больше всего боялся, что его увидит стоявший у алтаря монах, – в стене была дверь, запиравшаяся на простую задвижку. Он отодвинул задвижку. Дверь открылась.

Свеча осветила винтовую лестницу, такую узкую, что толстый человек не смог бы по ней протиснуться, и такую низкую, что Тому пришлось бы согнуться пополам. Джек начал подниматься по ступенькам.

Он вынырнул на узенькую галерею. По одну ее сторону ряд небольших арок смотрел в пустоту темного нефа. С верхушек этих арок отлого спускался потолок, упираясь в другую сторону галереи. Пол здесь был не ровным, а выпуклым, с углублением в обе стороны. Джеку потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, где он находится. Он был над южным боковым приделом нефа. Сводчатый потолок этого придела как раз и являлся полом, на котором стоял сейчас Джек. Если посмотреть на церковь со стороны, можно было увидеть, что боковой придел имеет покатую крышу – вот это и есть тот отлогий потолок, под которым очутился Джек. Но поскольку боковой придел гораздо ниже нефа, до главной крыши здания было еще далеко.

Он пошел вдоль по галерее. Сейчас, когда монахи ушли и он больше не боялся, что его поймут, Джек испытывал восторг. Он чувствовал себя так, словно забрался на дерево и обнаружил, что вершины всех соседних деревьев, скрытые от посторонних глаз нижними ветками, соединены между собой, образуя высоко над землей совершенно иной, таинственный мир.

В конце галереи он увидел маленькую дверцу и, войдя в нее, оказался внутри юго-западной башни, той самой, что осталась целой. Это место явно не предназначалось для посещений, здесь все было сделано кое-как, а вместо пола виднелись голые балки с широкими щелями между ними. Однако вдоль внутренней стороны стены поднималась деревянная лестница без перил. Джек пошел наверх.

На середине лестницы в стене виднелось полукруглое отверстие. Джек просунул в него голову и посветил свечой. Он увидел чердак, снизу был деревянный потолок нефа, сверху – свинцовая крыша. Разглядеть рисунок переплетения деревянных балок сначала было невозможно, но через минуту его глаза начали привыкать, и он увидел гигантские дубовые брусья, каждый в фут шириной и два фута толщиной, перекинутые через неф с севера на юг. Над каждым брусом, образуя с ним треугольник, возвышались две мощные балки. Правильный ряд

треугольников уходил вдаль, куда уже не доставал слабый свет свечи. Взглянув вниз, между брусьев, Джек увидел доски деревянного потолка нефа, которые крепились к нижним сторонам поперечных балок.

С краю, по всей длине чердака, поверх брусьев были постелены мостки. Джек пролез в отверстие, через которое разглядывал чердак, и встал на мостки. Крыша оказалась совсем рядом: взрослому человеку пришлось бы пригнуться. Джек сделал несколько шагов. Чтобы устроить пожар, дерева здесь было более чем достаточно. Он потянул носом воздух, стараясь определить, что это за запах. Пахло смолой – ею обрабатывали балки крыши. Они будут гореть, как солома.

Внезапно внизу что-то зашевелилось. Он вздрогнул, и его сердце забилося. Он вспомнил о выходящем из реки обезглавленном рыцаре и о призрачной процессии монахов. Но потом подумал, что это, должно быть, мыши, и несколько успокоился. Однако приглядевшись как следует, он увидел, что это были птицы, устроившие себе гнезда под крышей.

Чердак, в точности повторяя очертания находящегося под ним здания, разветвлялся на трансепты. Джек дошел до перекрестка и остановился. Он смекнул, что, должно быть, находится прямо над винтовой лестницей, по которой поднялся на галерею. Если бы он собирался поджечь церковь, то сделал бы это именно здесь. Отсюда пожар распространится в четырех направлениях: на запад – вдоль нефа, на юг – в южный трансепт и через центральную часть церкви перекинется в алтарь и северный трансепт.

Несущие балки крыши были сделаны из сердцевины дуба, но, хотя были просмолены, могли и не загореться от пламени свечи. Однако под крышей тут и там валялись старые щепки и стружки, обрывки веревок и тряпок, а также покинутые птицами гнезда – это могло послужить великолепной растопкой. Все, что нужно было сделать Джеку, – собрать их и подпалить.

Его свеча догорала.

А все ведь так просто. Собрать мусор, прикоснуться к нему пламенем свечи и уйти. Тенью перебежать через двор, прошмыгнуть в гостевой дом, свернуться клубочком на лежащем на полу сене и ждать, когда ударят в набат.

Но если его увидят...

Если бы его сейчас поймали, он мог сказать, что всего лишь исследует собор из любопытства, и самое страшное, что ему сделали бы, – это задали хорошенькую трепку. Но если его поймут, когда он будет поджигать церковь, трепкой уже не ограничатся. Он вспомнил маленького воришку из Ширинга, что украл сахар, и то, как кровоточила его попка. В его памяти воскресли воспоминания о наказаниях, которым подверглись известные ему разбойники: Фарамонд Открытый Рот лишился губ, Джек Лихач потерял руку, а Алана Кошачью Морду посадили в колодки и забросали камнями, и с тех пор он не может нормально говорить. Но еще хуже дело обстояло с теми, кто не вынес наказаний: с убийцей, которого посадили в бочку, утыканную шипами, и спустили с горы, и шипы разодрали его тело; с конокрадом, которого сожгли заживо; с потаскухой-воровкой, посаженной на кол... А что сделают с мальчишкой, который поджег церковь?

Погруженный в свои мысли, он начал собирать мусор и складывать его в кучу прямо под одной из балок.

Когда куча стала высотой в фут, он сел и уставился на нее.

Свеча уже поплыла. Через несколько мгновений она погаснет.

Быстрым движением он поднес догорающую свечу к тряпке. Она занялась. Пламя моментально перекинулось на стружку, начало было затухать, робко облизывая своими ленивыми язычками гнездо, но вдруг снова весело запыхало.

«Я еще могу его погасить», – подумал Джек.

Мусор сгорал так стремительно, что казалось, прежде чем займется балка, от него уже ничего не останется. Джек торопливо набрал еще щепок и подбросил в огонь. Пламя стало

повыше. «И все же еще не поздно потушить его», – сказал он себе. Смола, которой была пропитана балка, начала чернеть и дымиться. Костер все разгорался. «Надо просто дать ему прогореть, он и сам потухнет», – убеждал себя Джек. Затем он увидел, как запылали доски мостков, на которых он устроил костер. «Наверное, еще можно сбить огонь плащом», – подумал он, но вместо этого бросил в кучу несколько щепок и стал смотреть, как пламя поползло вверх.

Воздух чердака раскалился и наполнился дымом, хотя по другую сторону крыши стояла морозная ночь. Одна за другой загорелись доски, к которым были прибиты свинцовые листы кровли. И наконец, вспыхнув маленьким язычком, занялась массивная несущая балка.

Собор горел.

Теперь уже отступить было некуда.

Джек испугался. Ему захотелось как можно скорее убраться отсюда и вернуться в гостевой дом, а там, завернувшись в плащ, зарыться в сено и крепко зажмурить глаза, слушая ровное дыхание спящих.

Он начал отступать по деревянным мосткам.

Дойдя до выхода с чердака, оглянулся. Возможно, благодаря тому, что балки были пропитаны смолой, огонь распространялся удивительно быстро. Все доски охватило пламя, несущие балки начали разгораться, и огонь уже бежал по мосткам. Джек отвернулся.

Он нырнул в башню и спустился по ступенькам, галереей пробежал над боковым приделом, по винтовой лестнице кубарем скатился в неф и подбежал к двери, через которую вошел.

Она оказалась запертой.

Какой же он глупый! Ведь когда монахи входили в церковь, они открыли дверь, а выходя, естественно, снова заперли.

К горлу подступил страх. Он поджег церковь, а сам оказался ее пленником.

Подавив в себе панику, он старался думать спокойно. Когда обходил вокруг церкви, он пытался открыть каждую дверь и обнаружил, что все они заперты, но, скорее всего, некоторые заперты на задвижку, не на замок, и их можно открыть изнутри.

Он помчался в другой конец собора, в северный трансепт, и осмотрел дверь северной паперти. Там был замок.

Через темный неф он бросился к главному входу и попытался открыть каждую из трех массивных дверей. Все оказались запертыми на ключ. Попробовал открыть дверь южного придела. Бесполезно.

Джеку хотелось зареветь, но это бы ему точно не помогло. Он глянул на деревянный потолок. То ли это ему казалось, то ли он действительно видел, как в слабом свете луны возле угла южного трансепта сквозь потолок начали просачиваться струйки дыма.

«Что же делать?» – лихорадочно думал он.

Может, когда монахи проснутся и прибегут тушить пожар, в этой суете он сможет незаметно выскочить? А вдруг они сразу увидят его и схватят, изрыгая проклятия? Или так и будут спать, как ни в чем не бывало, пока здание не рухнет и не раздавит Джека гигантскими каменными обломками.

Слезы подступили к глазам. Лучше бы он не поджигал эту кучу мусора.

Джек дико озирался. А если подойти к окну и закричать, услышит кто-нибудь?

Сверху послышался треск. Джек поднял голову и увидел, что в деревянном потолке образовалась дыра, которую пробила рухнувшая балка. Эта дыра была похожа на красную заплату на черной ткани. Через минуту раздался новый треск и громадное бревно, пробив потолок и перевернувшись в воздухе, с такой силой грохнулось на землю, что содрогнулись могучие колонны церковного нефа. Вслед за бревном сверху посыпался дождь искр и горящих углей. Джек прислушался, ожидая услышать крики, призывы на помощь или удары в колокол, но так ничего и не услышал. Если монахи не проснулись даже от этого грохота, своим криком он и подавно никого не разбудит.

«Я погиб! – в панике думал он. – Если не найду выхода, либо сгорю, либо меня раздавит!»

Он вспомнил про развалившуюся башню. Когда он осматривал ее снаружи, никакого лаза не заметил, но тогда он боялся упасть или вызвать обвал. Может, если посмотреть снова, изнутри, он что-нибудь обнаружит, и отчаяние поможет ему протиснуться там, где прежде это казалось невозможным.

Он побежал в западную часть собора. Отблеск бушующего пламени, проникавший в неф через проломленный потолок, и свет, исходивший от рухнувшего сверху бревна, окрасили сводчатую галерею в золотистый цвет. Джек внимательно осмотрел каменную кладку, что когда-то была северо-западной башней. Стена оказалась крепкой, без единого пролома. Он как-то нелепо раскрыл рот и тоненько заголосил: «Ма-ма-а!» – хотя ему было абсолютно ясно, что никто его не услышит.

Но через минуту он снова заставил себя собраться. Он чувствовал, что где-то в глубине сознания у него зреет план, связанный с этой башней. В другую, целую башню ему удалось попасть через галерею, проходящую над южным приделом. Если теперь он попробует пройти через галерею северного придела, то, возможно, найдет пролом в стене башни, которого не было видно снизу.

Оставаясь под прикрытием потолка бокового придела – на случай, если начнут рушиться горящие балки, – Джек побежал к тому месту, где северный трансепт примыкал к нефу. С этой стороны тоже должна быть дверка, ведущая на винтовую лестницу. Он дошел до угла. Двери не было. Он заглянул за угол – там тоже ничего. Просто невероятно: должен же где-то быть проход на галерею!

Стараясь не терять самообладания, он напряженно думал. Ход в рухнувшую башню существовал – просто его надо найти. «Я могу вернуться на чердак через юго-западную башню, – рассуждал он, – и по чердаку перебраться на другую сторону. А там обязательно должен быть проход в эту башню. Тогда, возможно, мне удастся выбраться отсюда».

Джек с опаской поглядел на потолок. Там, словно в аду, уже бушевало пламя. Но другого выхода он не мог придумать.

Прежде всего нужно было пересечь неф. Он снова посмотрел вверх. Насколько он мог видеть, пока ничто не должно было рухнуть. Он сделал глубокий вдох и ринулся на другую сторону.

Благополучно добравшись до южного придела, Джек рванул ведущую на винтовую лестницу дверцу и помчался наверх. Оказавшись на галерее, он почувствовал горячее дыхание бушевавшего совсем рядом пожара. Со всех ног он бросился к юго-западной башне, вбежал в нее и стремительно понесся по лестнице.

Нырнув в чердачное отверстие, Джек оказался под крышей. Все заволочло дымом, воздух раскалился. Доски, к которым крепились кровля, пылали, а в дальнем конце чердака всюду горели массивные балки. Удушливый запах горячей смолы вызвал у Джека приступ кашля. Помедлив, он встал на перекинутый через неф брус и начал осторожно продвигаться. От жары он покрылся испариной, глаза стали слезиться, и он едва видел, куда идет. Джек снова закашлялся, его правая нога соскользнула с бруса, он остушился и упал, проломив ею прогнивший потолок. Он в ужасе подумал о высоте нефа и о том, как будет лететь вниз, если не выдержат трухлявые доски. Вспомнив, как падало бревно, представил, как сам полетит, переворачиваясь в воздухе. Но дерево выдержало.

Потрясенный, он застыл, опираясь на руки и одно колено, в то время как его правая нога болталась в проломе потолка. Нестерпимый жар заставил его очнуться. Он осторожно вытащил из дыры ногу и, встав на четвереньки, пополз вдоль бруса.

Он уже приблизился к другой стороне чердака, когда в неф с грохотом рухнули сразу несколько балок. Казалось, все здание зашаталось, а брус под Джеком задрожал, как тетива

лука. Остановившись, Джек крепко вцепился в него. Колебание прекратилось. Он пополз дальше и через минуту очутился на мостках северной стороны.

Если бы его предположение оказалось неверным и прохода в развалины северо-западной башни он не нашел, ему пришлось бы возвращаться той же дорогой.

Когда встал на ноги, почувствовал, как в лицо повеяло потоком холодного воздуха. Определенно здесь должна быть дыра. Но сумеет ли он в нее пролезть?

Джек сделал три шага и остановился, глядя через огромный пролом на залитую лунным светом груды камней, чувствуя слабость и облегчение. Ему все-таки удалось выбраться из преисподней.

Но Джек находился очень высоко, на уровне крыши, а куча булыжников была далеко внизу, слишком далеко, чтобы прыгнуть. Он спасся от огня, но сумеет ли спуститься, не сломав себе шею? Пламя за его спиной подступало все ближе, а сквозь пролом, в котором он стоял, валил дым.

В этой башне когда-то имелаась лестница, шедшая вдоль внутренних стен, – точно такая, как в юго-западной башне, – но она почти полностью разрушилась при обвале. Однако в тех местах, где крепились деревянные ступени, с внешней стороны башни торчали коротенькие обрубки, в дюйм-два длиной, иногда чуть больше. Джек сомневался, что сможет по ним спуститься вниз. Это было бы слишком рискованно. Но тут он почувствовал, как запахло паленым: его накидка начала дымиться. Выбор у него не оставалось.

Джек сел, дотянулся до ближайшего обрубка, ухватился за него обеими руками и, свесив ногу, пошарил ею, пока не наткнулся на опору. Затем опустил другую ногу. Нащупывая путь, он сделал первый шаг, дотянулся до следующей деревяшки и, прежде чем перенести на нее вес, проверил ее на прочность. Эта немного шаталась. Он осторожно наступил, крепко держась руками на случай, если нога сорвется, и он повиснет. Каждый шаг приближал его к груде лежавших на земле камней. По мере того как он спускался, опора становилась все ненадежнее. Джек переставил обутую в валяный башмак ногу на короткий, не длиннее дюйма, брусочек, но когда оперся на него, нога соскочила. Другая нога стояла на более длинном обрубке, но когда на него внезапно перешел весь вес, он обломился. Джек изо всех сил старался удержаться, но деревянные башмаки были такими маленькими, что он не смог как следует ухватиться и полетел вниз.

Больно ударившись руками и коленями, он упал на груды камней. Джек был так потрясен и напуган, что на какое-то мгновение подумал: «Я уже умер», но очень скоро понял, что упал удачно. Руки исцарапаны, колени разбиты, но сам он остался невредим.

Через минуту Джек уже спускался с груды камней, а когда до земли осталось несколько футов, прыгнул.

Он уцелел. Страх отхлынул, он чувствовал слабость, и ему захотелось расплакаться. Он спасся и был горд: какое удивительное приключение он пережил!

Но это было еще не все. Отсюда виднелась только струйка дыма, а рев огня, оглушительный на чердаке, здесь представлялся отдаленным завыванием ветра. Только алое зарево в окнах собора говорило о том, что там бушует пожар. Но страшный грохот, с каким рухнули последние балки, возможно, кого-нибудь разбудил, и в любой момент из опочивальни мог выскочить монах с заспанными глазами, не понимающий, действительно ли он почувствовал землетрясение или ему почудилось. Джек поджег церковь – это ужаснейшее преступление. Надо как можно скорее сматываться.

Через лужайку он перебежал к гостевому дому. Все было тихо и спокойно. Тяжело дыша, остановился у двери. Если бы он сейчас вошел, то своим дыханием наверняка всех бы разбудил. Джек постарался справиться с одышкой, но из этого ничего не вышло.

И тут тишину разорвали удары колокола. Джек застыл. Если сейчас он не войдет в дом, его увидят. Если войдет...

Дверь распахнулась, и на пороге появилась Марта. Испуганный Джек уставился на нее.

– Ты где был? – тихо спросила она. – От тебя пахнет дымом.

Джек придумал показавшееся правдоподобным объяснение.

– Я только что вышел, – растерянно сказал он. – Услышал колокол и вышел.

– Врунишка, – пролепетала Марта. – Тебя не было целую вечность. Я знаю. Я не спала.

Он понял: ее не провести.

– А кто еще не спал? – взволнованно спросил он.

– Никто, только я.

– Пожалуйста, не говори им, что я уходил.

Она почувствовала в его голосе неподдельный страх и ласково сказала:

– Хорошо. Это будет моей тайной. Не беспокойся.

– Спасибо!

В этот момент, почесывая затылок, вышел Том.

Джек струсил. Что он подумает?

– Что происходит? – спросил Том сонным голосом. – Дымом воняет.

Трясущейся рукой Джек указал на собор.

– Мне кажется... – проговорил он и поперхнулся. С чувством громадного облегчения он вдруг понял, что все складывается как нельзя лучше. Том поверит, что Джек, как и Марта, поднялся минутой раньше. Джек снова заговорил, на этот раз его голос звучал уверенно. – Посмотри на церковь, – сказал он Тому. – Мне кажется, она горит.

II

Филип не привык спать в отдельной спальне. Он скучал по ворочавшимся и сопевшим во сне братьям, по возне, которая поднималась, когда кто-нибудь из старых монахов отправлялся в отхожее место (обычно за ним следовали и другие старики – и эта процессия ужасно забавляла молодежь). Одиночество не мешало Филипу только по вечерам, когда он смертельно уставал, но среди ночи, отслужив заутреню, он уже не мог заставить себя снова лечь. Вместо того чтобы вернуться в свою огромную мягкую постель, он разводил огонь и читал при свече, или, встав на колени, молился, или просто сидел и думал.

Ему было о чем думать. Финансы монастыря находились даже в худшем состоянии, чем он ожидал. Возможно оттого, что монастырь получал слишком мало наличных денег. Он владел обширными землями, но многие хозяйства были отданы в длительную аренду за низкую плату, и некоторые расплачивались с монастырем натурой: столько-то мешков муки, столько-то бочек яблок, столько-то телег репы. Теми хозяйствами, которые не были сданы в аренду, управляли монахи, но им никогда не удавалось произвести излишки продуктов для продажи. Другим важным источником доходов являлись находившиеся в собственности монастыря церкви, платившие ему десятину. Но большинство из них контролировались ризничим, и Филип столкнулся с некоторыми трудностями, когда решил выяснить, сколько тот получал денег и как тратил. Никаких записей на этот счет не велось, однако было ясно, что доходы ризничего слишком малы или он неумело распоряжался ими, чтобы поддерживать церковь в хорошем состоянии, хотя за многие годы собрал внушительную коллекцию драгоценной посуды и украшений.

Филип не мог получить полную картину состояния дел, пока сам не объедет обширные владения монастыря, но общее представление у него имелось. Мало того, на текущие расходы старый приор уже несколько лет занимал деньги у ростовщиков Винчестера и Лондона. Когда Филип узнал об этом, он чуть не впал в уныние.

Но размышляя и молясь, он сумел найти решение. Его план состоял из трех этапов. Он начнет с того, что приберет к рукам доходы монастыря. В настоящее время каждый монастырский чин сам осуществлял контроль за своей долей собственности и исполнял свои обязанно-

сти, используя для этого получаемые им деньги: келарь, ризничий, смотритель гостевого дома, воспитатель послушников и надзиратель больницы – все они имели «свои» хозяйства и церкви и ни один в жизни не признался бы, что у него слишком много денег, а когда появлялись хоть какие-то излишки, их старались как можно быстрее потратить, опасаясь, что их отнимут. Филип решил учредить новую должность управляющего хозяйством, чьей заботой будет собирать все полагающиеся монастырю деньги и выдавать каждому ровно столько, сколько ему необходимо.

Разумеется, управляющим должен был быть кто-то, кому бы Филип полностью доверял. Сначала он склонялся к тому, чтобы поручить эту работу Белокрысому Катберту, келарю, но тут же вспомнил, с каким отвращением Катберт относился ко всякого рода писанине. А ведь все доходы и расходы следует заносить в специальную книгу. И тогда Филип решил назначить управляющим брата Милиуса, молодого повара. Он понимал, что его противникам в монастыре любая его кандидатура окажется не по нутру, но командовал здесь он, а большинство монахов, которые либо знают, либо догадываются о тяжелом положении монастыря, его поддерживают.

Когда он станет распоряжаться деньгами, Филип приступит к осуществлению второго этапа своего плана.

Арендная плата со всех дальних хозяйств будет взиматься деньгами. Это позволит положить конец дорогостоящим перевозкам продуктов на большие расстояния. Так, в Йоркшире у монастыря имелось владение, которое платило «ренту» в размере двенадцати барашков, и каждый год посылало их в Кингсбридж, хотя стоимость перевозки превышала стоимость самих барашков, да еще половина из них обычно дошли в дороге. В будущем производить продукты для монастыря будут только ближние хозяйства.

Он также планировал изменить существующую систему, при которой каждое хозяйство производило всего понемногу: немного зерна, немного мяса, немного молока и так далее. То есть каждое хозяйство могло произвести разного вида продукции в количестве, достаточном лишь для собственных нужд, вернее сказать, потребить ровно столько, сколько производило. Филип же хотел, чтобы каждое хозяйство сосредоточило свои усилия на производстве чего-то одного, чтобы зерновые выращивались в деревнях Сомерсета, где у монастыря, кроме всего прочего, еще и несколько мельниц. А на зеленых холмах Уилтшира пасся скот: там будут производить масло и мясо. Ну а в маленькой обители Святого-Иоанна-что-в-Лесу выращивали коз и делали сыр.

Но главной задумкой Филипа было превратить все средние хозяйства – те, что располагались на неплодородных или посредственных землях, особенно в гористой местности, – в овцеводческие.

Свое детство он провел в монастыре, который занимался разведением овец (в той части Уэльса все занимались овцеводством), и сколько себя помнил, из года в год цена на шерсть медленно, но неуклонно росла. Через несколько лет овцеводство могло бы решить денежную проблему монастыря.

Это было вторым этапом плана. Третий же этап предполагал разрушение собора и строительство нового.

Существующий собор был стар, некрасив и неудобен, а то, что рухнула северо-западная башня, свидетельствовало о возможной ветхости всего сооружения. Современные церкви строили выше, объемнее и – что самое важное – светлее. В них также были предусмотрены места для гробниц и священных реликвий, которые привлекали паломников. Все чаще в соборах использовались небольшие дополнительные алтари и часовни, воздвигнутые в честь местнопочитаемых святых. Хорошо спроектированная церковь могла привлечь гораздо больше верующих и паломников, чем Кингсбридж сейчас, и таким образом на многие годы обеспечить свое

существование. Когда Филип приведет финансы монастыря в полный порядок, он построит новую церковь, символизирующую возрождение Кингсбриджа.

Это станет венцом всей его жизни.

Он подумал, что деньги для начала строительства появятся лет через десять. Боже! Ему тогда будет почти сорок! Но примерно через год он сделает ремонт, который придаст собору если не великолепный, то хотя бы вполне приличный вид.

Теперь, когда у Филипа появился четкий план, он снова чувствовал себя бодрым и полным оптимизма. Обдумывая детали, он услышал неясный шум, словно где-то далеко хлопнула тяжелая дверь. «Должно быть, кто-нибудь бродит в опочивальне или на галерее», – подумал он и, решив, что, если что-то случилось, он об этом очень скоро узнает, снова вернулся мыслями к рентам и налогам. Еще одним важным источником средств для монастыря были дары родителей мальчиков, которые становились послушниками, но для того, чтобы привлекать в монастырь больше детей из зажиточных семей, нужно иметь процветающую школу...

Его размышления вновь были прерваны, на этот раз более мощным ударом, от которого все здание слегка содрогнулось. Это уже не походило на хлопающую дверь. «Да что там происходит?» – недоумевал Филип. Он подошел к окну и распахнул ставни. От ударившего в лицо порыва холодного ветра он поежился. Выглянув, обвел глазами церковь, часовню, крытую галерею, опочивальню и стоящую за ней кухню. В свете луны все выглядело тихо и мирно. Воздух был таким морозным, что, когда он вдохнул, у него заныли зубы. Но все же что-то здесь было не так. Филип принюхался. Он явственно ощущал запах дыма.

Он нахмурился, однако огня нигде видно не было.

Отойдя от окна, снова потянул носом воздух, думая, что, возможно, это запах дыма из очага. Нет, не похоже.

Озадаченный и встревоженный, Филип спешно обулся, подхватил сутану и стремительно вышел на воздух.

Когда он подошел поближе к галерее, запах гари усилился. Сомнений уже не было: в монастыре что-то горело. Прежде всего он подумал, что это кухня, – подавляющее большинство пожаров случалось именно там. Через проход между южным трансептом и часовней он очутился на площади у крытой галереи. В дневное время он мог бы попасть на кухонный двор через трапезную, но на ночь она закрывалась, поэтому Филип прошел через арку и, свернув направо, оказался позади кухни. Никаких признаков пожара не наблюдалось, как не было их и в пекарне с пивоварней, да и запах гари здесь был не таким сильным. Филип прошел чуть дальше и посмотрел на стоявшие в другом конце двора гостевой дом и конюшню. Там все было спокойно.

Уж нет ли пожара в опочивальне? Эта мысль привела его в ужас. Пока он быстро шел назад, воображение нарисовало чудовищную картину угоревших от дыма монахов, без чувств лежащих в пылающей опочивальне. Но едва он подошел к ней, дверь распахнулась, и на пороге со свечой в руке появился Катберт.

– Чувствуешь? – тут же спросил он.

– Да. Монахи не пострадали?

– Здесь нет огня!

Филип облегченно вздохнул. Слава Богу, паства невредима.

– Где же тогда?

– Может, на кухне? – предположил Катберт.

– Там нет – я проверил.

Теперь, когда Филип знал, что его людям опасность не грозит, он забеспокоился об имуществе. Он только что думал о доходах монастыря и прекрасно понимал, что денег на ремонт сейчас нет. Филип взглянул на церковь. Ему показалось, что в ее окнах он увидел слабый красноватый отблеск.

– Катберт, возьми у ризничего ключ от церкви.

– Я уже взял.

– Молодец!

Они поспешили к двери южного транспта. Не мешкая, Катберт повернул ключ. Как только дверь распахнулась, из нее повалил густой дым.

У Филипа оборвалось сердце. Ну каким образом могла загореться церковь?

Он вошел и то, что увидел, привело его в замешательство. На полу, вокруг алтаря и в южном транспте, валялись огромные горящие бревна. Как они сюда попали? Почему от них так много дыма? И откуда исходит этот гул бушующего пламени?

– Посмотри наверх! – крикнул Катберт.

Филип в ужасе уставился на яростно горевший потолок, словно наверху была преисподняя. В образовавшейся дыре виднелись почерневшие полыхающие балки крыши, языки пламени и клубы дыма, кружась, бешено металась в какой-то дьявольской пляске. Потрясенный, Филип стоял, задрал голову, и смотрел, не в силах оторваться от этого зрелища, пока не заболела шея. Затем, словно очнувшись, собрался с мыслями.

Он подбежал к алтарю и оглядел церковь. Вся крыша занялась огнем. «Как же мы будем ее заливать?» – подумал было он, но представив себе бегущих с ведрами монахов, понял, что это невозможно: они все равно не смогут поднять на крышу достаточное количество воды, чтобы залить этот бушующий ад. С упавшим сердцем он осознал, что крыша сгорит полностью, и пока он не найдет деньги на ее ремонт, в церковь будет падать снег и лить дождь.

Треск и грохот заставили его вновь посмотреть вверх. Прямо над ним начало медленно крениться огромное бревно. Он стремглав бросился назад, в южный транспт, где стоял насмерть перепуганный Катберт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.